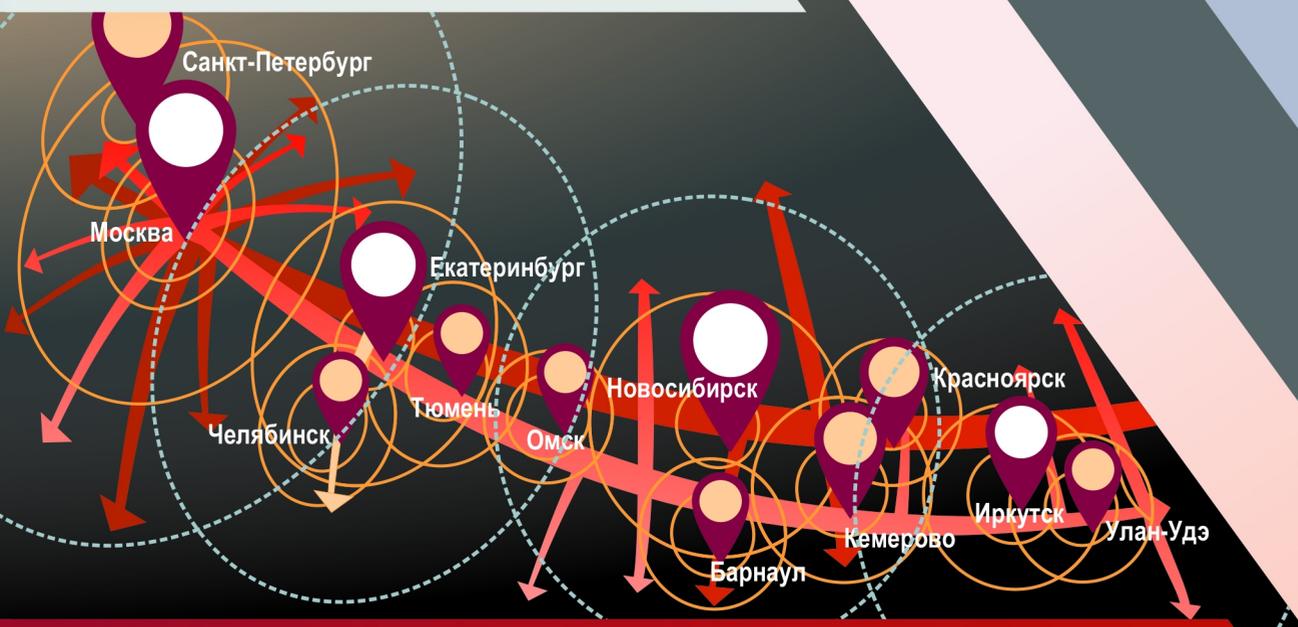

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

2 (40)
2025

TERRITORY DEVELOPMENT

Quarterly
scientific-practical journal

FOUNDED IN 2015

2025. № 2 (40)

EDITORIAL BOARD

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Leonid K. Bobrov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Lyudmila K. Serga, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

Link to the journal "Territory Development" is mandatory when materials are used.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPА

Founder
Federal State-funded Educational Institution
of Higher Education
"Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration"

"Territory Development" journal —
media partner of division
of the Russian Historical Society
(Novosibirsk)

Editor in chief
Leonid V. Savinov, Doctor of Political Science

Assistant Editor
Sergey M. Koba

Editorial office address:
Nizhegorodskaya street, 6,
Novosibirsk, 630102

Phone: +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Editors:
V. V. Popova
N. V. Ivanova

Technical Editor *O. A. Gladunova*

SibAGS Publishing House.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Release date 16.06.2025.
OCE print. Format 60x84 1/8.
Conventional printed sheet 12,55.
Publisher's signature 12,63.
Edition of 500 copies. Order 4.

The Journal is included in the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media Register.
Register number and date of registration:
III № ФС77-81592
dated August 6, 2021.

Printed
on the printing facility
of the Siberian Institute of Management —
branch of RANEPА.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Subscription price 180.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Ежеквартальный
научно-практический журнал

ОСНОВАН В 2015 Г.

2025. № 2 (40)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Минаков Владимир Федорович, доктор технических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Развитие территорий» ссылка на журнал обязательна.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Учредитель
ФГБОУ ВО
«Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Журнал «Развитие территорий» —
информационный партнер отделения
Российского исторического общества
в г. Новосибирске

Главный редактор
Леонид Вячеславович Савинов
доктор политических наук

Ответственный секретарь
Сергей Михайлович Коба

Адрес редакции:
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6.

Тел. +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Редакторы:
В. В. Попова
Н. В. Иванова

Технический редактор *О. А. Гладунова*

Издательство СибАГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Дата выхода в свет 16.06.2025.
Печать ОСЕ. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 12,55. Уч.-изд. л. 12,63.
Тираж 500 экз. Заказ 4.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер и дата регистрации:
ПИ № ФС77-81592
от 6 августа 2021 г.

Отпечатано
на полиграфической базе
Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Цена по подписке 180 руб.

EDITORIAL COUNCIL

- Yuri I. Shokin**, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)
- Valery A. Kryukov**, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)
- Vyacheslav I. Molodin**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)
- Sergey M. Drobyshchevsky**, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Ruben O. Agavelyan**, Doctor of Psychology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Sergey V. Biryukov**, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Vladimir N. Borisov**, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Roman N. Borovskikh**, Doctor of Law (Russian Federation, Tomsk)
- Vladimir A. Volokh**, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Anna I. Guseva**, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Paul Desendorf**, PhD, University of West Carolina (USA, Kallouhy)
- Vladimir Yu. Zorin**, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Andrey S. Zuev**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Nikolay E. Kalenov**, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Dmitry V. Kim**, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Omsk)
- Irina V. Knyazeva**, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Sergey V. Kodan**, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)
- Kremer Raimund**, PhD (Germany, Potsdam)
- Chimiza K.-O. Lamazhaa**, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Arbahan K. Magomedov**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Ulyanovsk)
- Izabella P. Malinova**, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)
- Lyudmila A. Mokretsova**, Doctor of Pedagogy (Russian Federation, Professor, Biysk)
- Alexander V. Novokreschenov**, Doctor of Sociology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Roza A. Nurtazina**, Doctor of Political Sciences, Professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
- Tatyana V. Poplavskaya**, Doctor of Philology, Professor (Belarus, Minsk)
- Mikhail L. Pyatov**, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)
- Olga V. Simagina**, Doctor of Economics, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Galina V. Timofeeva**, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Baktykan M. Torogeldieva**, Doctor of Political Science, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)
- Irbulat T. Utepbergenov**, Doctor of Technical Sciences, Professor (Kazakhstan, Almaty)
- Tatyana E. Fassenko**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)
- Alexey V. Fedyakin**, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)
- Larisa L. Khoperskaya**, Doctor of Political Sciences, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)
- Sergey N. Chirun**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Kemerovo)
- Cheng Runyu**, PhD (China, Shanghai)
- Vladimir I. Shishkin**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шокин Юрий Иванович**, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)
- Крюков Валерий Анатольевич**, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)
- Молодин Вячеслав Иванович**, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)
- Дробышевский Сергей Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)
- Агавелян Рубен Оганесович**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Бирюков Сергей Владимирович**, доктор политических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Борисов Владимир Николаевич**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)
- Боровских Роман Николаевич**, доктор юридических наук (Россия, Томск)
- Волох Владимир Александрович**, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
- Гусева Анна Ивановна**, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)
- Зорин Владимир Юрьевич**, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
- Зув Андрей Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Каленов Николай Евгеньевич**, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)
- Ким Дмитрий Владимирович**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
- Князева Ирина Владимировна**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Кодан Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
- Кремер Раймунд**, PhD (Германия, Потсдам)
- Ламажаа Чимиза Кудер-Ооловна**, доктор философских наук, профессор (Россия, Москва)
- Магомедов Арбахан Курбанович**, доктор политических наук, доцент (Россия, Ульяновск)
- Малинова Изабелла Павловна**, доктор философских наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
- Мокрецова Людмила Алексеевна**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Бийск)
- Новокрещёнов Александр Васильевич**, доктор социологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Нуртазина Роза Ауталиповна**, доктор политических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
- Поплавская Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор (Беларусь, Минск)
- Пятов Михаил Львович**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Симагина Ольга Владимировна**, доктор экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)
- Тимофеева Галина Владимировна**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)
- Торогельдиева Бактыкан Макишевна**, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
- Утепбергенов Ирбулат Туремуратович**, доктор технических наук, профессор (Казахстан, Алматы)
- Фасенко Татьяна Евгеньевна**, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)
- Федякин Алексей Владимирович**, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
- Хопёрская Лариса Львовна**, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
- Чирун Сергей Николаевич**, доктор политических наук, доцент (Россия, Кемерово)
- Ченг Жунью**, PhD (Китай, Шанхай)
- Шишкин Владимир Иванович**, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

CONTENTS

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS.....	8
Nagaeva O.S., Shishatsky N.G. INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF RESOURCE REGIONS: WHAT CAN BE USEFUL FOR THE ANGARA-YENISEI MACRO-REGION?	8
Popodko G.I. THE ROLE OF RAW MATERIAL INDUSTRIES IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SIBERIAN REGIONS	24
Berezova T.G. CLASSIFICATION OF REGIONS BY LEVEL OF COMPLIANCE WITH THE DEADLINE FOR FULFILLMENT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS	38
STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS.....	50
Chernyshev I.A. FEATURES OF POLITICAL SOCIALIZATION IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A NETWORK SOCIETY	50
ECONOMIC RESEARCH	60
Kislyakov A.N. CLUSTER ANALYSIS OF SPATIO-TEMPORAL PATTERNS IN THE STUDY OF THE STRUCTURE OF BUSINESS ACTIVITY IN THE REGION.....	60
Batalov A.G., Digilina O.B. EQUAL PARTICIPATION OF OWNERS IN FINANCIAL MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS	70
Qian Xinyi, Salikov Y.A. SOLVING THE PROBLEMS OF ENSURING FOOD SECURITY IN THE PROCESS OF URBANIZATION USING THE TOOLS OF TRIZ.....	77
PAGES OF HISTORY.....	86
Pyatov M.L. POETRY OF THE RUSSIAN TRADE UNION MOVEMENT IN THE LIFE AND WORKS OF VLADIMIR VLADIMIROVICH SVYATLOVSKY	86
AUTHOR AFFILIATIONS.....	102
INFORMATION FOR AUTHORS	104

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	8
Нагаева О. С., Шишацкий Н. Г. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕСУРСНЫХ РЕГИОНОВ: ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН ДЛЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА?	8
Поподько Г. И. РОЛЬ СЫРЬЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ СИБИРИ	24
Березова Т. Г. КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ СОБЛЮДЕНИЯ СРОКА ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	38
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА	50
Чернышев И. А. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА	50
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	60
Кисляков А. Н. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПАТТЕРНОВ В ИССЛЕДОВАНИИ СТРУКТУРЫ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНА	60
Баталов А. Г., Дигилина О. Б. РАВНОЕ УЧАСТИЕ СОБСТВЕННИКОВ В ФИНАНСОВОМ УПРАВЛЕНИИ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ	70
Цянь Синь, Саликов Ю. А. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ТРИЗ	77
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	86
Пятов М. Л. ПОЭЗИЯ РОССИЙСКОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЖИЗНИ И РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА СВЯТЛОВСКОГО	86
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	102
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	104

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS

Развитие территорий. 2025. № 2. С. 08—23.
Territory Development. 2025;(2):08—23.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 332.14
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-08-23
EDN ERCJNT

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕСУРСНЫХ РЕГИОНОВ: ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН ДЛЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА?

Ольга Сергеевна Нагаева¹, Николай Георгиевич Шишацкий²

^{1,2} Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

¹ ecpro@mail.ru

² nik@ksc.krasn.ru

Аннотация. В статье анализируется сырьевая направленность развития Ангаро-Енисейского макрорегиона, объединяющего четыре региона Восточной Сибири — Красноярский край, Иркутскую область, Республику Хакасия и Республику Тыва. Однако масштабные инвестиции в проекты освоения ресурсного потенциала не влекут за собой развития смежных секторов экономики, а также повышения уровня и качества жизни населения макрорегиона. В связи с этим исследуется международный опыт наиболее успешного социально-экономического развития ресурсных регионов, выявляются основные факторы и механизмы, позволяющие данным регионам достичь не только устойчивых темпов экономического роста, но и высоких показателей социального благополучия. На основе проведенного анализа разработаны рекомендации для сбалансированного социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона.

Ключевые слова: ресурсный регион, международный опыт, Ангаро-Енисейский макрорегион, рентные доходы, уровень и качество жизни населения, социально-экономическое развитие

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2 (0260-2021-0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири». № 121040100279-5.

Для цитирования: Нагаева О. С., Шишацкий Н. Г. Международный опыт развития ресурсных регионов: чем может быть полезен для Ангаро-Енисейского макрорегиона? // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 08—23. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-08-23. EDN ERCJNT.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF RESOURCE REGIONS: WHAT CAN BE USEFUL FOR THE ANGARA-YENISEI MACRO-REGION?

Olga S. Nagaeva¹, Nikolay G. Shishatsky²

^{1,2} Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

¹ ecpro@mail.ru

² nik@ksc.krasn.ru

Abstract. The article analyzes the raw material orientation of the development of the Angara-Yenisei macro-region, which unites four regions of Eastern Siberia: Krasnoyarsk Krai, Irkutsk Oblast, the Republic of Khakas-

© Нагаева О. С., Шишацкий Н. Г., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

sia, and the Republic of Tyva. However, large-scale investments in projects to develop resource potential do not lead to the development of related sectors of the economy, as well as an increase in the level and quality of life of the population of the macro-region. In this regard, the international experience of the most successful socio-economic development of resource regions is studied, the main factors and mechanisms that allow these regions to achieve not only sustainable economic growth rates, but also high indicators of social well-being are identified. Based on the analysis, recommendations have been developed for the balanced socio-economic development of the Angara-Yenisei macro-region.

Keywords: resource region, international experience, Angara-Yenisei macro-region, rental income, level and quality of life of the population, socio-economic development

Acknowledgments: the article was prepared according to the research plan of the IEIE SB RAS, project 5.6.3.2. (0260-2021-0005) "Driving Forces and Mechanisms for the Development of Cooperation and Integration Processes in the Siberian Economy". No. 121040100279-5.

For citation: Nagaeva O.S., Shishatsky N.G. International Experience in the Development of Resource Regions: What Can Be Useful for the Angara-Yenisei Macro-Region? *Territory Development*. 2025;(2):08—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-08-23>. <https://elibrary.ru/ercjnt>.

Введение

Перспективы социально-экономического развития регионов Восточной Сибири — Красноярского края, Иркутской области, Республики Хакасия и Республики Тыва, образующих в соответствии со стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Ангаро-Енисейский макрорегион (АЕМР), во многом связаны с освоением их богатейшего природно-ресурсного потенциала. В настоящее время в макрорегионе реализуются масштабные проекты по освоению минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. В качестве основных следует отметить проект «Восток Ойл» (Красноярский край), освоение Юрубчено-Тохомской группы нефтегазовых месторождений (Красноярский край), а также месторождений Даниловского нефтегазового кластера (Иркутская область), Ковыктинского газоконденсатного месторождения (Иркутская область), Жеронского каменноугольного месторождения (Иркутская область), разработку Сырадасайского угольного месторождения (Красноярский край), развитие Бейского угольного кластера (Республика Хакасия), освоение Улуг-Хемского каменноугольного бассейна (Республика Тыва), развитие минерально-сырьевой базы ПАО «ГМК „Норильский никель”» (Красноярский край), разработку золоторудных месторождений (Красноярский край и Иркутская область), освоение медно-порфирирового месторождения Ак-Суг (Республика Тыва).

Однако активное развитие сырьевого сектора в АЕМР не влечет за собой соответствующего повышения уровня и качества жизни населения макрорегиона. В связи с этим представляется необходимым выявление и анализ опыта ресурсных регионов, которым удалось достичь не только устой-

чивых темпов экономического развития, но и высокого уровня социального благосостояния населения.

Целью исследования является изучение международного опыта развития ресурсных регионов, институциональных условий освоения природных ресурсов и основных мер, направленных на достижение сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития, а также разработка на основе полученных результатов рекомендаций для АЕМР.

В первой части исследования анализируются особенности социально-экономического развития АЕМР в условиях активного освоения его сырьевого потенциала, во второй рассматривается успешный опыт социально-экономического развития провинции Альберта (Канада), штата Западная Австралия (Содружество Австралии) и региона долины реки Теннесси (США) как пример эффективного пространственного развития.

Анализ ряда исследований по влиянию освоения природных ресурсов на социально-экономическое развитие

Дискуссии о роли природных ресурсов в социально-экономическом развитии до сих пор не утихают как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. Одни авторы доказывают, что активное развитие сырьевого сектора приводит к замедлению темпов экономического роста. Данный феномен получил название «ресурсное проклятие» [1—3]. Другие авторы, анализируя влияние природных ресурсов на темпы роста валового внутреннего продукта, наличие этого феномена опровергают [4—7].

Наряду с этим все большее признание получает тезис о том, что присутствие природных ресурсов само по себе не является проклятием, а напротив, выступает естествен-

ным конкурентным преимуществом, а роль этих ресурсов в социально-экономическом развитии во многом зависит от институциональных условий их использования [8 ; 9]. При этом на национальном уровне в качестве основных институтов рассматриваются верховенство закона, защита прав собственности и гарантированность исполнения контрактов, открытость и подотчетность органов власти населению, коррупция и эффективное государственное управление, для оценки качества которых используются соответствующие международные индексы [4 ; 8 ; 9].

В последнее время появляется все больше работ, где фокус исследования смещается на региональный уровень, поскольку именно здесь проявляются основные эффекты от освоения природно-ресурсного потенциала. Кроме оценки влияния природных ресурсов на региональный экономический рост [10—12], значительное внимание уделяется анализу воздействия ресурсного развития на уровень социального благосостояния [13—16]. Полученные в различных исследованиях результаты, как и для национального уровня, существенно различаются. Так, анализируя социально-экономическое развитие некоторых ресурсных регионов США (штаты Колорадо, Техас и Вайоминг), Дж. Вебер (J. G. Weber) обнаружил положительное влияние увеличения газодобычи на уровень жизни населения [13]. В то же время в работе Дж. Хаггерти (J. Haggerty) и ее коллег утверждается, что нефтегазовая специализация негативным образом сказывается на социальном благосостоянии западных штатов США [14]. Сравнение ресурсных регионов с остальными регионами Австралии не выявило никаких признаков «ресурсного проклятия», напротив, ресурсная специализация способствует повышению благосостояния населения регионов [15]. Изучая добывающие регионы Иордании, исследователи делают вывод о том, что ресурсное развитие не имеет существенных социально-экономических эффектов для регионов [16]. Российские ученые, анализируя социально-экономическое развитие некоторых ресурсных регионов, отмечают их отставание по уровню жизни от нересурсных регионов [17] или от среднероссийского уровня [18 ; 19].

Исходя из результатов различных исследований, можно сделать вывод о том, что на региональном уровне ключевым фактором являются и институциональные условия освоения природных ресурсов, и меры государственной политики, направленные

на использование выгод от освоения природных ресурсов на благо экономического развития региона и повышение благосостояния его населения. Однако в научной литературе не уделено достаточного внимания раскрытию содержания и систематизации данных мер. В связи с этим авторы статьи делают попытку рассмотреть такие меры на примере наиболее успешного международного опыта развития ресурсных регионов.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили данные официальной статистики, нормативные правовые акты и материалы сайтов администраций рассматриваемых регионов, информационные отчеты соответствующих департаментов, государственных корпораций, а также независимых исследований.

В научной литературе для оценки уровня экономического развития ресурсных регионов наиболее часто используется показатель валового регионального продукта в расчете на душу населения, а основным показателем для оценки социального благосостояния является размер среднедушевых доходов населения. Поэтому в представленном исследовании при оценке социально-экономического развития ресурсных регионов упор был сделан на анализ данных показателей. Кроме того, по нашему мнению, индикатором социально-экономических условий и комфортности проживания в регионе может выступать динамика численности населения, анализ которой также был включен в исследование.

Одним из методов исследования является сопоставление ключевых социально-экономических показателей ресурсных регионов и темпов их изменения с национальным уровнем на протяжении периода ресурсного развития.

Сравнение основных региональных показателей со страновым уровнем в начале их ресурсного развития и в последующие периоды, на наш взгляд, позволяет оценить, способствует ли сырьевая специализация экономическому росту и повышению социального благосостояния населения.

Для выявления институциональных условий использования природно-ресурсного потенциала и ключевых мер государственной политики, направленной на достижение устойчивого социально-экономического развития ресурсных регионов, применялся ме-

тод контент-анализа нормативных правовых актов, материалов сайтов администраций рассматриваемых регионов и информационных отчетов.

Сырьевая направленность развития Ангаро-Енисейского макрорегиона

Конкурентным преимуществом Ангаро-Енисейского макрорегиона является масштабный и разнообразный природно-ресурсный потенциал, здесь сосредоточены значительные запасы нефти и природного газа, угля, цветных металлов (кобальта, никеля, лития, меди, свинца, золота, металлов платиновой группы и др.). Макрорегион также обладает существенным гидроэнергетиче-

ским потенциалом и запасами древесины. Реализация крупных инвестиционных проектов, связанных с использованием сырьевого потенциала макрорегиона, во многом определяет его социально-экономическое развитие. Так, за период с 2005 по 2023 г. совокупные инвестиции в добывающий сектор увеличились более чем в 16 раз, в результате по показателю объема инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения макрорегион в последние годы значительно опережает среднероссийский уровень (рис. 1). В 2023 г. доля инвестиций, направляемых в добычу полезных ископаемых, в общей структуре инвестиций выросла с 7,9 до 25,3 % [20 ; 21].

Объем инвестиций

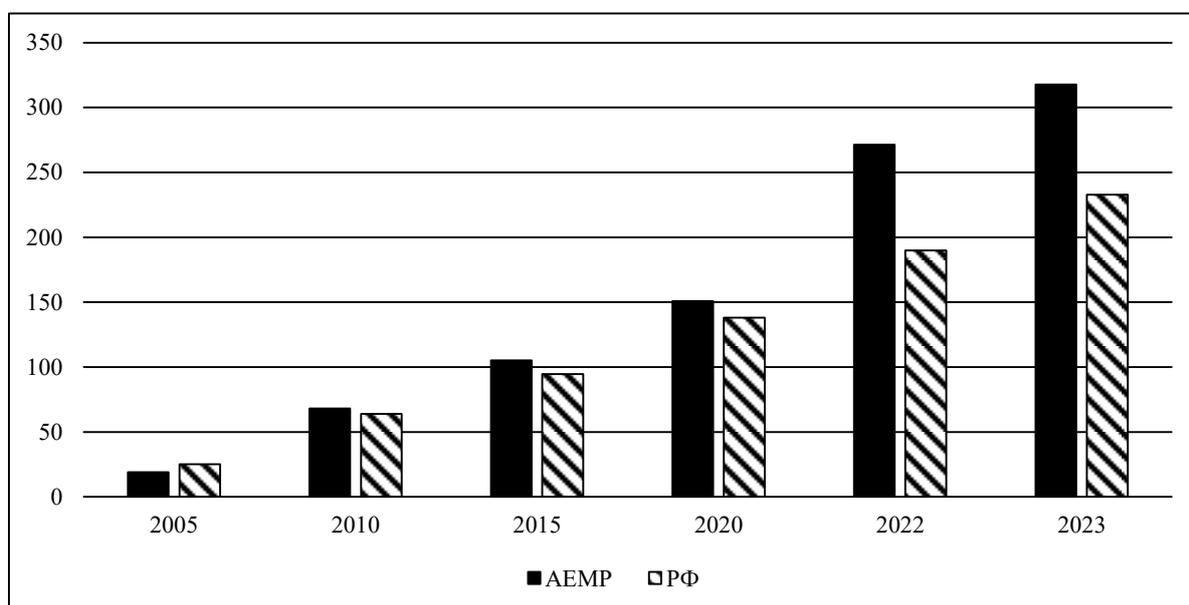

Рис. 1. Объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения в фактически действующих ценах, тыс. руб. (рассчитано по: [20—22])

Volume of investment in fixed capital per capita in actual prices, thousand rubles (calculated according to: [20—22])

Активное развитие сырьевого сектора способствовало ускорению темпов экономического роста. Если показатель ВРП на душу населения в АЕМР в 2005 г. отставал от национального уровня, то с 2014 г. стабильно его превышает (рис. 2).

Однако рост инвестиций в добычу полезных ископаемых не вызвал сопоставимый рост инвестиций в сопряженных отраслях (рис. 3). В результате доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавлен-

ной стоимости АЕМР увеличилась с 4,1 % в 2005 г. до 25,6 % в 2022 г., в то время как доля обрабатывающих производств снизилась с 37,7 % в 2005 г. до 19,4 % в 2022 г. [20 ; 21] При этом в обрабатывающих производствах значительную долю сохраняет первичная переработка сырья. Таким образом, экономический рост в макрорегионе происходит преимущественно за счет развития сырьевого сектора.

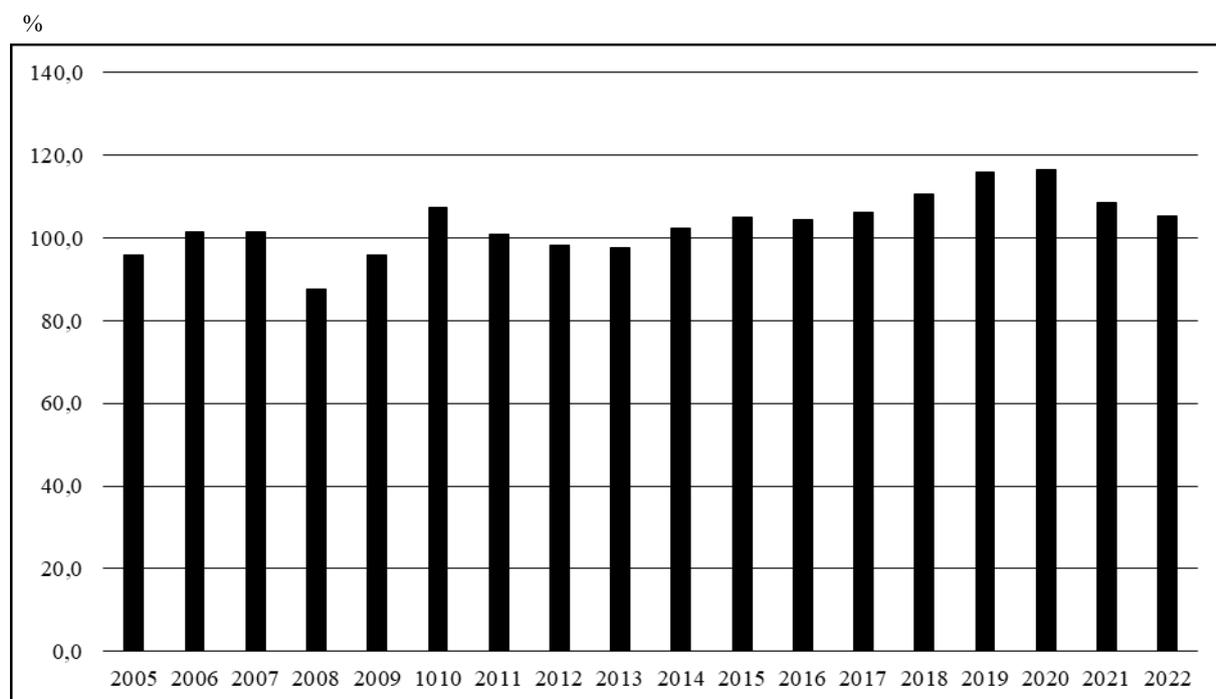

Рис. 2. Соотношение ВРП на душу населения в АЕМР с национальным уровнем, % (национальный уровень = 100 %) (рассчитано по: [20—22])
 The ratio of GRP per capita in the AYMR to the national level, % (national level = 100 %) (calculated according to: [20—22])

Млрд руб.

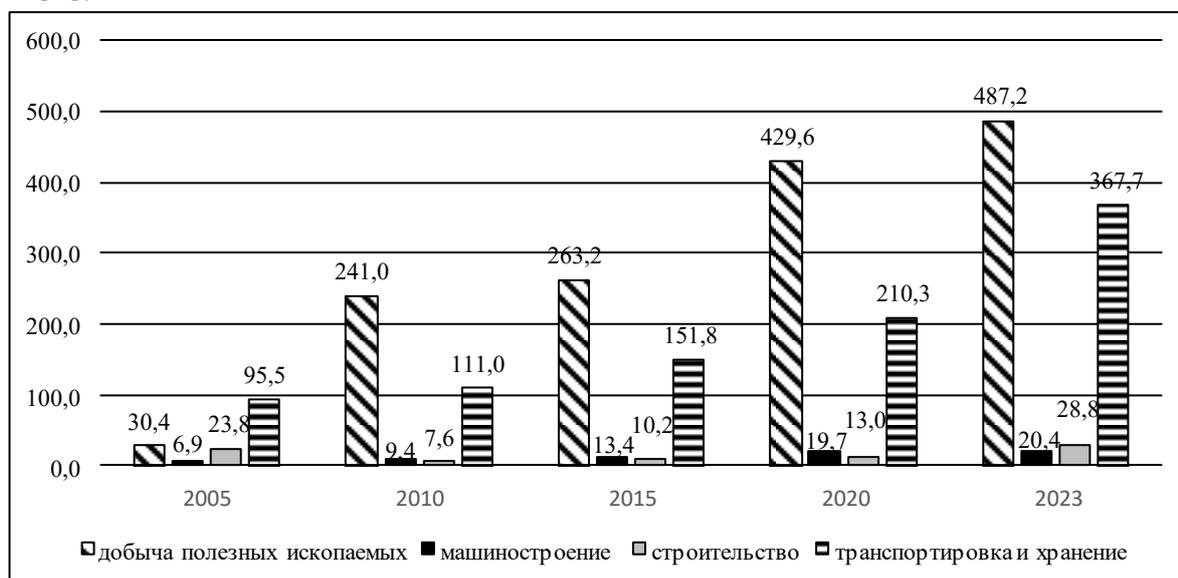

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал в АЕМР по отдельным видам экономической деятельности в сопоставимых ценах 2023 г., млрд руб. (рассчитано по: [20 ; 21])
 Dynamics of investment in fixed assets in the AYMR by individual types of economic activity in comparable prices of 2023, billion rubles (calculated according to: [20; 21])

Активное развитие сырьевого сектора не способствовало значительному улучшению уровня и качества жизни населения, а по ряду показателей социального благосостояния даже экономические лидеры мак-

рорегиона — Красноярский край и Иркутская область — отставали от среднероссийского уровня. Кроме того, это отставание по сравнению с 2005 г. усилилось (табл. 1).

Таблица 1

Показатели социального благосостояния Ангаро-Енисейского макрорегиона в сравнении со среднероссийским уровнем
Indicators of social welfare of the Angara-Yenisei macro-region in comparison with the average Russian level

Показатель	РФ 2023 г.	АЕМР 2023 г.	В том числе				Соотношение АЕМР с национальным уровнем, %	
			Красноярский край	Иркутская область	Республика Хакасия	Республика Тыва	2005 г.	2023 г.
Среднедушевые доходы населения, тыс. руб/мес	53,1	44,7	50,3	42,3	35,0	28,9	88,0	84,2
Уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума), %	8,5	13,8	12,7	13,2	15,8	23,5	131,5	162,3
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	73,41	70,23	71,32	69,32	70,68	66,6	93,9	95,7
Обеспеченность благоустроенным жильем, м ² на 1 человека	28,5	18,8	20,6	18,2	20,7	5,2	88,5	65,9

Примечание. Рассчитано по: [20—22].
Note. Calculated according to: [20—22].

Следует отметить, что значительные инвестиции в сырьевой сектор не повлекли за собой приток в регион трудовых ресурсов, освоение месторождений происходит пре-

имущественно вахтовым методом, часто используются работники из других регионов, в то же время в АЕМР продолжается сокращение численности населения (рис. 4).

Тыс. человек

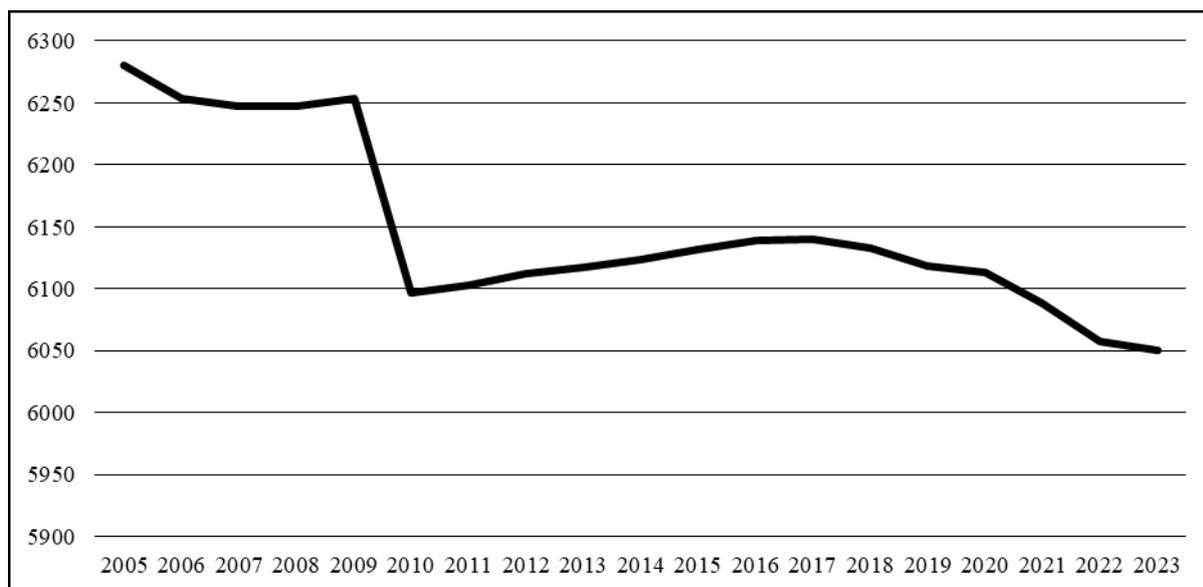

Рис. 4. Динамика численности населения Ангаро-Енисейского макрорегиона, тыс. человек (рассчитано по: [20 ; 21])
Dynamics of the population of the Angara-Yenisei macro-region, thousand people (calculated according to: [20; 21])

Таким образом, значительные инвестиции в сырьевой сектор не способствуют улучшению уровня и качества жизни населения макрорегиона. Развитие сырьевого сектора в АЕМР происходит преимущественно по типу ресурсного анклава и не создает значительных социально-экономических эффектов для макрорегиона, однако усиливает его сырьевую зависимость [23].

Между тем в международной практике имеются примеры регионального развития с опорой на сырьевой сектор и эффективное использование природных ресурсов, когда

удается достичь не только устойчивых темпов экономического роста, но и существенного повышения уровня жизни населения региона.

Международный опыт развития сырьевых регионов

Наиболее успешным является опыт провинции Альберта (Канада), штата Западная Австралия (Содружество Австралии), региона долины реки Теннесси (США).

Представим сравнительные характеристики данных регионов с АЕМР (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные характеристики ресурсных регионов разных стран
Comparative characteristics of resource regions of different countries

Показатель	Альберта (Канада)	Западная Австралия (Содружество Австралии)	Регион долины реки Теннесси (США)	АЕМР (Россия)
Площадь территории, млн км ²	0,66	2,53	0,26	3,4
Численность населения, млн человек	4,69	2,96	11,75	6,05
ВВП на душу населения, тыс. USD (по паритету покупательной способности) (по данным 2023 г.)	82,44	111,97	73,39	37,86
Среднедушевые доходы населения, тыс. USD (по паритету покупательной способности) в год (по данным 2023 г.)	63,45	62,72	62,23	20,11

Примечание. Рассчитано по: [20 ; 21 ; 24—26].
Note. Calculated according to: [20 ; 21 ; 24—26].

Выбранные регионы характеризуются не самыми благоприятными природно-климатическими условиями и/или экономико-географическим расположением, и в начале своего ресурсного развития относились к экономически слаборазвитым периферийным регионам со множеством социальных проблем. Используя свой природно-ресурсный потенциал и создав соответствующие

институциональные условия, регионам во многом удалось добиться сбалансированного развития и достичь не только устойчивого экономического роста, но и значительного улучшения благосостояния населения. При этом экономика, уровень жизни и численность населения в данных регионах часто росли более быстрыми темпами, чем в среднем по стране (табл. 3).

Таблица 3

Среднегодовые темпы изменения показателей социально-экономического развития регионов разных стран

Average annual rates of change in indicators of socio-economic development of regions of different countries

Период	Альберта (Канада)		Западная Австралия		Регион Теннесси (США)	
	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика
Среднегодовые темпы изменения ВВП в расчете на душу населения, %						
1961—1980 гг.	111,8	109,3	106,3	107,2	108,6	108,2
1981—2000 гг.	105,3	105,0	107,4	106,9	106,1	105,5
2001—2023 гг.	103,6	103,2	106,7	104,6	103,8	103,7

Период	Альберта (Канада)		Западная Австралия		Регион Тенесси (США)	
	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика
Среднегодовые темпы изменения среднедушевых доходов населения, %						
1961—1980 гг.	110,2	109,5	107,8	108,1	108,4	107,7
1981—2000 гг.	105,4	105,1	107,5	106,6	106,1	105,7
2001—2023 гг.	103,5	103,4	109,4	108,8	103,7	103,6
Среднегодовые темпы изменения численности населения, %						
1961—1980 гг.	102,6	101,6	102,1	101,3	101,3	101,2
1981—2000 гг.	101,6	101,1	102,0	101,3	101,1	101,1
2001—2023 гг.	102,0	101,2	101,9	101,5	101,0	100,7

Примечание. Рассчитано по: [24—26].
 Note. Calculated according to: [24—26].

Следует отметить, что в начале ресурсного развития выбранные регионы отставали по основным социально-экономическим пока-

зателям, а в настоящее время некоторым из них удалось превзойти национальный уровень (табл. 4).

Таблица 4

Основные показатели социально-экономического развития ресурсных регионов разных стран в сравнении с национальным уровнем

Key indicators of socio-economic development of resource regions of different countries in comparison with the national level

Регион	ВРП на душу населения (от национального уровня), %			Среднедушевые доходы населения (от национального уровня), %		
	1950 г.	1990 г.	2023 г.	1950 г.	1990 г.	2023 г.
Альберта (Канада)	98,9	117,8	131,8	98,1	103,6	120,0
Западная Австралия (Содружество Австралии)	90,0	103,4	161,3	88,5	97,7	109,3
Регион Тенессии (США)	68,1	80,6	91,6	60,0	85,17	90,1

Примечание. Рассчитано по: [24—26].
 Note. Calculated according to: [24—26].

Таким образом, рассматриваемым регионам благодаря эффективной политике использования природных ресурсов удалось не только избежать симптомов «ресурсного проклятия», но и значительно улучшить показатели экономического и социального развития. При этом реализуемые стратегии и используемые инструменты обуславливаются особенностями природно-ресурсного потенциала, а также региональными возможностями и ограничениями.

Представим характеристику развитых ресурсных регионов различных стран.

Провинция Альберта (Канада). До 1950-х гг. экономика провинции Альберта была в основном аграрной и опиралась на экспорт пшеницы и говядины. На сегодняшний день Альберта занимает первое место по индексу развития человеческого капитала, размеру среднедушевых доходов и по показателю

ВРП на душу населения [24]. Ведущую роль в экономике провинции играет нефтегазовый сектор, который является одним из самых развитых в мире. Провинция обеспечивает 80 % национальной добычи нефти и 63 % добычи природного газа. При этом большая часть запасов нефти Альберты относится к трудноизвлекаемым, более трех четвертей добычи сырой нефти приходится на нефтеносные пески.

Альберта имеет широкие полномочия в управлении природными ресурсами на своей территории. В компетенции провинции находится предоставление недр в пользование, установление ресурсных платежей, определение направлений их использования. Система управления природными ресурсами строится на принципе ответственности государства и бизнеса и направлена на поддержание баланса между экономическим разви-

тием, сохранением окружающей среды и социальным благополучием [27]. Функции управления энергосырьевым комплексом провинции осуществляет департамент энергетики правительства Альберты. Узкая специализация и конкретная сфера действия каждого управления в рамках департамента обеспечивает возможность постоянного мониторинга и быстрого реагирования без распыления ответственности между несколькими ведомствами.

В качестве основных факторов, обеспечивающих ускоренное социально-экономическое развитие провинции Альберта, следует отметить:

— адаптивную и благоприятную институциональную среду для развития сырьевого сектора, основными элементами которой являются гибкая система роялти, учитывающая не только внешние факторы, но и особенности объекта освоения и используемую технологию добычи; системный подход к регулированию процесса освоения нетрадиционных залежей; разнообразную организационную структуру участников, включающую в себя крупные, средние, мелкие добывающие компании и сервисные компании различной специализации; экологические стандарты, стимулирующие технологические улучшения и повышение эффективности процесса освоения нефтеносных песков; единую государственную систему хранения, обработки, поиска и выдачи информации о недрах и недропользовании, позволяющую проводить мониторинг процесса освоения недр и своевременно принимать эффективные решения; процедуры взаимодействия компаний и правительства Альберты на различных стадиях добычи и распределения эффектов;

— прямое участие правительства провинции в развитии и реализации проектов в сфере научных исследований и разработки новых технологических решений для нефтегазового сектора, что наряду с благоприятной институциональной средой сделало технически возможным и экономически эффективным добычу трудноизвлекаемых запасов нефти из нефтеносных песков. Нефтегазовый сектор провинции является крупнейшим заказчиком наукоемких и высокотехнологичных продуктов современных отраслей, а провинция Альберта — признанным мировым лидером в сфере технологических разработок извлечения трудноизвлекаемых запасов нефти. В то же время развитие и внедрение новых технологий привело к резкому увеличению нефтедобычи в регионе, значительно-

му расширению доступных к освоению запасов и отодвинуло на неопределенный срок проблему истощения природных ресурсов;

— осуществляемое при содействии властей провинции расширение прямых и обратных взаимосвязей нефтегазового сектора в регионе, развитие нефтегазоперерабатывающей и нефтегазохимической промышленности, создающей продукцию с высокой добавленной стоимостью, высокотехнологичных сервисных отраслей и сервисного машиностроения;

— создание правительством провинции Альберты в 1976 г. Трастового фонда сбережения наследства провинции Альберта (the Alberta Heritage Saving Trust Fund) для накопления выгод от невозобновляемых ресурсов, значительная часть средств которого инвестировалась в региональную экономику: на реализацию инфраструктурных проектов, предоставление займов частному бизнесу, финансирование деятельности государственных корпораций правительства Альберты. В разное время за счет средств Трастового фонда также было сформировано несколько специальных финансовых фондов для стимулирования исследований и инновационных разработок в различных отраслях, что обеспечило Альберте лидирующие позиции в сфере медицинских, биотехнологических исследований, инженерных и энергетических разработок. Сегодня фонд является сберегательным и ориентирован на долгосрочные финансовые инвестиции. Доходы фонда формируются только за счет инвестиционных доходов на накопленный капитал. В 2022 г. капитал фонда оценивался в 22,1 млрд долл. [28]

В настоящее время все доходы от невозобновляемых ресурсов поступают непосредственно в бюджет провинции, где их доля составляет в среднем 15,2 % [29]. Бюджетные средства правительства Альберты направляются на приоритетные направления развития, к которым относятся образование и здравоохранение, а также стимулирование предпринимательской активности в регионе и диверсификация экономики. Основными направлениями диверсификации выступают электроэнергетика с развитием возобновляемых источников энергии, сельское хозяйство, лесное хозяйство, туризм, сектор высоких технологий, креативные индустрии [30].

Штат Западная Австралия (Содружество Австралии). Если несколько десятилетий назад Западная Австралия была периферийным регионом, с экономикой, сильно зависящей от мировых цен на отдельные виды

природных ресурсов, то в настоящее время регион динамично развивается, имеет устойчивую экономику и самый высокий в Австралии уровень жизни населения.

Успешные результаты экономического развития Западной Австралии являются следствием эффективного управления и проведения структурных реформ.

Вопросы регулирования недропользования в Австралии являются сферой ответственности штатов. Законодательством штата также устанавливается роялти на минеральные ресурсы, который в полном объеме зачисляется в бюджет штата. При этом размер роялти определяется таким образом, чтобы население региона получило справедливую компенсацию за потерю своих невозобновляемых природных ресурсов. Размер и порядок распределения роялти за нефть регулируются совместно властями штата и Содружества. Доходы от добычи нефти на суше полностью зачисляются в бюджет штата, роялти за нефть, добываемую на шельфе, распределяется между Содружеством и штатом в пропорции 60:40 [31].

Усилия в области управления природными ресурсами направлены на максимально эффективное использование природно-ресурсного потенциала. Если несколько десятилетий назад экономика региона базировалась на добыче всего нескольких природных ресурсов, основным из которых была железная руда, то в настоящее время в Западной Австралии добывается более 50 видов минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, что обеспечило снижение зависимости региона от нескольких экспортных рынков и колебаний мировых цен на сырье. Западная Австралия также является крупнейшим производителем сжиженного природного газа. В 2023 г. в добывающем секторе реализовывалось 134 проекта, в том числе 19 проектов, связанных с переработкой сырья [32].

Сложные природно-климатические условия, в которых ведутся добычные работы, требуют применения инновационных технологий. При поддержке органов власти штата добывающий сектор становится драйвером развития научно-исследовательской деятельности и высокотехнологичных производств, что, в свою очередь, способствует внедрению продвинутых технологий в других секторах экономики. В результате сегодня Западная Австралия является центром инновационного развития всего Содружества, а также ведущим мировым разработчиком и поставщи-

ком инновационных технологий и комплекса технических и сервисных услуг в горнодобывающей промышленности.

Реализации масштабных инвестиционных проектов, в том числе и за счет значительных иностранных инвестиций, способствует очень благоприятный инвестиционный климат, на формирование которого ориентирована вся система государственного управления Западной Австралии. Благоприятный инвестиционный климат обеспечивается низкими барьерами входа, простыми и прозрачными процедурами получения разрешений, низким политическим риском, современной инфраструктурой, развитым финансовым сектором, высококвалифицированной рабочей силой.

В области управления природными ресурсами следует отметить стабильную и предсказуемую систему регулирования (процессы недропользования регулируются двумя основными нормативными актами — Mining Act 1978 г. и Mining Regulations 1981 г.); прозрачные процедуры получения прав на поиск, разведку и добычу полезных ископаемых; финансовые стимулы для геологоразведочных работ; стабильность и предсказуемость условий реализации проекта; доступность геологических данных и информации о выданных лицензиях и реализуемых проектах; координацию и поддержку органами государственного управления проектов в области освоения сырьевых ресурсов на всех стадиях реализации [32].

Кроме развития сырьевого сектора правительство штата уделяет значительное внимание развитию других секторов экономики. Несмотря на то что подавляющая часть добываемых на территории Западной Австралии природных ресурсов экспортируется, обрабатывающая промышленность штата тоже является достаточно развитой и представлена предприятиями нефтеперерабатывающей, электротехнической промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроением и судостроением. В 2019 г. правительством штата была разработана программа по диверсификации экономики. В качестве приоритетных секторов экономики, которые находятся в центре внимания правительства, определены энергетика, туризм, образование, оборонная промышленность, добывающая промышленность, производство оборудования и предоставление технологических услуг для добывающей промышленности, космическая промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство и пищевая

промышленность, рыболовство [33]. При этом основные усилия правительства сосредоточены на разработке и внедрении новых технологий, развитии принципов ESG и ориентации продукции и услуг на внешние рынки.

Регион долины реки Теннесси (США). Комплексное освоение долины реки Теннесси представляет собой пример эффективного пространственного развития. В начале 1930-х гг. регион долины реки Теннесси был одним из наиболее отсталых в США и имел серьезные экологические и социальные проблемы. К концу 60-х гг. XX в. в регионе был создан мощный энергетический комплекс, появилось большое количество новых индустриальных центров, промышленность стала доминирующей отраслью.

Толчок социально-экономическому развитию региона долины реки Теннесси дала принятая в 1933 г. государственная программа, основу которой составляло создание многоцелевых гидротехнических сооружений, охватывающих своим влиянием весь водосборный бассейн реки Теннесси. По мере реализации программа адаптировалась под нужды региона и внешние вызовы, в нее включались новые пункты [34]. Реализация программы затрагивала территорию семи штатов: Теннесси, Алабама, Северная Каролина, Миссисипи, Кентукки, Джорджия и Вирджиния. Для реализации и управления программой специальным актом создана государственная корпорация «Администрация долины Теннесси» (Tennessee Valley Authority — TVA), которая рассматривается как классический образец адаптивного программного управления пространственным развитием. Корпорация наделена необходимыми государственными полномочиями по планированию и управлению развитием региона, но также обладает определенной свободой и инициативой частных предприятий.

На начальном этапе текущая и инвестиционная деятельность TVA финансировалась за счет федеральных средств, затем текущие расходы корпорации стали покрываться за счет средств от продажи электроэнергии. С 1959 г. и по настоящее время все программы развития TVA финансируются за счет прибыли корпорации, а также выпуска облигаций [35]. При этом заемные обязательства TVA не имеют государственных гарантий и обеспечиваются исключительно собственными доходами, что больше свойственно частному бизнесу. В то же время TVA осуществляет ежегодные платежи государству и бюджетам штатов, на территории которых

она производит электроэнергию и где размещена ее собственность.

Основные факторы успеха развития региона долины реки Теннесси заключаются в следующем: создании единого центра управления программой и развитием макрорегиона, обладающего властными полномочиями и гибкостью в принятии решений; в значительных федеральных инвестициях в создание энергетической инфраструктуры и развитие водной транспортной артерии; удержании низких цен на электроэнергию, которая реализуется преимущественно местным потребителям, что стало главной мерой привлечения и сохранения бизнеса в регионе; прямом участии государственной корпорации TVA в развитии бизнеса в регионе, повышении продуктивности сельского хозяйства, обучении трудовых ресурсов, реализации социальных проектов и экологических программ.

Выводы и рекомендации

Изучение успешного опыта развития ресурсных регионов позволяет сделать следующие выводы:

— наличие природных ресурсов является естественным конкурентным преимуществом региона, а сырьевой сектор может выступать драйвером социально-экономического развития при формировании соответствующих институциональных условий;

— основным условием формирования успешных стратегий регионального развития на базе использования природно-ресурсного потенциала является наличие у региона широких полномочий управления природными ресурсами на своей территории и получение значительных доходов от их использования;

— максимизация социально-экономических эффектов требует не только создания институциональных условий для комплексного и экологически безопасного использования природных ресурсов, но и максимального включения сырьевого сектора в региональную экономику путем развития его взаимосвязей с местными компаниями и стимулирования создания широкого комплекса как обслуживающих, так и перерабатывающих производств и различных видов хозяйственной деятельности вокруг сырьевого сектора. Некоторым из рассматриваемых регионов благодаря контролируемому развитию сырьевого сектора удалось превратить свои слабые места, такие как сложные геологические особенности и тяжелые природно-климатические условия, в свои конкурентные пре-

имущества, такие как технологии и высокотехнологичные услуги и производства;

— даже при высокой социально-экономической эффективности сырьевого сектора и высоком уровне обеспечения запасами, отодвигающими проблему истощения ресурсов на неопределенное время, рассмотренные регионы стремятся к диверсификации своей экономики, осуществляемой при участии органов власти, которые не только определяют ее направления, но и принимают прямое участие в реализации проектов;

— население региона привлекается к решению наиболее важных вопросов по использованию природных ресурсов и распределению эффектов от их освоения.

С учетом сделанных выводов можно сформулировать для субъектов АЕМР следующие рекомендации:

— реализация проектов освоения месторождений должна сопровождаться развитием высокотехнологичного сервисного сектора, сервисного машиностроения, перерабатывающих производств, создающих готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Сложное геологическое строение и суровые природно-климатические условия освоения многих месторождений макрорегиона требуют применения новых технологий, поэтому следует максимально задействовать их в разработке и создании научно-исследовательского потенциала макрорегиона;

— наибольший синергетический эффект может быть получен при формировании ресурсно-инновационных кластеров, объединяющих сырьевые компании, предприятия сервисного сектора и машиностроения, перерабатывающие производства, научно-исследовательские и образовательные организации. В ресурсном кластере максимизация эффектов от использования природных ресурсов будет достигаться не за счет наращивания объемов экспорта необработанных сырьевых ресурсов, а за счет более рационального недропользования с применением инновационных технологий и удлинения технологических цепочек по переработке сырья для создания продукции с высокой добавленной стоимостью. При этом, на наш взгляд, наиболее целесообразным является формирование межрегиональных ресурсно-инновационных кластеров, которые будут объединять хозяйствующие субъекты нескольких регионов, дополняющих друг друга в формировании цепочек добавленной стоимости. В АЕМР существуют предпосылки и возможности формирования нефтегазового

(Красноярский край и Иркутская область), металлургического (Красноярский край, Иркутская область и Республика Хакасия), лесопромышленного (все регионы) межрегиональных ресурсно-инновационных кластеров;

— необходимо расширять участие регионов в управлении недропользованием и увеличивать долю регионов в распределении рентных доходов, так как в настоящее время большая часть рентных доходов от использования природных ресурсов поступает в федеральный бюджет, а участие региональных органов власти в регулировании недропользования на своей территории весьма ограничено. Основным направлением использования рентных доходов в АЕМР должно стать развитие отраслей несырьевой экономики и реализация инфраструктурных проектов, которые будут способствовать интеграции макрорегиона;

— основным элементом организационного механизма интеграции макрорегиона может послужить создание государственной корпорации развития АЕМР. Однако, на наш взгляд, такая корпорация должна играть не просто роль института развития, но по примеру американской государственной корпорации TVA обладать необходимыми властными полномочиями и в то же время определенной гибкостью в принятии решений. В задачи корпорации должны входить не только качественная проработка, обоснование и оценка ключевых инвестиционных проектов, способствующих интеграции и сбалансированному развитию макрорегиона, но и прямое участие в их финансировании;

— инвестиционный фонд корпорации, необходимый для ее прямого участия в финансировании ключевых инвестиционных проектов, возможно сформировать за счет части рентных доходов, собираемых на территории субъектов макрорегиона. Особенность данного предложения заключается в том, что часть рентных доходов предлагается направлять не в региональный, а в межрегиональный фонд. Такой механизм распределения и использования рентных доходов будет способствовать интеграции и комплексному развитию всего макрорегиона, а также выравниванию уровня жизни в регионах-участниках. Кроме того, государственную корпорацию развития макрорегиона следует наделить правом выпуска собственных долговых ценных бумаг, средства от размещения которых будут направляться для финансирования приоритетных инвестиционных проектов.

Список источников

1. *Damettie O., Serhir M.* Natural resource curse in oil exporting countries: A nonlinear approach // *International Economics*. 2018. Vol. 156. P. 231—146. DOI: 10.1016/j.inteco.2018.04.001
2. *Sachs J. D., Warner A. M.* Natural resources and economic development: the curse of natural resources // *European Economic Review*. 2001. No. 45. P. 827—838. DOI:10.1016/S0014-2921(01)00125-8
3. *Empirical evidence on the resource curse hypothesis in oil abundant economy / S. L. Satti, A. Farooq, N. Loganathan, M. Shahbaz // Economic Modelling*. 2014. Vol. 42. P. 421—429. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.07.020
4. *Natural resource abundance, institutional quality and manufacturing development: Evidence from resource-rich countries / I. Amiri, F. Samadian, M. Yahoo, S. J. Jamali // Resource Policy*. 2019. Vol. 62. P. 550—560. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.11.002
5. *Arin K. P., Braunfels E.* The resource curse revisited: A Bayesian model averaging approach // *Energy Economics*. 2018. Vol. 70. P. 170—178. DOI: 10.1016/j.eneco.2017.12.033
6. *Садовская В., Шмат В.* Парадокс «ресурсного проклятия»: межстрановой анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 3. С. 25—35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-25-35
7. *Влияние нефтегазовой отрасли на экономику добывающих стран / И. В. Филимонова, Л. В. Эдер, И. В. Проворная, Д. М. Черепанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36, вып. 4. С. 693—718. DOI: 10.21638/spbu05.2020.407
8. *Aytac S. E., Mousseau M., Örsün Ö. F.* Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms // *Democratization*. 2016. Vol. 23 (1). P. 71—92. DOI: 10.1080/13510347.2014.964216
9. *Чиркова Е.* Влияние институтов на развитие ресурсных экономик. М. : Моск. центр Карнеги, 2017. 66 с. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/CP_Chirkova_2017_web_Rus.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
10. *Resource abundance and regional development in China / X. Zhang, L. Xing, S. Fan, X. Luo // Economic of Transition*. 2008. Vol. 16 (1). P. 7—29. DOI: 10.1111/j.1468-0351.2007.00318.
11. *Postali F. A. S.* Petroleum royalties and regional development in Brazil: The economic growth of recipient towns // *Resource Policy*. 2009. Vol. 34. P. 205—213. DOI: 10.1016/j.resourpol.2009.03.002
12. *Libman A.* Natural resources and sub-national economic performance: Does sub-national democracy matter? // *Energy Economics*. 2013. Vol. 37. P. 82—99. DOI: 10.1016/j.eneco.2013.02.003
13. *Weber J. G.* The effects of a natural gas boom on employment and income in Colorado, Texas and Wyoming // *Energy Economics*. 2012. Vol. 34 (5). P. 1580—1588. DOI: 10.1016/j.eneco.2011.11.013
14. *Long-term effects of income specialization in oil and gas extraction: The U.S. West, 1980—2011 / J. Haggerty, P. H. Gude, M. Delorey, R. Rasker // Energy Economics*. 2014. Vol. 45. P. 186—195. DOI: 10.1016/j.eneco.2014.06.020
15. *Hajkowicz S. A., Heyenga S., Moffat K.* The relationship between mining and socio-economic wellbeing in Australia's regions // *Resource Policy*. Vol. 36. P. 30—38. DOI: 10.1016/j.resourpol.2010.08.007
16. *Rawashdeh R., Cambell G., Titi A.* The socio-economic impacts of mining on local communities: The case of Jordan // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. P. 494—507. DOI: 10.1016/j.exis.2016.02.001
17. *Белуосова С. В.* Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость // *ЭКО*. 2015. № 6. С. 40—48.
18. *Бабина С. И., Егорова Н. М.* Анализ уровня жизни населения Кемеровской области — Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6, № 3. С. 357—373. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373
19. *Токарев А. Н.* Особенности социально-экономического развития ресурсных регионов России // *Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. 2017. № 1 (05). С. 7—15.
20. *Иркутскстат*. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.09.2024).
21. *Красноярскстат*. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.09.2024).
22. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 15.09.2024).
23. *Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С.* Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // *Журнал институциональных исследований*. 2015. Т. 7, № 3. С. 92—101.
24. *Canada's national statistical agency*. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/data?MM=1> (дата обращения: 10.09.2024).
25. *Australian Bureau of Statistics*. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics> (дата обращения: 20.09.2024).
26. *U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA)*. URL: <https://www.bea.gov> (дата обращения: 20.09.2024).
27. *Responsible actions: a plan for Alberta's oil sands*. Government of Alberta, 2009. URL: <https://open.alberta.ca/publications/9780778580546> (дата обращения: 08.09.2024).
28. *Alberta Heritage Fund: Hits \$22.1B value*. URL: <https://edmonton.ctvnews.ca/heritage-fund-reaches-all-time-high-value-of-22-1b-1.6857531#:~:text=Stephen%20Thompson%2C%20the%20executive%20director,third%2Dquarter%20results%20for%202023> (дата обращения: 08.09.2024).

29. Hill T., Emes J., Clemens J. A New (Old) Fiscal Rule for Non-Renewable Resource Revenue in Alberta. Fraser Institute, 2021. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/new-old-fiscal-rule-for-non-renewable-resource-revenue-in-alberta.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).
30. Mansell R. L. Diversification of the Alberta economy: in search of stability. University of Calgary. The School of Public Policy Publications. SPP Pre-Publication Series, 2021. URL: https://www.policyschool.ca/wp-content/uploads/2021/07/AF11_Diversification_Mansell.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
31. Royalties information. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety. URL: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Royalties-information-16542.aspx> (дата обращения: 20.09.2024).
32. Investors. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety. URL: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Investors-339.aspx> (дата обращения: 20.09.2024).
33. Diversify WA: Future State. Department of Jobs, Tourism, Science and Innovation — Economic Development. URL: <https://www.wa.gov.au/government/publications/diversify-wa-future-state> (дата обращения: 22.09.2024).
34. Kline P., Moretti E. Local Economic Development, Agglomeration Economies, and the Big Push: 100 Years of Evidence from the Tennessee Valley Authority // *The Quarterly Journal of Economics*. 2014. Vol. 129(1). P. 275—331. DOI: 10.1093/qje/qjt034.
35. TVA Strategic Intent and Guiding Principles. 2021. URL: <https://wehco.media.clients.ellingtoncms.com/timesfreepress/news/documents/2021/05/06/214003strategicplandocumentp2114647632851.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

References

1. Damettie O., Serhir M. Natural resource curse in oil exporting countries: A nonlinear approach, *International Economics*, 2018, vol. 156, pp. 231–146. DOI: 10.1016/j.inteco.2018.04.001
2. Sachs J.D., Warner A.M. Natural resources and economic development: the curse of natural resources, *European Economic Review*, 2001, no. 45, pp. 827–838. DOI:10.1016/S0014-2921(01)00125-8
3. Satti S.L., Farooq A., Loganathan N., Shahbaz M. Empirical evidence on the resource curse hypothesis in oil abundant economy, *Economic Modelling*, 2014, vol. 42, pp. 421–429. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.07.020
4. Amiri I., Samadian F., Yahoo M., Jamali S.J. Natural resource abundance, institutional quality and manufacturing development: Evidence from resource-rich countries, *Resource Policy*, 2019, vol. 62, pp.550–560. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.11.002
5. Arin K. P., Braunfels E. The resource curse revisited: A Bayesian model averaging approach, *Energy Economics*, 2018, vol. 70, pp. 170–178. DOI: 10.1016/j.eneco.2017.12.033
6. Sadovskaya V., Shmat V. Paradoks «resursnogo proklyatiya»: mezhranovoy analiz [The paradox of the ‘resource curse’: cross-country analysis], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2017, vol. 61, no. 3, pp. 25–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-25-35
7. Filimonova I.V., Eder L.V., Provornaya I.V., Cherepanova D.M. Vliyanie neftegazovoy otrasli na ekonomiku dobyvayushikh stran [Impact of the Oil and Gas Industry on the Economy of Producing Countries], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University: Economics], 2020, vol. 36, issue 4, pp. 693–718. DOI: 10.21638/spbu05.2020.407
8. Aytac S.E., Mousseau M., Örsün Ö.F. Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms, *Democratization*, 2016, vol. 23 (1), pp. 71–92. DOI: 10.1080/13510347.2014.964216
9. Chirkova E. Vliyanie institutov na razvitie resursnykh ekonomik [Impact of Institutions on the Development of Resource Economies], Moscow : Mosk. tsentr Karnegi, 2017, 66 p. Available at: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/CP_Chirkova_2017_web_Rus.pdf (accessed: 20.09.2024).
10. Zhang X., Xing L., Fan S., Luo X. Resource abundance and regional development in China, *Economic of Transition*, 2008, vol. 16 (1), pp. 7–29. DOI: 10.1111/j.1468-0351.2007.00318.
11. Postali F.A.S. Petroleum royalties and regional development in Brazil: The economic growth of recipient towns, *Resource Policy*, 2009, vol. 34, pp. 205–213. DOI: 10.1016/j.resourpol.2009.03.002
12. Libman A. Natural resources and sub-national economic performance: Does sub-national democracy matter? *Energy Economics*, 2013, vol. 37, pp. 82–99. DOI: 10.1016/j.eneco.2013.02.003
13. Weber J.G. The effects of a natural gas boom on employment and income in Colorado, Texas and Wyoming, *Energy Economics*, 2012, vol. 34 (5), pp. 1580–1588. DOI: 10.1016/j.eneco.2011.11.013
14. Haggerty J., Gude P.H., Delorey M., Rasker R. Long-term effects of income specialization in oil and gas extraction: The U.S. West, 1980–2011, *Energy Economics*, 2014, vol. 45, pp. 186–195. DOI: 10.1016/j.eneco.2014.06.020
15. Hajkowicz S.A., Heyenga S., Moffat K. The relationship between mining and socio-economic wellbeing in Australia's regions, *Resource Policy*, vol. 36, pp. 30–38. DOI: 10.1016/j.resourpol.2010.08.007
16. Rawashdeh R., Cambell G., Titi A. The socio-economic impacts of mining on local communities: The case of Jordan, *The Extractive Industries and Society*, 2016, vol. 3, pp. 494–507. DOI: 10.1016/j.exis.2016.02.001

17. Belousova S.V. Resursnye regiony: ekonomicheskie vozmozhnosti i finansovaya spravedlivost' [Resource Regions: Economic Opportunities and Financial Justice], *EKO* [ECO Journal], 2015, vol. 6, p. 40–48.
18. Babina S.I., Egorova N.M. Analiz urovnya zhizni naseleniya Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa v kontekste resursnoy zavisimosti ekonomiki regiona [Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 2021, vol. 6, no. 3, pp. 357–373. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373
19. Tokarev A.N. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya resursnykh regionov Rossii [Features of the Socio-Economic Development of Russian Resource Region], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: Economics. Sociology. Cultural studies], 2017, vol. 1 (05), pp. 7–15.
20. *Irkutskstat* [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk Region]. Available at: <https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (accessed: 15.09.2024).
21. *Krasnoyarskstat* [Territorial body of the Federal State Statistics Service for Krasnoyarsk Territory]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (accessed: 15.09.2024).
22. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (accessed: 15.09.2024).
23. Levin S.N., Kagan E.S., Sablin K.S. Regiony «resursnogo tipa» v sovremennoy rossiyskoy ekonomike ["Resource Type" Regions in the Modern Russian Economy], *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 2015, vol. 7, no. 3, pp. 92–101.
24. *Canada's national statistical agency*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/data?MM=1> (accessed: 10.09.2024).
25. *Australian Bureau of Statistics*. Available at: <https://www.abs.gov.au/statistics> (accessed: 20.09.2024).
26. *U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA)*. Available at: <https://www.bea.gov> (accessed: 20.09.2024).
27. *Responsible actions: a plan for Alberta's oil sands. Government of Alberta*, 2009. Available at: <https://open.alberta.ca/publications/9780778580546> (accessed: 08.09.2024).
28. *Alberta Heritage Fund: Hits \$22.1B value*. Available at: <https://edmonton.ctvnews.ca/heritage-fund-reaches-all-time-high-value-of-22-1b-1.6857531#:~:text=Stephen%20Thompson%2C%20the%20executive%20director,third%2Dquarter%20results%20for%202023> (accessed: 08.09.2024).
29. Hill T., Emes J., Clemens J. A New (Old) *Fiscal Rule for Non-Renewable Resource Revenue in Alberta*. *Fraser Institute*, 2021. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/new-old-fiscal-rule-for-non-renewable-resource-revenue-in-alberta.pdf> (accessed: 20.09.2024).
30. Mansell R.L. *Diversification of the Alberta economy: in search of stability*. *University of Calgary. The School of Public Policy Publications. SPP Pre-Publication Series*, 2021. Available at: https://www.policyschool.ca/wp-content/uploads/2021/07/AF11_Diversification_Mansell.pdf (accessed: 20.09.2024).
31. *Royalties information. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety*. Available at: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Royalties-information-16542.aspx> (accessed: 20.09.2024).
32. *Investors. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety*. Available at: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Investors-339.aspx> (accessed: 20.09.2024).
33. *Diversify WA: Future State. Department of Jobs, Tourism, Science and Innovation – Economic Development*. Available at: <https://www.wa.gov.au/government/publications/diversify-wa-future-state> (accessed: 22.09.2024).
34. Kline P., Moretti E. Local Economic Development, Agglomeration Economies, and the Big Push: 100 Years of Evidence from the Tennessee Valley Authority, *The Quarterly Journal of Economics*, 2014, vol. 129(1), pp. 275–331. DOI: 10.1093/qje/qjt034.
35. *TVA Strategic Intent and Guiding Principles*, 2021. Available at: <https://wehco.media.clients.ellingtoncms.com/timesfreepress/news/documents/2021/05/06/214003strategicplandocumentp2114647632851.pdf> (accessed: 15.10.2024).

Информация об авторах

Нагаева Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: esrgo@mail.ru

Шишацкий Николай Георгиевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: nik@ksc.krasn.ru

Information about the authors

Olga S. Nagaeva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: ecpro@mail.ru

Nikolay G. Shishatsky — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: nik@ksc.krasn.ru

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 332.12
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-24-37
EDN GFJMNW

РОЛЬ СЫРЬЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ СИБИРИ

Галина Ивановна Поподько

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, pgi90@bk.ru

Аннотация. Ускоренное освоение Сибири возможно только на основе использования ее ресурсного потенциала, который представлен огромными запасами полезных ископаемых. Это означает, что развитие минерально-сырьевого комплекса останется приоритетным направлением на длительный период. В связи с этим возникает вопрос, насколько отрасли сырьевой специализации обеспечивают устойчивое региональное развитие? Для оценки устойчивости региональной экономической системы предлагаются показатели, отражающие экономический рост, социальное развитие и экологическое состояние. Как показало исследование, развитие отраслей по добыче полезных ископаемых способствует значительному росту экономики ресурсных регионов, благодаря чему они обеспечивают основной объем доходов консолидированного бюджета, увеличение валового регионального продукта и привлечение инвестиций. Анализ показателей социального развития не выявил преимуществ в уровне жизни населения ресурсных регионов по сравнению с нересурсными. Индикаторы экологического состояния свидетельствуют о крайне неблагоприятной ситуации в сфере безопасности окружающей среды, сложившейся в регионах сырьевой специализации. Полученные результаты могут быть использованы при регулировании процессов управления минерально-сырьевым комплексом как на государственном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: устойчивое развитие, минерально-сырьевой комплекс, ресурсные регионы, нересурсные регионы, регулирование

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, Проект 5.6.3.2 (0260-2021-0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири». № 121040100279-5.

Для цитирования: Поподько Г. И. Роль сырьевых отраслей в устойчивом развитии регионов Сибири // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 24—37. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-24-37. EDN GFJMNW.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

THE ROLE OF RAW MATERIAL INDUSTRIES IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SIBERIAN REGIONS

Galina I. Popodko

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, pgi90@bk.ru

Abstract. Accelerated development of Siberia is possible only on the basis of using its resource potential, which is represented by huge reserves of minerals. This means that the development of the mineral resource complex will remain a priority for a long period. In this regard, the question arises, to what extent do industries with raw material specialization ensure sustainable regional development? To assess the sustainability of the regional economic system, indicators are proposed that reflect economic growth, social development, and environmental condition. As the study showed, the development of industries for the extraction of minerals contributes to significant economic growth in resource regions, thanks to which they provide the main volume of income for the consolidated budget, an increase in the gross regional product, and the attraction of investments. An analysis of social development indicators did not reveal any advantages in the standard of living of the population in resource regions compared to non-resource regions. Environmental indicators indicate an extremely unfavorable situation in the field of environmental safety, which has developed in regions of raw material specialization. The results obtained can be used in regulating the processes of managing the mineral resource complex at both the state and regional levels.

Keywords: sustainable development, mineral resource complex, resource regions, non-resource regions, regulation

Acknowledgments: The article was prepared according to the research plan of the IEIE SB RAS, Project 5.6.3.2. (0260-2021-0005) “Driving Forces and Mechanisms for the Development of Cooperation and Integration Processes in the Siberian Economy”. No. 121040100279-5.

For citation: Popodko G.I. The Role of Raw Material Industries in the Sustainable Development of Siberian Regions. *Territory Development*. 2025;(2):24—37. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-24-37>. <https://elibrary.ru/gfjmnw>.

Введение

В настоящее время одной из проблем замедленных темпов освоения Сибири является отсутствие условий для комфортного проживания населения, которое может быть обеспечено только за счет устойчивого регионального развития. Нехватка квалифицированных кадров является основным препятствием при освоении богатых природных ресурсов, строительстве инфраструктурных объектов и реализации инвестиционных проектов. Обеспечение устойчивости регионального развития во многом зависит от производственной специализации и приоритетного развития отраслей региональной экономической системы. В первую очередь это относится к ресурсным регионам, на социально-экономическое развитие которых влияют внутренние и внешние факторы [1].

Так, И. Л. Любимов, М. Ю. Еремина и другие исследователи доказывают, что ориентация на развитие минерально-сырьевого комплекса снижает устойчивость экономики страны в целом и отдельных регионов: в частности, замедляет темпы их экономического роста, приводит к деиндустриализации. Развитый сектор добычи природных ископаемых, по их мнению, является своего рода «ресурсным проклятием» [2 ; 3]. Основными причинами низкой устойчивости сырьевой экономики являются: монопроизводство, связанное с приоритетной добычей какого-то одного вида природного ресурса; зависимость от колебаний цен на сырье на мировых рынках; слабая отраслевая диверсификация; исчерпаемость природных ресурсов и следующий за этим упадок производства; низкий уровень развития добывающих производств и сектора услуг, снижение качества человеческого капитала и др. [2]

Вместе с тем есть и другая точка зрения, опровергающая утверждение о неустойчивости экономики с развитым сектором добычи природных ресурсов. Так, Е. М. Козаков, А. Г. Шеломенцев, Е. Л. Андреева, В. Н. Беляев, М. Р. Цибулькинова, А. В. Затонский, Н. А. Сиротина и другие авторы в качестве аргументов своей позиции называют: постоянный и растущий спрос на сырьевую про-

дукцию независимо от политических предпочтений тех или иных государств; заинтересованность всех без исключения стран в природных ресурсах и в сырье для обрабатывающей промышленности; высокий технологический уровень производства в большинстве отраслей по добыче полезных ископаемых; возможность использования природных ресурсов для создания производств по их глубокой переработке, что создает условия для развития отраслей с высокой добавленной стоимостью наряду с сектором по добыче природных ресурсов [4—7]. Значимая роль минерально-сырьевого комплекса в развитии экономики страны и ресурсных регионов состоит: во-первых, в том, что предприятия сырьевых отраслей формируют более 50 % ВВП страны и ВРП отдельных регионов; во-вторых, развитие большинства отраслей промышленности основано на использовании отечественного сырья, что определяет экономический суверенитет; в-третьих, сырьевые отрасли составляют основу конкурентоспособности и экономической безопасности [5]. Из этого следует, что наличие огромных запасов минерально-сырьевых ресурсов и развитие добычи полезных ископаемых, скорее, следует рассматривать как «ресурсное благословение» [8].

Но так ли все однозначно? Для ответа на данный вопрос необходимо более тщательное изучение влияния ресурсной экономики на устойчивое развитие регионов сырьевой специализации. В качестве объекта исследования будут рассматриваться ресурсные и нересурсные регионы Сибирского федерального округа.

В исследовании определено значение сырьевых отраслей в обеспечении устойчивого развития ресурсных регионов СФО на основе оценки достижения экономических, социальных и экологических целей развития.

Основные характеристики ресурсных и нересурсных регионов Сибирского федерального округа

В состав Сибирского федерального округа входят 10 регионов, различающихся по численности населения, производственной спе-

циализации, обеспеченности природными ресурсами. Для определения доминирующей отраслевой специализации в регионе используются различные подходы [9, с. 104]. К наиболее распространенным относятся:

— двухфакторная модель типологизации регионов, учитывающая долю добычи полезных ископаемых в ВРП (не менее 9 % ВРП) и соотношение объемов валовой добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств (более 50 %) [10];

— индекс относительной специализации, рассчитанный по доле занятых в добывающем секторе или по его доле в добавленной стоимости [11];

— коэффициент локализации, который определяется как отношение валовой добавленной стоимости, созданной в добывающих отраслях, к валовой добавленной стоимости, созданной во всех отраслях региона, к такому же соотношению в национальной экономике. Если коэффициент локализации больше 1, регион относится к ресурсным [12].

В исследовании будет использоваться коэффициент локализации, который, по нашему мнению, более точно отражает специали-

зацию региональной экономики. Определенные отраслевой специализации регионов на основе коэффициента локализации показало, что к ресурсным в СФО относятся Кемеровская область, Томская область, Иркутская область, Красноярский край и Республика Хакасия¹. Коэффициенты локализации первых трех регионов выше 2, последних двух — близки к 1,5. Положение Республики Тыва является спорным. По коэффициенту локализации регион не является ресурсным, тогда как по индексу относительной специализации его можно отнести к данной категории. Спорное положение региона обусловлено наличием богатых запасов минерально-сырьевых ресурсов, но в настоящее время еще слабо освоенных. В нашем исследовании мы считаем Республику Тыва нересурсным регионом.

Для целей исследования сравним общие характеристики ресурсных и нересурсных регионов, а именно: численность населения и объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по состоянию на 2022 г. (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика ресурсных и нересурсных регионов СФО по численности населения и объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по всем видам деятельности (2022 г.)

Characteristics of resource and non-resource regions of the Siberian Federal District in terms of population and the volume of shipped goods of own production, performed works and services by own forces for all types of activities (2022)

Ресурсный регион	Численность населения, тыс. человек	Объем отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, млн руб.	Нересурсный регион	Численность населения, тыс. человек	Объем отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, млн руб.
Кемеровская область	2 568,2	2 941 688	Новосибирская область	2 794,3	1 069 907
Томская область	1 052,1	510 565	Омская область	1 832,1	590 962
Иркутская область	2 344,4	1 902 078	Алтайский край	2 130,9	664 352
Красноярский край	2 845,5	3 015 994	Республика Алтай	210,8	24 533
Республика Хакасия	530,2	374 081	Республика Тыва	337,3	36 380
Всего	9 340,4	8 370 325	Всего	7 305,4	2 386 134

Как показал анализ, численность населения в регионах сырьевой специализации более чем на 2 млн человек превышает численность населения нересурсных регионов. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по всем видам деятельности в 3,5 раза больше в ресурсных регионах

по сравнению с нересурсными, что свидетельствует о их более высоком производственном потенциале.

¹ Чтобы избежать случайных колебаний, коэффициенты локализации рассчитывались как среднее значение за 2005—2022 гг.

Анализ добывающего сектора ресурсных регионов Сибирского федерального округа

Основными видами полезных ископаемых, добываемых в ресурсных регионах СФО, являются уголь, нефть и газ (табл. 2).

Анализ добываемого природного сырья в регионах СФО показал, что Кемеровская

и Томская области ориентированы на добычу монопродукта (уголь, нефть и газ соответственно), тогда как в Красноярском крае, Иркутской области и Республике Хакасия кроме угля, нефти и газа добывается немалое количество металлических руд, в том числе золота.

Таблица 2

Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) ресурсных регионов СФО по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» (2022 г.), %
The structure of the volume of shipped products (works, services) of resource regions of the Siberian Federal District by type of economic activity “mining of minerals” (2022), %

Ресурсный регион	Уголь	Нефть и газ	Металлические руды	Прочие полезные ископаемые	Предоставление услуг	Итого
Сибирский федеральный округ	48,6	39,1	6,6	1,2	4,5	100
Кемеровская область	98,8	—	0,3	0,6	0,3	100
Томская область	—	90,2	0,1	0,7	9,0	100
Иркутская область	2,3	73,8	11,7	1,0	11,2	100
Красноярский край	3,4	78,0	11,0	1,6	6,0	100
Республика Хакасия	89,2	—	9,7	1,1	—	100

Примечание. Составлено автором.
 Note. Compiled by the author.

Анализ объемов отгруженных товаров собственного производства по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» в ресурсных регионах СФО показал тенденцию к их наращиванию. Особенно вы-

соки темпы роста добычи полезных ископаемых в Кемеровской области, которая является лидером в СФО по развитию добывающих отраслей (рис. 1).

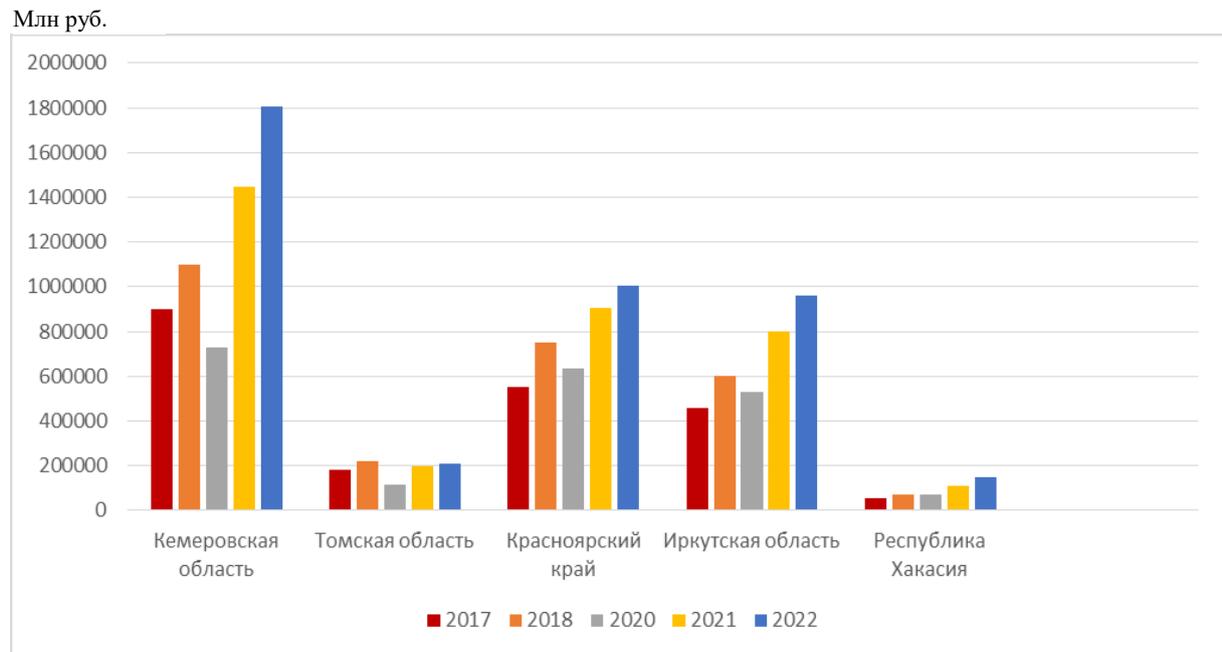

Рис. 1. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» в ресурсных регионах Сибирского федерального округа, млн руб. (составлено автором)

The volume of shipped goods of own production, performed works and services by own forces by type of economic activity “mining of minerals” in the resource regions of the Siberian Federal District, million rubles (compiled by the author)

С 2017 по 2022 г. объем отгруженных товаров собственного производства добывающих отраслей в Республике Хакасия вырос в 2,9 раза, в Кемеровской и Иркутской областях — более чем в 2 раза, в Красноярском крае — в 1,8 раза, в Томской области — в 1,2 раза. Все это является доказательством востребованности добываемого природного сырья как в стране, так и за рубежом.

Минерально-сырьевой сектор играет важную роль в создании валового регионального продукта в ресурсных регионах. Об этом свидетельствует отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС), где добыча полезных ископаемых вносит весьма существенный (а в некоторых регионах и основной) вклад в производство валового регионального продукта (рис. 2).

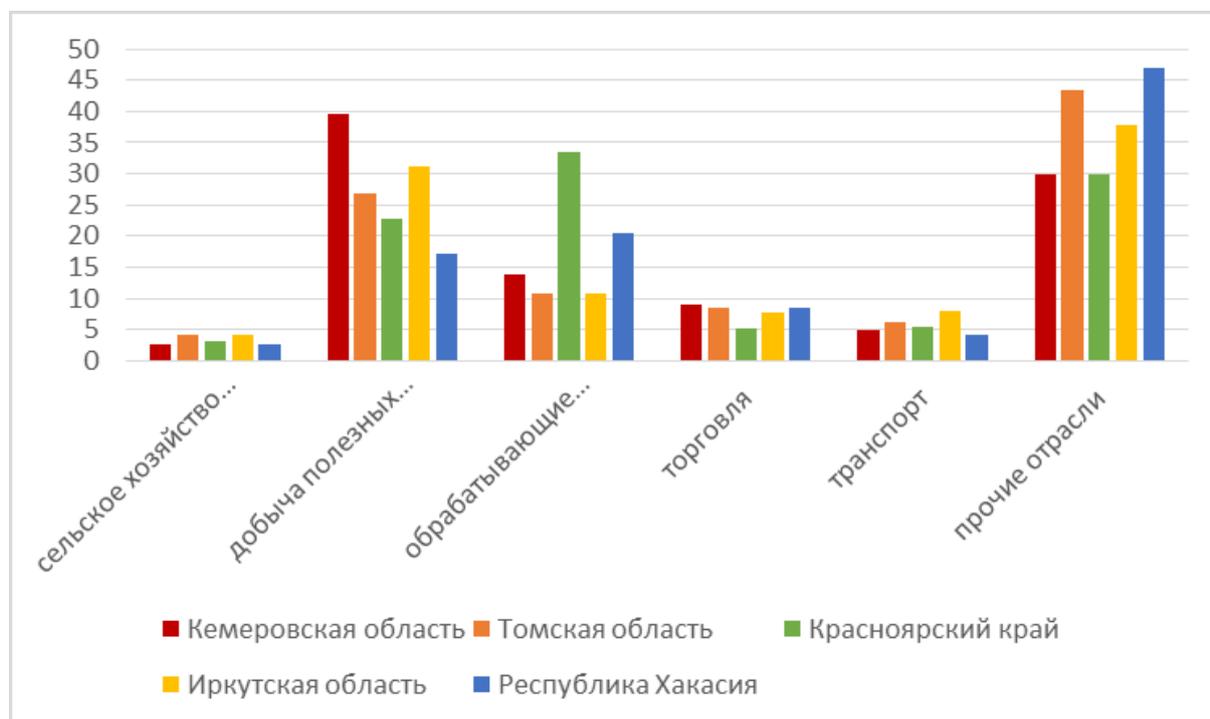

Рис. 2. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости ресурсных регионов Сибирского федерального округа (2022 г.), % (составлено автором)

Sectoral structure of gross value added of resource regions of the Siberian Federal District (2022), % (compiled by the author)

Изучение отраслевой структуры ВДС показало, что наибольший вклад добывающих отраслей среди других отраслей экономики в создание валовой добавленной стоимости на региональном уровне отмечался в Кемеровской (39,7%), Иркутской (31,2%) и Томской (26,8%) областях.

При этом численность занятых в добыче полезных ископаемых по сравнению с другими отраслями является одной из самых низких. Так, по состоянию на 2022 г. наиболее высокий уровень занятости в добывающем секторе экономики отмечался в Кемеровской области — 9,9%, самый низкий в Красноярском крае — 2,1% (рис. 3).

Это связано, с одной стороны, с низкой трудоемкостью производственного процесса добывающих отраслей, а с другой — с использованием вахтового метода при освоении месторождений полезных ископаемых.

Принимая во внимание труднодоступность территорий при освоении природных ресурсов, низкий уровень их социального обустройства, суровые природно-климатические условия в большинстве регионов Сибирского федерального округа, эта мера считается вполне оправданной.

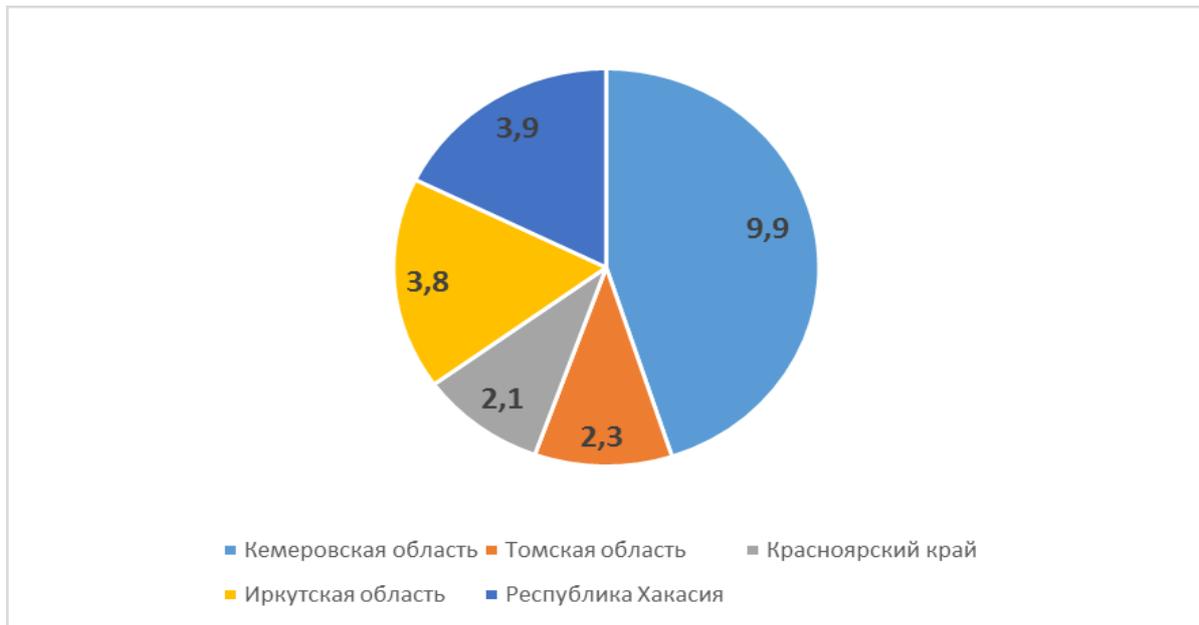

Рис. 3. Доля занятых в добывающем секторе в ресурсных регионах от общей численности занятых (2022 г.), % (составлено автором)

The share of those employed in the extractive sector in the resource regions of the total number of employees (2022), % (compiled by the author)

Система показателей оценки устойчивого регионального развития

Оценка влияния развития сырьевых отраслей на устойчивость экономики ресурсных регионов должна основываться, по нашему мнению, на системе показателей, которые отражают экономический рост, социальное развитие и экологическое состояние (табл. 3). Как справедливо указывает С. В. Бобылев, «России нужен рост благосостояния населения, включающий экономические, социаль-

ные и экологические компоненты качества жизни. А это уже другая логика развития и измерения социально-экономического прогресса. В связи с этим не надо гнаться за традиционными количественными показателями, будь то стоимостные индикаторы (ВВП и пр.) или физические объемы производства (энергоресурсы и т. д.). Новая экономика должна делать акцент на качественном, а не количественном развитии» [13, с. 94].

Таблица 3

Показатели оценки устойчивого развития региона Indicators for assessing sustainable regional development

Показатель экономического роста	Показатель социального развития	Показатель экологического состояния
ВРП на душу населения, тыс. руб.	Среднедушевые доходы населения, руб.	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т
Объем инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности, млн руб.	Коэффициент фондов	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ, в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников, %
Используемые передовые производственные технологии, количество	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Расходы на охрану окружающей среды, млн руб.
Доля поступления налогов, сборов и иных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации от общего объема, %	—	—

Так, экономические цели регионального развития достигаются за счет увеличения валового регионального продукта, привлечения инвестиций, диверсификации отраслей экономики, увеличения доходов консолидированного бюджета, перехода на использование передовых инновационных технологий.

Социальное развитие характеризует уровень жизни населения и комфортность его проживания. Важную роль в этом процессе играют уровень среднедушевых доходов и их дифференциация. В качестве комплексного показателя благосостояния населения предлагается рассматривать ожидаемую продолжительность жизни при рождении.

На экологическую обстановку значительно влияют выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ, исходящих от стационарных источников. Для сокращения негативного влияния деятельности производственных предприятий реализуется комплекс технических мероприятий по обезврежива-

нию загрязняющих атмосферу веществ, и чем выше этот показатель, тем лучше качество воздуха. Экологическая ситуация в определяющей степени зависит и от расходов на охрану окружающей среды.

Экономический рост в ресурсных и нересурсных регионах Сибирского федерального округа

Оценка влияния сырьевых отраслей на рост экономики ресурсных регионов показывает их положительную взаимосвязь.

Так, объем ВРП на душу населения (по состоянию на 2022 г.) в ресурсных регионах заметно выше, чем в нересурсных. Это обусловлено наличием развитого промышленного комплекса в Красноярском крае, Иркутской и Томской областях, где наряду с добычей полезных ископаемых созданы высокотехнологичные производства обрабатывающей промышленности и сферы услуг (рис. 4).

Тыс. руб.

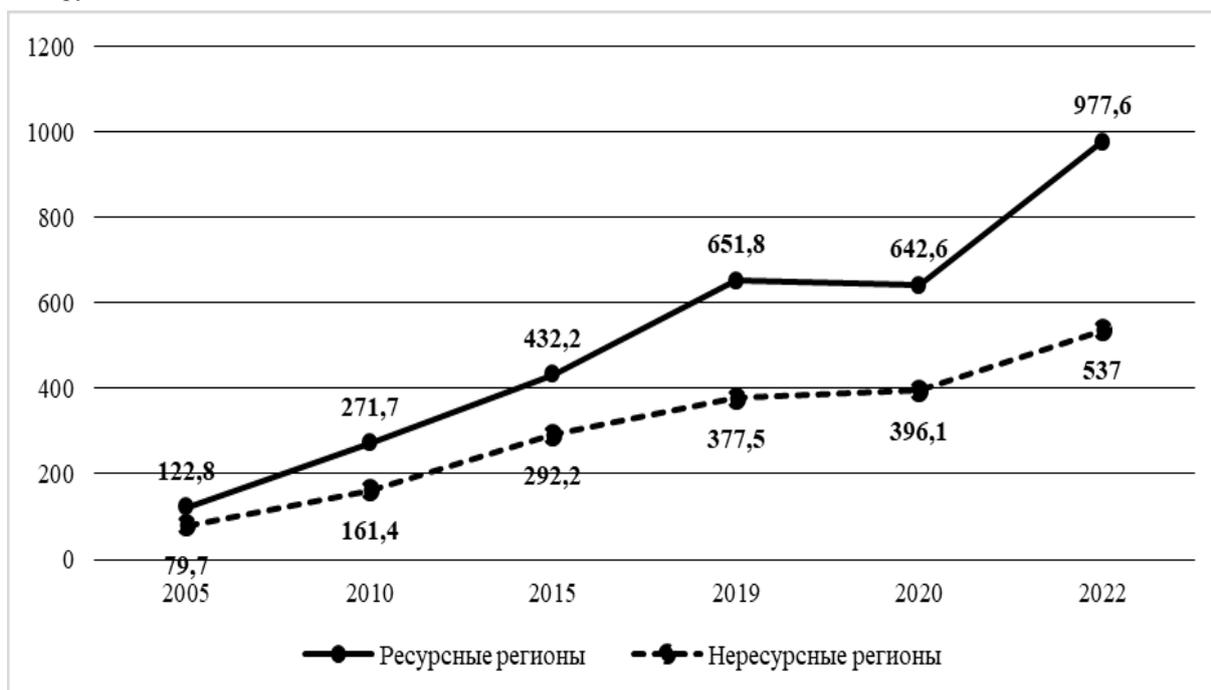

Рис. 4. ВРП на душу населения в ресурсных и нересурсных регионах СФО (2005—2022 гг.), тыс. руб. (составлено автором)

GRP per capita in resource and non-resource regions of the Siberian Federal District (2005—2022), thousand rubles (compiled by the author)

Объем инвестиций в основной капитал ресурсных регионов СФО по всем видам деятельности превышает 80 % всего объема инвестиций Сибирского федерального округа.

Распределение инвестиций по отраслям экономики свидетельствует о диверсификации экономики регионов сырьевой специализации (табл. 4).

Распределение инвестиций в основной капитал по основным видам экономической деятельности в ресурсных регионах СФО по состоянию на 2022 г., млн руб.

Distribution of investments in fixed assets by main types of economic activity in the resource regions of the Siberian Federal District as of 2022, million rubles

Показатель	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Торговля	Транспорт	Прочие отрасли
Ресурсные регионы	31 072,3	503 718,7	395 147,7	28 868,7	475 016,1	919 603,2
От общего объема инвестиций СФО по отраслям, %	44,6	97	76,5	67,7	86,6	39,1

Примечание. Составлено автором.

Note. Compiled by the author.

Важнейшим показателем оценки влияния ресурсных отраслей на экономический рост является использование передовых производственных технологий, обеспечивающих переход на внедрение инноваций в производственные процессы. Здесь следует отметить принципиальное изменение траектории, когда до 2010 г. количество используемых передовых производственных технологий

в ресурсных регионах СФО отставало от аналогичного показателя в нересурсных регионах, тогда как начиная с 2015 г. тенденция изменилась. Это связано с тем, что в сырьевых отраслях для повышения эффективности ресурсодобычи широко используются самые современные технологии производства (рис. 5).

Количество производственных технологий

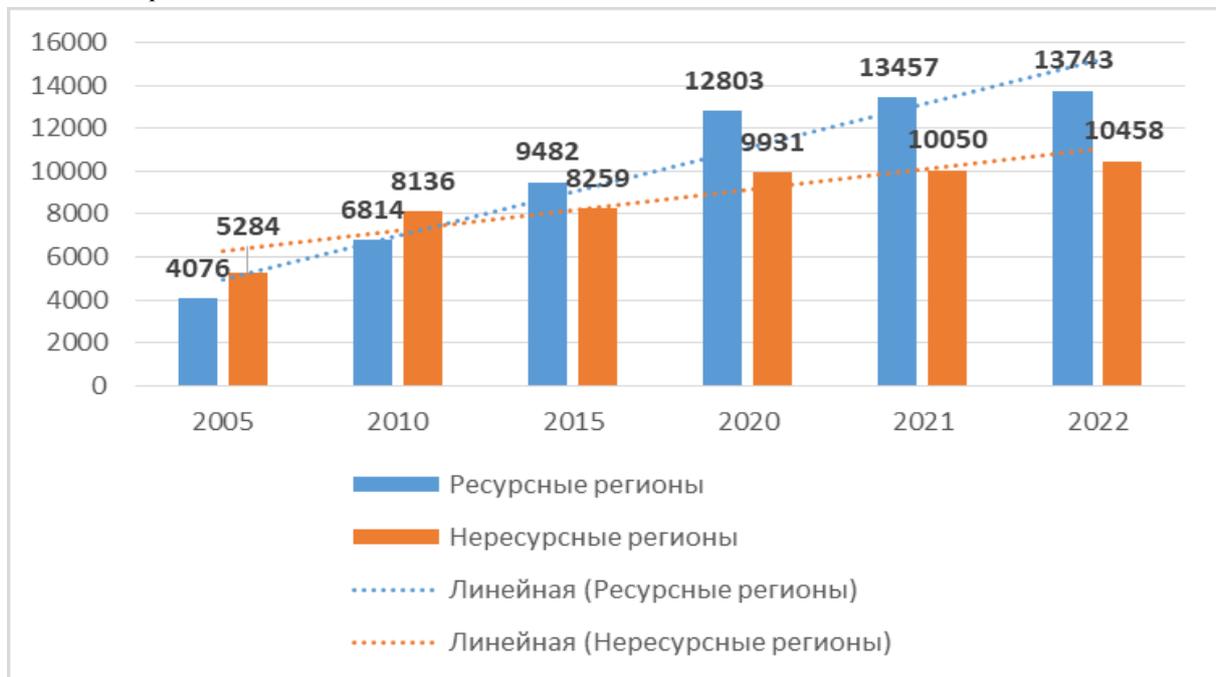

Рис. 5. Количество используемых передовых производственных технологий в ресурсных и нересурсных регионах СФО (2005—2022 гг.)

The number of advanced production technologies used in resource and non-resource regions of the Siberian Federal District (2005—2022)

Одним из показателей вклада регионов сырьевой специализации в экономический рост являются налоговые и иные поступления в консолидированный бюджет страны.

По данному показателю регионы сырьевой специализации СФО существенно обгоняют нересурсные регионы, и доля их отчислений только увеличивается (рис. 6).

Рис. 6. Доля поступления налогов, сборов и иных платежей ресурсных и нересурсных регионов СФО в консолидированный бюджет Российской Федерации от общего объема (2005—2022 гг.), % (составлено автором)
The share of receipts of taxes, fees and other payments of resource and non-resource regions of the Siberian Federal District to the consolidated budget of the Russian Federation from the total volume (2005—2022), % (compiled by the author)

Таким образом, оценка влияния ресурсного сектора на экономический рост подтверждает гипотезу о том, что сырьевые отрасли обеспечивают рост экономики как страны в целом, так и отдельных ее регионов.

Социальное развитие ресурсных и нересурсных регионов Сибирского федерального округа

Одним из критериев оценки комфортного проживания населения на территории является размер среднедушевых денежных доходов. По мнению Т. Ю. Ивахненко, сырьевой сектор экономики должен обеспечивать более высокий уровень доходов, что обусловлено отраслевыми различиями в оплате труда [14]. Однако, несмотря на суровые природно-климатические условия Сибири, влияющие на стоимость жизни, на удаленность от центральной части страны, что определяет значительные транспортные и логистические расходы, среднемесячные денежные доходы населения ресурсных и нересурсных регионов СФО практически идентичны, но они значительно ниже, чем в центральной части России.

По состоянию на 2022 г. самый высокий уровень среднемесячных денежных доходов среди ресурсных регионов отмечался в Красноярском крае — 41 782 руб. (23-е место среди регионов Российской Федерации), в нересурсных регионах — в Новосибирской области — 39 845 руб. (26-е место среди регионов Российской Федерации). Самые низ-

кие доходы в ресурсных регионах у населения, проживающего в Республике Хакасия, — 28 963 руб. (73-е место среди регионов Российской Федерации) и Кемеровской области — 32 627 руб. (60-е место среди регионов Российской Федерации). В нересурсных регионах самый низкий уровень среднедушевых денежных доходов у населения Республики Тыва — 23 049 руб. (83-е место среди регионов Российской Федерации), Республики Алтай — 27 940 руб. (77-е место среди регионов Российской Федерации) и Алтайского края — 31 145 руб. (65-е место среди регионов Российской Федерации).

Наряду с низкими денежными доходами населения Сибирского федерального округа как в ресурсных, так и в нересурсных регионах значимой проблемой является их существенная дифференциация. Об этом свидетельствует коэффициент фондов. Дифференциация денежных доходов населения обусловлена прежде всего отраслевыми различиями в заработной плате. Так, более низкая заработная плата отмечается в сельском хозяйстве, пищевой и легкой промышленности, отраслях сферы услуг. Наиболее высокий уровень заработной платы характерен для отраслей по добыче полезных ископаемых, отдельных отраслей обрабатывающих производств, финансового сектора и предприятий информации и связи. Исследование показывает, что наибольшие различия в размерах денежных доходов характерны для нересурсных регионов (рис. 7).

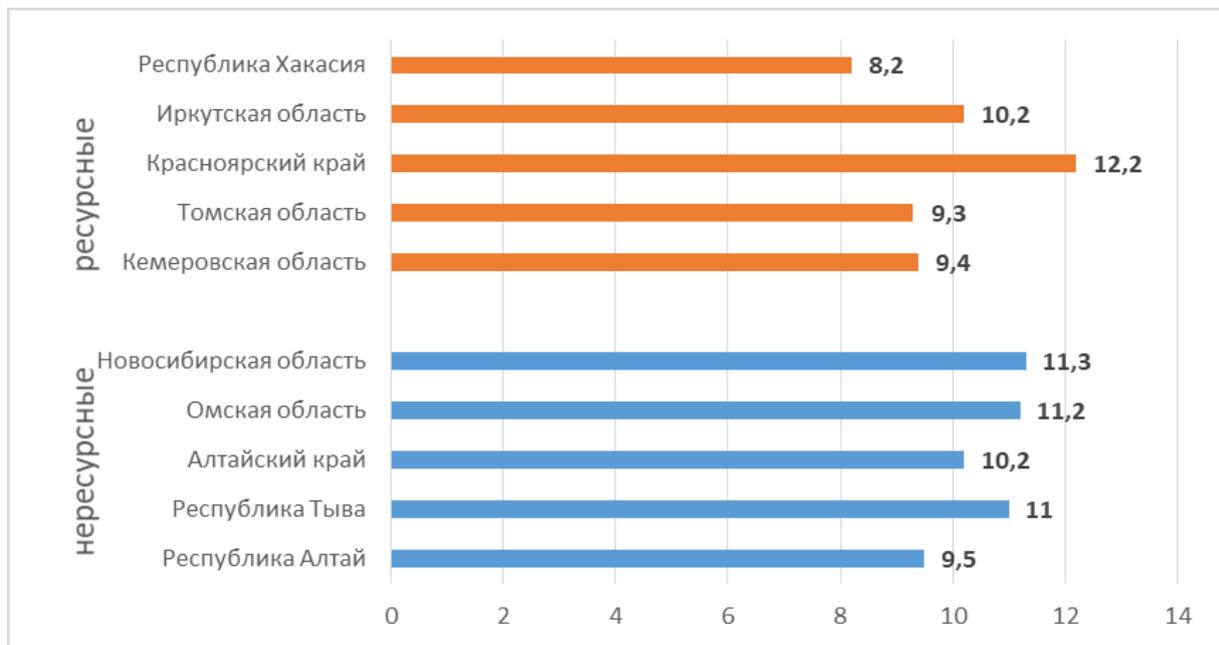

Рис. 7. Коэффициент фондов в регионах СФО (2022 г.)
Gini coefficient in the regions of the Siberian Federal District (2022)

Для более комплексной оценки социально-го развития регионов СФО проанализируем показатель продолжительности жизни при рождении, который зависит от таких факторов, как уровень жизни, развитие здравоохранения, экологическая обстановка, природно-климатические условия территории проживания и пр.

По продолжительности жизни населения регионы Сибирского федерального округа занимают от 30-го до 84-го места в России, что свидетельствует о неблагоприятной ситуации их социально-экономического развития. Самая высокая продолжительность жизни при рождении по состоянию на 2022 г. отмечалась в Томской области (72,33 года), самая низкая — в Республике Тыва (67,11 лет). По ресурсным и нересурсным регионам в целом можно отметить идентичность показателей: 70 и 70,17 лет соответственно. Это является доказательством того, что специализация региональной экономики не оказывает существенного влияния на социальное развитие территории. Несмотря на более развитый экономический потенциал, ресурсные регионы не отличаются более комфортными условиями проживания населения.

Экологические проблемы регионов Сибирского федерального округа

Одной из целей устойчивого развития региональной экономической системы является экологическая безопасность. Важнейшим показателем, характеризующим экологиче-

скую обстановку в регионе, можно назвать объем выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников.

Анализ объема выбросов вредных веществ в ресурсных и нересурсных регионах СФО показывает семикратное их превышение в ресурсных регионах по сравнению с нересурсными. Более того, отмечается негативная тенденция к увеличению объема выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в ресурсных и нересурсных регионах (рис. 8). Это подтверждается и исследованиями, проведенными Д. Ю. Верченко, А. И. Пыжевым, М. В. Курбатовой для муниципальных образований Сибири [15].

Основной объем выбросов вредных веществ в атмосферный воздух (более 50 %) в ресурсных регионах выпадает на Красноярский край, который «традиционно» занимает первое место по данному показателю в Сибирском федеральном округе, на втором месте — Кемеровская область. В этих регионах происходит более 80 % всех выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ, приходящихся на ресурсные регионы. В Красноярском крае это связано прежде всего с производством алюминия (города Красноярск и Ачинск), никеля, платины, меди (город Норильск), нефтепродуктов (город Ачинск), наличием тепловых станций, работающих на угле, добычей угля, золота и других полезных ископаемых.

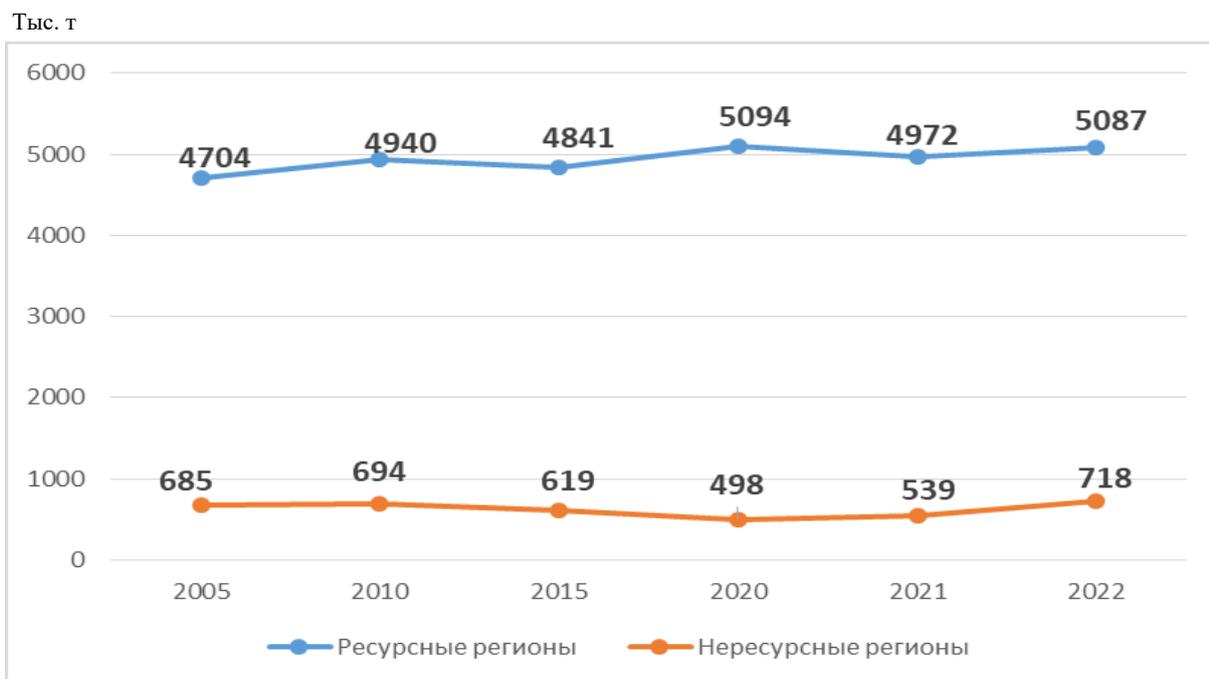

Рис. 8. Выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (2005—2022 гг.), тыс. т (составлено автором)
Emissions into the atmospheric air of pollutants emanating from stationary sources (2005—2022), thousand tons (compiled by the author)

В Кемеровской области основные выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух отходят от угольных шахт, предприятий, производящих нефтепродукты, азотные удобрения, металлургический кокс, продукцию углехимии. Таким образом, свой негативный вклад в состояние окружающей среды вносит как добыча полезных ископаемых, так и обрабатывающие производства.

Для сокращения объема выбросов вредных веществ компании проводят их улавливание и обезвреживание. По состоянию на 2022 г. самая высокая доля уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ отмечалась в Омской области (более 90 %), Новосибирской области (82,6 %) и Алтайском крае (85 %). Наименьшая доля уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ среди развитых промышленных регионов приходилась на Томскую область (30 %). В экологически неблагополучных Красноярском крае и Кемеровской области доля уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ составила 70,7 и 71,1 % соответственно.

Оценивая затраты на охрану окружающей среды по регионам СФО, отметим, что их основной объем приходится на ресурсные регионы. Так, только в Красноярском крае

было израсходовано 95 932 млн руб., или 52 % всех средств, выделенных на охрану окружающей среды СФО (по состоянию на 2022 г.). В Красноярском крае, Иркутской и Кемеровской областях доля всех средств, выделяемых на охрану окружающей среды в Сибирском федеральном округе, составила 67,7 %. При этом аналогичные расходы в нересурсных регионах были существенно ниже (рис. 9).

Несмотря на столь значительные расходы, связанные с защитой окружающей среды, экологическая обстановка в ресурсных регионах СФО остается сложной, и средств, выделяемых на экологическую безопасность, явно не хватает. Согласно данным экологического рейтинга по состоянию на 2022 г., самая неблагоприятная экологическая обстановка сложилась в Красноярском крае, Иркутской области, Республике Хакасия. Худшее состояние воздуха наблюдается в Иркутской области и Красноярском крае: «В Иркутской области от очень высокого загрязнения воздуха страдают жители 8 городов — четверть населения региона. В Красноярском крае таких городов 6, и в них живет 90 % населения региона. Именно на Красноярский край приходится 14 % всех промышленных выбросов загрязняющих воздух веществ в стране» [16].

%

Рис. 9. Доля расходов на охрану окружающей среды в ресурсных и нересурсных регионах от общего объема расходов СФО (2018—2022 гг.), % (составлено автором)

The share of environmental protection expenditures in resource and non-resource regions of the total amount of expenditures of the Siberian Federal District (2018-2022), % (compiled by the author)

Таким образом, ресурсная экономика регионов сырьевой специализации не обеспечивает достижение одной из целей устойчивого развития — экологической безопасности, что в ближайшем будущем может привести к массовому оттоку квалифицированных кадров, повышенным затратам на охрану здоровья населения, непривлекательности территорий для отечественных и зарубежных инвесторов. Для решения этой проблемы требуется регулирование данных процессов со стороны как государственных, так и региональных органов управления, которое должно включать:

- разработку региональных стратегий по охране окружающей среды для всех регионов сырьевой специализации СФО;

- повышение ресурсоэффективности добычи полезных ископаемых на основе применения технологий ресурсосбережения путем использования механизма государственно-частного партнерства;

- развитие предприятий по глубокой переработке сырья с применением экологически безопасных инновационных технологий на основе реализации инвестиционных проектов, с привлечением и государственных инвестиций;

- налоговое и иное стимулирование увеличения эффекта декарпинга и снижения негативного воздействия на окружающую среду.

Заключение

Оценка влияния сырьевых отраслей на обеспечение устойчивого развития ресурс-

ных регионов, сделанная на примере регионов Сибирского федерального округа, показала, что минерально-сырьевой комплекс обеспечивает высокий уровень валового регионального продукта на душу населения; способствует привлечению инвестиций как в добычу полезных ископаемых, так и развитие обрабатывающих производств; развивается на основе использования передовых производственных технологий; формирует доходную базу консолидированного бюджета как на национальном, так и на региональном уровне. Однако уровень жизни населения ресурсных и нересурсных регионов, оцениваемый по показателям среднедушевых доходов, их дифференциации и продолжительности жизни при рождении, характеризуется близкими значениями, что подтверждает мнение о слабой взаимосвязи между экономическим ростом и социальным развитием региональной экономики. При этом сырьевые отрасли экономики наносят вред экологии, что выражается в значительных объемах выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников. И несмотря на значительные средства, выделяемые на охрану окружающей среды, их явно недостаточно. Для решения экологических проблем ресурсных регионов необходимо регулирование развития минерально-сырьевого комплекса со стороны государственных и региональных органов управления. Это регулирование должно включать совместную с крупными компаниями реализацию проектов по охране окру-

жающей среды, государственно-частное партнерство при создании предприятий по глубокой переработке минерально-сырьевых

ресурсов на основе использования передовых инновационных технологий, а также налоговое стимулирование декаплинга.

Список источников

1. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация / М. В. Курбатова, С. Н. Левин, Е. С. Каган, Д. В. Кислицын // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (3). С. 89—106. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106
2. Любимов И. Л. Может ли «ресурсное проклятие» стать благом для российской экономики? // *Российское предпринимательство*. 2016. Т. 17, № 10. С. 1265—1274. DOI: 10.18334/rp.17.10.35292
3. Еремينا М. Ю. Механизм «ресурсного проклятия» и экономика региона // *Вестник Камчатского государственного технического университета*. 2010. № 12. С. 51—53.
4. Козаков Е. М., Шеломенцев А. Г., Андреева Е. Л. Методологические основы оценки влияния освоения минеральных ресурсов на социально-экономическое развитие регионов России // *Экономика региона*. 2007. Приложение к № 4. С. 153—163.
5. Беляев В. Н., Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В. Влияние освоения минерально-сырьевой базы на социально-экономическое развитие Уральского региона // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 24 (278). С. 39—42.
6. Цибульникова М. Р. Роль природного капитала в устойчивом развитии региона // *Вестник Московского университета*. Серия 5. География. 2020. № 3. С. 52—63.
7. Затонский А. В., Сиrotина Н. А. Значение и роль природно-ресурсного потенциала в обеспечении устойчивого развития региона // *Научный журнал НИУ ИТМО*. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 1. С. 76—79.
8. Кусургашева Л. В., Муромцева А. К. Необходимость трансформации рентно-сырьевой модели российской экономики // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 5. С. 115—121. DOI:10.17513/vaael.1118
9. Поподько Г. И., Зимнякова Т. С. Источники развития сырьевых регионов Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 5. С. 103—108. DOI: 10.17513/fr.42151
10. Глазырина И. П., Клевакина Е. А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // *ЭКО*. 2013. № 11. С. 113—128. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2013-11-113-128
11. Мельникова Л. В. Современная региональная экономика: теории и модели : учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2015. 304 с.
12. Белоусова А. В. Коэффициенты локализации: направления и методические аспекты использования (на примере дальневосточных субъектов РФ) // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021. № 12. С. 117—125. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-12-117-125
13. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // *Мир новой экономики*. 2017. № 3. С. 90—96.
14. Ивахненко Т. Ю. Неравенство доходов и обеспеченность природными ресурсами в регионах России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2023. № 27 (2). С. 220—247. DOI: 10.17323/1813-8691-2023-27-2-220-247
15. Верченко Д. Ю., Пыжжев А. И., Курбатова М. В. Факторы загрязнения воздуха от стационарных источников в муниципальных образованиях регионов Сибири // *Регион: экономика и социология*. 2024. № 3 (123). С. 222—250. DOI: 10.15372/REG20240310
16. Регионы России с самой напряженной экологической обстановкой: рейтинг «Если быть точным». URL: <https://techno.st/materials/regiony-rossii-s-samoi-napriazЕННОI-ekologiceskoi-obstanovkoi-reiting-esli-byt-tocnym> (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S., Kislitsyn D.V. Regiony resursnogo tipa v Rossii: opredelenie i klassifikatsiya [Resource-Type Regions in Russia: Definition and Classification], *Terra Economicus*, 2019, no. 17 (3), pp. 89–106. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106
2. Lyubimov I.L. Mozhet li resursnoe proklyatie stat' blagom dlya rossiyskoy ekonomiki? [Could the Resource Curse be Good for the Russian Economy?], *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2016, vol. 17, no. 10, pp. 1265–1274. DOI: 10.18334/rp.17.10.35292
3. Eremina M.Yu. Mekhanizm «resursnogo proklyatiya» i ekonomika regiona [The ‘Resource Curse’ Mechanism and the Regional Economy], *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Kamchatka State Technical University], 2010, no. 12, pp. 51–53.
4. Kozakov E.M., Shelomentsev A.G., Andreeva E.L. Metodologicheskie osnovy otsenki vliyaniya osvoeniya mineral'nykh resursov na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie re-gionov Rossii [Methodological Bases of an Estimation of Influence of Development of Mineral Resources on Social and Economic Development of Regions of Russia], *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2007, Prilozhenie k no. 4 [Appendix to no. 4], pp. 153–163.

5. Belyaev V.N., Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V. Vliyanie osvoeniya mineral'no-syr'evoy bazy na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Ural'skogo regiona [Impact of Mineral Resource Base Development on the Socio-Economic Development of the Ural Region], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 24 (278), pp. 39–42.
6. Tsibul'nikova M.R. Rol' prirodnogo kapitala v ustoychivom razvitii regiona [Role of Natural Capital for Sustainable Development of a Region], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 2020, no. 3, pp. 52–63.
7. Zaton'skiy A.V., Sirotina N.A. Znachenie i rol' prirodno-resursnogo potentsiala v obespechenii ustoychivogo razvitiya regiona [Role of Natural Resources in the Sustainable Development of the Region], *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment»* [Scientific journal NRU ITMO, Series «Economics and Environmental Management»], 2015, no. 1, pp. 76–79.
8. Kusurgasheva L.V., Muromtseva A.K. Neobkhodimost' transformatsii rentno-syr'evoy modeli rossiyskoy ekonomiki [Transformation Necessity of Rental and Raw Materials Russian Economy Model], *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2020, no. 5, pp. 115–121. DOI:10.17513/vaael.1118
9. Popod'ko G.I., Zimnyakova T.S. Istochniki razvitiya syr'evykh regionov Rossii-skoy Federatsii [What are Development Drivers for Russian Resource-Abundant Regions], *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2018, no. 5, pp. 103–108. DOI: 10.17513/fr.42151
10. Glazyrina I.P., Klevakina E.A. Ekonomicheskiy rost i neravenstvo po dokhodam v regionakh Rossii [Economic Growth and Income Inequality in Russian Regions], *EKO* [ECO Journal], 2013, no. 11, pp. 113–128. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2013-11-113-128
11. Mel'nikova L.V. *Sovremennaya regional'naya ekonomika: teorii i modeli* [Modern Regional Economy: Theories and Models]: ucheb. posobie. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2015, 304 p.
12. Belousova A.V. Koeffitsienty lokalizatsii: napravleniya i metodicheskie aspekty ispol'zovaniya (na primere dal'nevostochnykh sub"ektov RF) [Localization Coefficients: Directions and Methodological Aspects of Use (On the Example of the Far Eastern Subjects of the Russian Federation)], *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Issues of Economic Transformation], 2021, no. 12, pp. 117–125. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-12-117-125
13. Bobylev S.N. Ustoychivoe razvitiye v interesakh budushchikh pokoleniy: ekonomicheskie priority [Sustainable Development for Future Generations: Economic Priorities], *Mir novoy ekonomiki* [World of New Economy], 2017, no. 3, pp. 90–96.
14. Ivakhnenko T.Yu. Neravenstvo dokhodov i obespechennost' prirodnymi resursami v regionakh Rossii [Income Inequality and Natural Resource Endowment in the Russia's Regions], *Ekonomicheskiy zhurnal VShE* [The HSE Economic Journal], 2023, no. 27 (2), pp. 220–247. DOI: 10.17323/1813-8691-2023-27-2-220-247
15. Verchenko D.Yu., Pyzhev A.I., Kurbatova M.V. Faktory zagryazneniya vozdukhа ot statsionarnykh istochnikov v munitsipal'nykh obrazovaniyakh regionov Sibiri [Factors Contributing to Air Pollution From Stationary Sources in Municipalities of Siberian Regions], *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2024, no. 3 (123), pp. 222–250. DOI: 10.15372/REG20240310
16. *Regiony Rossii s samoy napryazhennoy ekologicheskoy obstanovkoy: reyting «Esli byt' tochnym»* [Russian regions with the most stressful environmental situation: rating «To be exact»]. Available at: <https://tochno.st/materials/regiony-rossii-s-samoi-napriazhennoi-ekologiceskoi-obstanovkoi-reiting-esli-byt-tochnym> (accessed: 20.01.2025).

Информация об авторе

Поподько Галина Ивановна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pgi90@bk.ru

Information about the author

Galina I. Popodko — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pgi90@bk.ru

Статья поступила в редакцию 06.02.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 06.02.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 311, 330
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-38-49
EDN HPUSRS

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ СОБЛЮДЕНИЯ СРОКА ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Татьяна Георгиевна Березова

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», Новосибирск, Российская Федерация, berezova_t@mail.ru

Аннотация. В статье представлена методика оценки территорий по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных). Для строительной отрасли за 2013—2023 гг. рассчитаны интегральные показатели по регионам, проведена типология, построено уравнение пробит-регрессии для определения новых объектов наблюдения, получена матрица портфельного анализа. Сделаны выводы и предложены мероприятия, направленные на повышение уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных).

Ключевые слова: срок исполнения договорных обязательств, срок исполнения государственного контракта, исполнение обязательств, гарантийные обязательства, интегральный показатель, строительство

Для цитирования: Березова Т. Г. Классификация регионов по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 38—49. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-38-49. EDN HPUSRS.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

CLASSIFICATION OF REGIONS BY LEVEL OF COMPLIANCE WITH THE DEADLINE FOR FULFILLMENT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Tatyana G. Berezova

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, berezova_t@mail.ru

Abstract. The article presents a methodology for assessing territories by the level of compliance with the deadline for the fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations). For the construction industry for 2013-2023, integral indicators were calculated for the regions, a typology was carried out, a probit regression equation was built to determine new objects of observation, and a portfolio analysis matrix was obtained. Conclusions are drawn and measures are proposed aimed at improving the level of compliance with the deadline for the fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations).

Keywords: deadline for the fulfillment of contractual obligations, deadline for the fulfillment of a state contract, fulfillment of obligations, warranty obligations, integral indicator, construction

For citation: Berezova T.G. Classification of Regions by Level of Compliance with the Deadline for Fulfillment of Contractual Obligations. *Territory Development*. 2025;(2):38—49. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-38-49>. <https://elibrary.ru/hpusrs>.

Введение

Экономическое развитие регионов современной Российской Федерации происходит неравномерно. Для выявления точек роста необходимо понимание существующих на территориях проблемных вопросов. Данное исследование предполагает решение задачи,

направленной на выявление затруднений, испытываемых регионами по соблюдению сроков исполнения договорных обязательств, в том числе государственных заказов, что и определяет актуальность задачи.

Целью исследования является разработка методики мониторинга и комплексной оценки

территорий по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных), с последующей апробацией на примере субъектов Российской Федерации.

Работы ученых в основном посвящены изучению вопросов оценки исполнения договорных обязательств в части эффективности государственных закупок [1—7]. Применяемые методы для оценки носят экспертный характер. Определение уровня исполнения гарантийных обязательств также является малоизученной темой.

Информационная база сформирована из открытых данных Единой информационной

системы в сфере закупок (ЕИСЗ), Государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности (ГИР БФО), Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). За 2013—2023 гг. проанализированы 82 российских региона с видом экономической деятельности «строительство».

Методы и инструменты

Представим следующий алгоритм оценки территорий по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) (рис. 1).

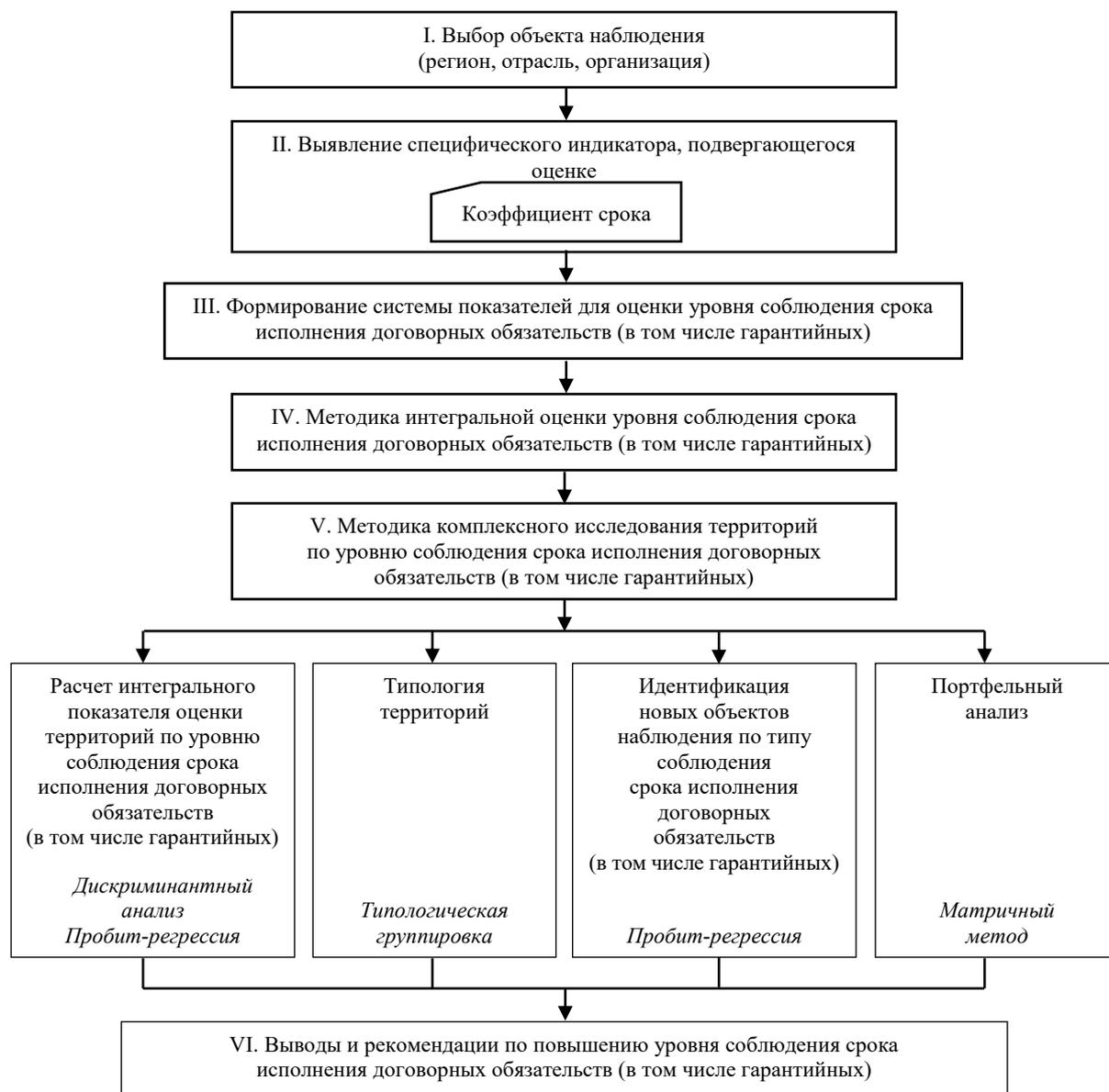

Рис. 1. Алгоритм анализа территорий по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) (составлено автором)

Algorithm for analyzing territories by the level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations) (compiled by the author)

Исследование территорий базируется на разработанной автором методике оценки со-

блюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) под-

рядчиками, которая подразумевает поэтапное использование математико-статистических моделей для построения результирующего интегрального показателя [8]. Методика прошла апробацию на реальных совокупностях дорожного строительства, с последующим переносом методом аналогий признаков в целом на строительную отрасль.

Методика интегральной оценки уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) включает следующие этапы:

1. Формирование исследовательской выборки из базы данных ЕИСЗ (единица анализа: государственный контракт 44-ФЗ) и ГИР БФО (единица анализа: бухгалтерский баланс, отчет о финансовых результатах, приложения к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах) по субъектам хозяйствования, осуществляющим определенный вид деятельности.

2. Классификация исследовательской выборки по ключевому индикатору, подвергающемуся оценке, — коэффициенту срока. Коэффициент срока принимает значения в интервале $[0; 1]$, где $[0; 1)$ — исполнение условий контракта с нарушением срока (в том числе гарантийных обязательств); $K_k = 1$ — исполнение условий контракта с соблюдением срока (в том числе гарантийных обязательств), что дает возможность разделить субъекты хозяйствования на группы.

Коэффициент срока рассчитывается для каждого объекта наблюдения за три прошедших года относительно периода исследования по формуле (1):

$$K_{c_n} = \frac{\sum ЦК}{\sum ЦК + \sum ННс}, \quad (1)$$

где K_{c_n} — коэффициент срока, который показывает исполнение обязательств подрядчиками в срок (в том числе гарантийных) или с нарушением срока;

n — отчетный период, год;

$\sum ЦК$ — цена контракта (цена за право заключения контракта), руб.;

$\sum ННс$ — начисленная неустойка за нарушение срока исполнения обязательств подрядчиками (в том числе гарантийных), руб.

Показатели $\sum ЦК$ и $\sum ННс$ рассчитываются следующим образом по формулам (2), (3):

$$\sum ЦК = ЦК_{(n-1)} + ЦК_{(n-2)} + ЦК_{(n-3)}, \quad (2)$$

$$\sum ННс = ННс_{(n-1)} + ННс_{(n-2)} + ННс_{(n-3)}. \quad (3)$$

3. Формирование списка финансовых индикаторов, имеющих значимость для дальнейшего построения аналитической модели в обучающей выборке методом дискриминантного анализа.

Аналитической основой для формирования финансовых индикаторов послужили показатели рентабельности, величина которых «отражает соотношение эффекта с вложенным капиталом или потребленными ресурсами» [9, с. 11].

4. Построение модели пробит-регрессии. Проверка полученных результатов на тестовой выборке. Построение интегрального показателя оценки уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств.

Интегральный показатель оценки территорий по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) (I_i) для строительной отрасли определяем по формуле (4):

$$I_i = 10,41379 - 74,82935 \cdot ROS_i - 9,54352 \cdot ROFA_i, \quad (4)$$

где I_i — уровень соблюдения срока исполнения обязательств (в том числе гарантийных) перед кредиторами i -й единицы территориального деления России;

ROS_i — значение показателя ROS для i -й единицы территориального деления России;

$ROFA_i$ — значение показателя $ROFA$ для i -й единицы территориального деления России.

Рентабельность продаж по валовой прибыли (ROS) рассчитывается по формуле (5):

$$ROC = \frac{\text{Выручка} - \text{Себестоимость}}{\text{Выручка}} = \frac{\text{Валовая прибыль}}{\text{Выручка}}. \quad (5)$$

Рентабельность основных средств ($ROFA$) рассчитывается по формуле (6):

$$ROFA = \frac{\text{Прибыль (убыток) от продаж}}{\text{Среднегодовая остаточная стоимость основных средств}}. \quad (6)$$

Для расчета показателей ROS_i и $ROFA_i$ были сформированы исходные массивы из базы данных ЕМИСС, Росстата, которые подверглись процедуре импутации (восстановлению пропущенных значений). В случае

отсутствия информации для субъектов Российской Федерации в отчетном периоде используются значения показателя за предыдущий период.

На следующем этапе подготовки данных к анализу проведена нормализация полученного массива к единой размерности методом линейной нормализации.

Для нормализации входных значений в интервале $[-1; 1]$ применяется формула (7):

$$\tilde{x}_{ik} = 2 \frac{x_{ik} - x_{\min i}}{x_{\max i} - x_{\min i}} - 1, \quad (7)$$

где \tilde{x}_{ik} — нормализованное значение k -го показателя по i -й единице территориального деления России;

x_{ik} — значение k -го показателя по i -й единице территориального деления России;

$x_{\max i}$ и $x_{\min i}$ — максимальное и минимальное значения k -го показателя по i -й единице территориального деления России.

Выборка предварительно была очищена от экстремальных выбросов. Данные процедуры позволили отобразить значение каждого показателя в интервале $[-1; 1]$, сохраняя пропорции между отдельными значениями. Значения-выбросы принудительно приравнены

к ближайшей границе нужного диапазона: -1 или 1 .

Интегральный показатель уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств принимает значения в интервале $[-1; 1]$, где $[-1; 0)$ — исполнение обязательств с соблюдением срока (в том числе гарантийных); $[0; 1]$ — исполнение обязательств с нарушением срока (в том числе гарантийных). Это позволяет сравнивать регионы, проводить типологию данных.

Результаты применения методики

Для сформированной совокупности были рассчитаны интегральные показатели по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) за 2013—2023 гг. для коммерческих организаций (без субъектов малого предпринимательства) с видом экономической деятельности «строительство».

Приведем данные, которые отражают уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) по федеральным округам Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) федеральными округами Российской Федерации (2013 г., 2018 г. и 2023 г.)

Level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including guarantee obligations) by Federal Districts of the Russian Federation (2013, 2018 and 2023)

Федеральный округ	2013 г.	2018 г.	2023 г.
Российская Федерация	0,001	-0,175	-0,635
Центральный федеральный округ (ЦФО)	-0,093	-0,201	-0,925
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	-0,315	-0,558	-0,764
Южный федеральный округ (ЮФО)	0,122	-0,167	-0,222
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	0,355	0,349	0,002
Приволжский федеральный округ (ПФО)	0,101	-0,006	-0,374
Уральский федеральный округ (УФО)	0,109	-0,329	-0,679
Сибирский федеральный округ (СФО)	0,193	0,056	-0,261
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	0,238	0,195	-0,438

С помощью типологической группировки [10; 11] проведем сравнение между округами. Классификация округов осуществлялась по интегральному показателю по шкале

(табл. 2), с выделением шести типов соблюдения срока исполнения договорных обязательств (табл. 3).

Таблица 2

Шкала для оценки интегрального показателя уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных)
Scale for assessing the integral indicator of the level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations)

Интервал изменения интегрального индекса					
[-1; -0,667]	(-0,667; -0,333]	(-0,333; 0)	[0; 0,333)	[0,333; 0,667)	[0,667; 1]
Исполнение с соблюдением срока			Исполнение с нарушением срока		
Высокий уровень надежности	Средний уровень надежности	Низкий уровень надежности	Низкий уровень риска	Средний уровень риска	Высокий уровень риска

Таблица 3

Распределение федеральных округов Российской Федерации по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) (2013 г., 2018 г. и 2023 г.)
Distribution of Federal Districts of the Russian Federation by the level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations) (2013, 2018 and 2023)

Тип исполнения обязательств	2013 г.	2018 г.	2023 г.
Исполнение с соблюдением срока			
Высокий уровень надежности	—	—	СЗФО, УФО, ЦФО (3)
Средний уровень надежности	—	СЗФО (1)	ДФО, ПФО (2)
Низкий уровень надежности	СЗФО, ЦФО (2)	ПФО, УФО, ЦФО, ЮФО (4)	СФО, ЮФО (2)
Исполнение с нарушением срока			
Низкий уровень риска	ДФО, ПФО, СФО, УФО, ЮФО (5)	ДФО, СФО (2)	СКФО (1)
Средний уровень риска	СКФО (1)	СКФО (1)	—
Высокий уровень риска	—	—	—

По результатам полученной классификации было выделено пять из шести заданных типов. При этом по всем округам наблюдалась положительная динамика с переходом на уровень выше.

Федеральные округа с высоким уровнем риска нарушения срока исполнения договорных обязательств отсутствовали.

Результаты полученной типологии и рассчитанного интегрального показателя позволили выделить следующие основные тенденции:

— Северо-Западный, Уральский, Центральный федеральные округа достигли высокого уровня соблюдения срока исполнения обязательств (в том числе гарантийных). Северо-Западный и Центральный федеральные округа в течение всего рассматриваемого периода находились в зоне, которой соответствует соблюдение срока исполнения обязательств (в том числе гарантийных). Уральский федеральный округ осуществил переход из рискованной зоны в безрисковую;

— Дальневосточный, Приволжский, Сибирский, Южный федеральные округа вышли из зоны риска, связанной с нарушением срока исполнения обязательств (в том числе гарантийных). Дальневосточный и Приволжский федеральный округа заняли место, соответствующее среднему уровню соблюдения сроков, а Сибирский и Южный — низкому уровню;

— Северо-Кавказский федеральный округ находился в зоне риска по исполнению обязательств в срок (в том числе гарантийных). При этом отмечена положительная динамика, связанная с переходом в зону с низким уровнем риска.

Приведем расчеты по оценке уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) регионами Российской Федерации, с выполнением типологии территорий (табл. 4 и 5).

**Уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных)
субъектами Российской Федерации (2013 г., 2018 г. и 2023 г.)**
*Level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including guarantee obligations)
by the constituent entities of the Russian Federation (2013, 2018 and 2023)*

Код	Субъект	2013 г.	2018 г.	2023 г.	Код	Субъект	2013 г.	2018 г.	2023 г.
01	Республика Адыгея	0,054	0,526	-0,394	42	Кемеровская область	-0,365	-0,049	-0,603
02	Республика Башкортостан	0,168	-0,694	0,023	43	Кировская область	-0,179	0,160	-0,212
03	Республика Бурятия	-0,537	0,193	0,289	44	Костромская область	-1,000	-0,999	-1,000
04	Республика Алтай	0,132	-1,000	-1,000	45	Курганская область	0,347	0,017	-1,000
05	Республика Дагестан	0,794	0,206	-0,162	46	Курская область	-1,000	0,373	-0,136
06	Республика Ингушетия	1,000	-0,886	-0,912	47	Ленинградская область	-1,000	-0,657	-0,735
07	Кабардино-Балкарская Республика	-0,099	0,463	0,293	48	Липецкая область	0,308	-0,276	-0,137
08	Республика Калмыкия	0,701	-0,004	-0,238	49	Магаданская область	0,346	-0,159	-0,331
09	Караачаево-Черкесская Республика	-0,750	0,048	-0,889	50	Московская область	-0,006	-0,183	-0,238
10	Республика Карелия	-0,022	-0,252	-1,000	51	Мурманская область	0,347	-0,588	0,469
11	Республика Коми	-0,052	-0,028	0,140	52	Нижегородская область	0,725	-0,015	-0,136
12	Республика Марий Эл	0,203	0,177	-0,004	53	Новгородская область	-1,000	-0,164	-0,592
13	Республика Мордовия	-0,044	0,525	-0,126	54	Новосибирская область	0,321	0,189	-0,414
14	Республика Саха (Якутия)	0,361	0,289	-0,208	55	Омская область	-0,400	-0,298	0,015
15	Республика Северная Осетия	0,220	0,295	0,184	56	Оренбургская область	-0,254	0,811	0,461
16	Республика Татарстан	0,119	0,196	-0,437	57	Орловская область	-0,535	-0,874	-0,288
17	Республика Тыва	0,626	0,238	0,216	58	Пензенская область	0,727	-0,051	0,061
18	Удмуртская Республика	0,475	1,000	0,381	59	Пермский край	-0,311	0,210	-0,493
19	Республика Хакасия	-0,686	-0,496	-0,900	60	Псковская область	0,551	0,251	-0,274
20	Чеченская Республика	0,734	0,641	0,300	61	Ростовская область	-0,238	0,046	-0,399
21	Чувашская Республика	-0,102	-0,135	-0,575	62	Рязанская область	0,156	0,074	-0,260
22	Алтайский край	0,122	0,214	-0,369	63	Самарская область	-0,333	-0,404	-1,000
23	Краснодарский край	0,269	-0,455	-0,492	64	Саратовская область	-0,156	-0,159	-0,669
24	Красноярский край	0,456	0,111	-0,320	65	Сахалинская область	-0,058	-0,787	-0,711
25	Приморский край	-0,437	0,157	0,556	66	Свердловская область	-0,164	0,028	-1,000
26	Ставропольский край	0,221	0,058	-0,305	67	Смоленская область	0,407	-0,026	-0,592
27	Хабаровский край	0,785	0,146	-0,668	68	Тамбовская область	0,452	-0,011	-1,000
28	Амурская область	0,139	0,697	-1,000	69	Тверская область	-0,537	0,383	0,355
29	Архангельская область	-0,243	0,008	-0,041	70	Томская область	0,083	0,872	-0,344
30	Астраханская область	-0,236	-0,795	0,543	71	Тульская область	0,265	-0,111	-0,411
31	Белгородская область	-0,191	0,229	-0,572	72	Тюменская область	0,176	-0,520	-0,603
32	Брянская область	-0,022	0,035	-0,476	73	Ульяновская область	0,550	-1,000	0,127
33	Владимирская область	0,160	-0,865	-0,040	74	Челябинская область	0,039	-0,157	-0,350
34	Волгоградская область	-0,080	0,239	-0,227	75	Забайкальский край	0,774	-0,433	0,059
35	Вологодская область	-0,212	0,136	-0,236	76	Ярославская область	0,131	0,326	-1,000
36	Воронежская область	0,405	-0,250	-0,312	77	Город Москва	-0,183	-0,293	-1,000
37	Ивановская область	0,776	1,000	-0,656	78	Город Санкт-Петербург	-0,127	-0,718	-1,000
38	Иркутская область	0,402	-0,085	-0,195	79	Еврейская автономная область	0,197	0,381	-1,000
39	Калининградская область	0,326	-0,249	1,000	82	Республика Крым	—	0,992	-0,884
40	Калужская область	-0,132	-1,000	-1,000	87	Чукотский автономный округ	0,282	0,544	-0,565
41	Камчатский край	0,111	0,229	-0,659	92	Город Севастополь	—	-0,081	1,000

**Динамика уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств
(в том числе гарантийных) субъектами Российской Федерации (2013—2023 гг.)**
*Dynamics of the level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations
(including guarantee obligations) by the constituent entities of the Russian Federation (2013—2023)*

Уровень исполнения обязательств	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	
Исполнение с соблюдением срока												
Уровень надежности	Количество объектов наблюдения в группе											
	Низкий	23	19	16	24	21	22	18	18	21	24	22
	Средний	6	10	8	11	14	7	14	17	17	14	20
	Высокий	6	7	8	8	10	11	8	13	15	20	21
	Интегральный показатель											
	Максимум	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000	-1,000
	Средний	-0,334	-0,364	-0,427	-0,344	-0,433	-0,405	-0,433	-0,477	-0,480	-0,480	-0,536
Минимум	-0,006	-0,002	-0,006	-0,003	-0,002	-0,004	-0,007	-0,014	-0,010	-0,002	-0,004	
Исполнение с нарушением срока												
Уровень риска	Количество объектов наблюдения в группе											
	Низкий	23	27	25	25	19	28	18	18	19	13	11
	Средний	13	10	15	8	15	8	18	9	8	6	6
	Высокий	9	7	10	6	3	6	6	7	2	5	2
	Интегральный показатель											
	Максимум	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
	Средний	0,377	0,334	0,426	0,337	0,368	0,327	0,397	0,408	0,297	0,439	0,341
Минимум	0,039	0,006	0,029	0,005	0,003	0,008	0,016	0,017	0,015	0,043	0,015	

Приведем сложившуюся по результатам типологии региональную структуру соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) (табл. 6).

Таблица 6

Региональная структура субъектов Российской Федерации по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) в 2023 г.
Regional structure of the constituent entities of the Russian Federation by level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including guarantee obligations) in 2023

Тип исполнения обязательств	Количество регионов, входящих в группу	Регион
Уровень надежности	Высокий	21 Республики: Алтай, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Крым, Хакасия Край: Хабаровский Области: Амурская, Калужская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Тамбовская, Ярославская Города федерального значения: Москва, Санкт-Петербург Автономная область: Еврейская
	Средний	20 Республики: Адыгея, Татарстан, Чувашская Края: Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Пермский Области: Белгородская, Брянская, Ивановская, Кемеровская, Новгородская, Новосибирская, Ростовская, Смоленская, Томская, Тульская, Тюменская, Челябинская Автономный округ: Чукотский
	Низкий	22 Республики: Дагестан, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия) Края: Красноярский, Ставропольский Области: Архангельская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Иркутская, Кировская, Курская, Липецкая, Магаданская, Московская, Нижегородская, Орловская, Псковская, Рязанская

Тип исполнения обязательств		Количество регионов, входящих в группу	Регион
Уровень риска	Низкий	11	Республики: Башкортостан, Бурятия, Кабардино-Балкарская, Коми, Северная Осетия-Алания, Тыва, Чеченская Край: Забайкальский Области: Омская, Пензенская, Ульяновская
	Средний	6	Республика: Удмуртская Край: Приморский Области: Астраханская, Мурманская, Оренбургская, Тверская
	Высокий	2	Область: Калининградская Город федерального значения: Севастополь

Наиболее многочисленную группу составляют регионы с соблюдением срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) — 63 региона, или 76,8 % субъектов Российской Федерации, в том числе с высоким уровнем — 21 регион (25,6 %), средним — 20 регионов (24,4 %), низким — 22 региона (26,8 %) (рис. 2).

Высокий уровень риска несоблюдения обязательств отмечен в двух регионах (Кали-

нинградская область, город федерального значения Севастополь).

В целом за счет изменения интегрального показателя у субъектов Российской Федерации в сторону исполнения обязательств в срок (в том числе гарантийных) (2013 г. — 43,8 %, 2023 г. — 76,8 %) установлен и рост показателя по Российской Федерации от низкого уровня риска к среднему уровню соблюдения обязательств в срок (с 0,001 в 2013 г. до -0,635 в 2023 г.).

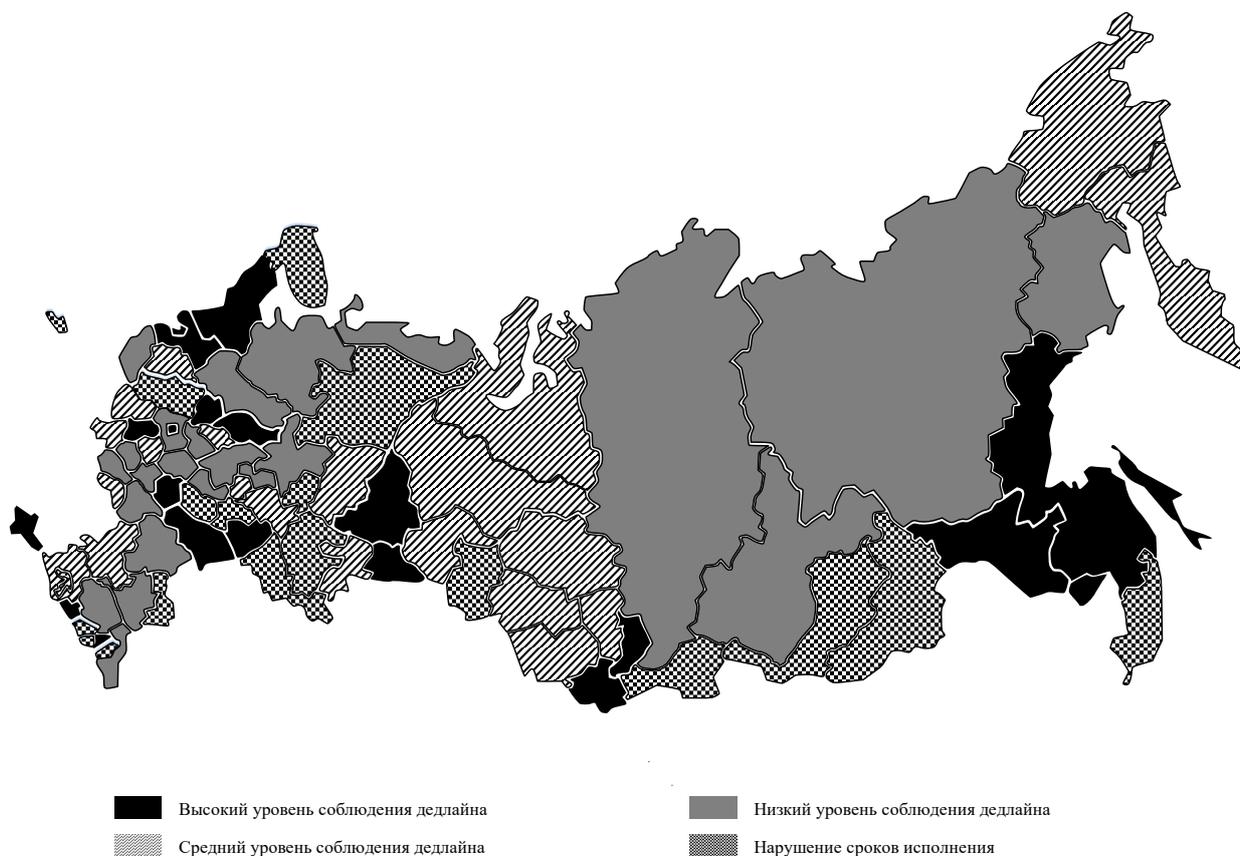

Рис. 2. Картограмма распределения регионов Российской Федерации на группы по компонентам, характеризующим уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) в 2023 г.
Cartogram of distribution of Russian regions into groups by components characterizing the level of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations) in 2023

Построим матрицу портфельного анализа для оценки состояния территорий [10—13]. Двухмерное представление информации (по оси x — достижение уровня; по оси y — темп роста достижения уровня) позволит

получить четыре типа территорий по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) (рис. 3).

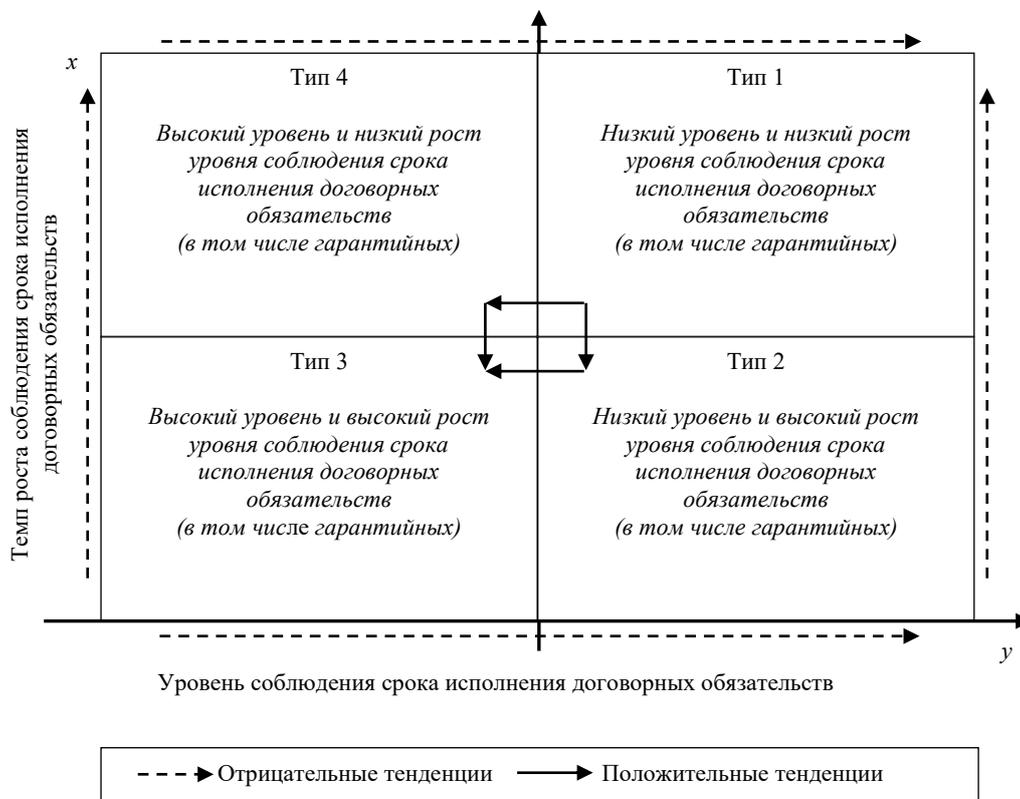

Рис. 3. Матрица «Уровень — Средний темп роста соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных)» (составлено автором)
 Matrix “Level — Average growth rate of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including guarantees)” (compiled by the author)

Критическими отметками перехода для строительного отраслевого рынка России по горизонтали будем считать среднее значение интегрального показателя уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных), равное 0; по вертикали — средний темп роста уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных), равный $-0,203$.

В результате получим четыре типа регионов за 2023 г. (рис. 4).

Тип 1 включает 12 регионов (коды: 02, 15, 17—18, 20, 39, 51, 55, 58, 73, 75, 92), регионы-аутсайдеры, в которых наблюдается неблагоприятная ситуация, влияющая в целом на развитие социально-экономических систем региона, значения показателей которых выражают одновременно низкий уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) и невысокие темпы его роста.

Тип 2 состоит из 7 регионов (03, 07, 11, 25, 30, 56, 69). Регионы, которые находятся в ареале аутсайдеров, характеризуются высокими темпами роста уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) и невысокими значениями объемных характеристик.

Тип 3 объединил 33 региона (01, 04—06, 08, 14, 16, 22—24, 26—28, 33, 36—38, 41, 45, 48, 49, 54, 60, 62, 67, 68, 70—72, 74, 76, 79, 87), которые относятся к лидирующим по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств. Эти регионы составляют большую часть субъектов Российской Федерации, что можно охарактеризовать как среднестрановую ситуацию, которой соответствует одновременно высокий уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) и высокие показатели динамики.

Тип 4 включает 30 регионов (09, 10, 12, 13, 19, 21, 29, 31, 32, 34, 35, 40, 42—44, 46, 47,

50, 52, 53, 57, 59, 61, 63—66, 77, 78, 82). Эти регионы по показателям приближены к ведущим регионам, для которых свойственны

высокий уровень соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) и низкие темпы его роста.

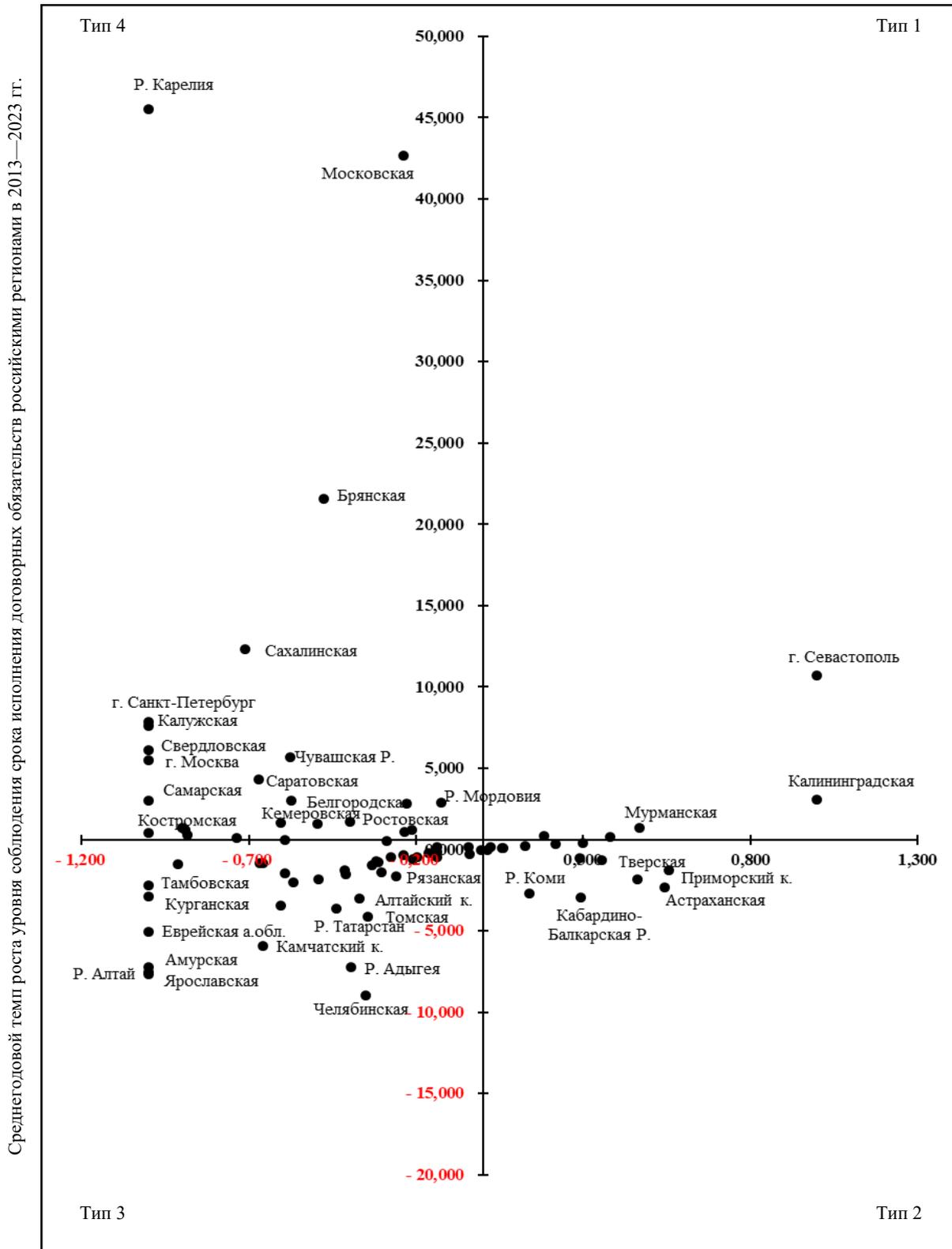

Рис. 4. Распределение российских регионов в матрице «Уровень — Средний темп роста соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных)» (2023 г.) (составлено автором)
 Distribution of Russian regions in the matrix “Level — Average growth rate of compliance with the term of fulfillment of contractual obligations (including warranty obligations)” (2023) (compiled by the author)

На основе проведенного портфельного анализа можно предложить следующие мероприятия, направленные на повышение уровня соблюдения срока исполнения договорных обязательств.

Так, регионам, относящимся к первому типу, необходимо сфокусироваться на повышении уровня эффективности регионального государственного управления и институтов, усилении работы правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, ограничении влияния заинтересованных лиц на конкуренцию при реализации государственных и муниципальных контрактов.

Регионам второго типа важно продолжить работу по повышению эффективности регионального государственного управления, а также по проведению непрерывного мониторинга исполнения государственных контрактов для своевременного предотвращения коррупционных действий.

Лидирующим регионам третьего типа необходимо сохранять ведущие позиции и дальнейший рост соблюдения срока при исполнении договорных обязательств.

Регионам четвертого типа следует сосредоточиться на достижении долгосрочного уровня показателей соблюдения срока исполнения договорных обязательств, повышении доступности банковских гарантий (договорных гарантий) для бизнеса, применении бенчмаркинга в региональной практике для тиражирования успешного опыта территорий-лидеров.

Заключение

Результаты, представленные в статье, имеют практическую значимость, поскольку могут быть использованы при формировании информационной базы для принятия управленческих решений по повышению эффективности реализации государственных заказов.

Проведение сравнительной оценки регионов по уровню соблюдения срока исполнения договорных обязательств (в том числе гарантийных) и применение типологической группировки и матрицы портфельного анализа позволили выделить группы регионов со сходным сочетанием значений признаков, а также определить уровень развития каждого из них в хозяйственной системе страны.

Список источников

11. Аристархова М. К., Зуева О. К., Перевезенцева А. Ю. Методика оценки эффективности исполнения государственного заказа // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 1 (69). С. 47—62. <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2017-13-1-4>
2. Белокрылова О. С., Стрельцова Е. Д. Экономико-математическая модель в экспертной системе оценки качества государственных закупок на основе нечеткой логики // Государственное и муниципальное управление : учен. зап. 2020. № 1. С. 55—63. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-55-63>
3. Бонюшко Н. А., Спирин А. А. Оценка эффективности государственных закупок в России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 1, № 10 (139). С. 135—143. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2023.10.01.014>
4. Гуцин А. Ю. Определение эффективности и способы ее оценки в системе государственного заказа // Фундаментальные исследования. 2012. № 9—1. С. 204—208.
5. Матвеева Н. С. Оценка эффективности и результативности государственных (муниципальных) закупок // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 3 (771). С. 505—521. <https://doi.org/10.24891/fc.24.3.505>
6. Мельников В. В. Эффективность госзакупок и роль конкуренции // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 3. С. 119—131. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.119-131>.
7. Шешукова Т. Г., Мальцева А. А. Методика оценки эффективности государственных закупок в национальных исследовательских университетах // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 13 (247). С. 2—9.
8. Березова Т. Г. Методика оценки вероятности надлежащего исполнения обязательств подрядчиками в дорожном строительстве // Вестник НГУЭУ. 2025. № 1. С. 82—99.
9. Савицкая Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты : моногр. М. : ИНФРА-М, 2022. 291 с.
10. Статистические методы поддержки управленческих решений / В. В. Глинский, Л. К. Серга, О. Ю. Рыжков, М. А. Алексеев, К. А. Зайков. Новосибирск : НГУЭУ, 2021. 448 с.
11. Глинский В. В., Гришакова А. А., Серга Л. К. Технологии классификации данных в оценке уровня устойчивого развития территорий // Вопросы статистики. 2023. № 5. С. 11—27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-5-11-27>
12. Портфельный анализ в типологии данных: методология и применения в поддержке управленческих решений / В. В. Глинский, Ю. В. Гусев, С. Г. Золотаренко, Л. К. Серга // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 25—53.
13. Прикладное использование методов портфельного анализа / Л. К. Серга, М. И. Никифорова, Е. С. Румынская, М. С. Хван // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 146—158.

References

1. Aristarkhova M.K., Zueva O.K., Perevezentseva A.Yu. Metodika otsenki effektivnosti ispolneniya gosudarstvennogo zakaza [The Methodology for Assessing Efficiency of Public Procurement Execution], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University of Economics], 2017, no. 1 (69), pp. 47–62. <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2017-13-1-4>
2. Belokrylova O.S., Strel'tsova E.D. Ekonomiko-matematicheskaya model' v ekspertnoy sisteme otsenki kachestva gosudarstvennykh zakupok na osnove nechetkoy logiki [Economic-Mathematical Model in the Expert System of Quality Assessment of Public Procurement Based on Fuzzy Logic], *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [Public Administration Issue] : uchen. zap., 2020, no. 1, pp. 55–63. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-55-63>
3. Bonyushko N.A., Spirin A.A. Otsenka effektivnosti gosudarstvennykh zakupok v Rossii [Assessing the Effectiveness of Public Procurement in Russia], *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions], 2023, vol. 1, no. 10 (139), pp. 135–143. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.10.01.014>
4. Gushchin A.Yu. Opredelenie effektivnosti i sposoby ee otsenki v sisteme gosudarstvennogo zakaza [Definition of Efficiency and Ways of its Evaluation in the System of Public Procurement], *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2012, no. 9–1, pp. 204–208.
5. Matveeva N.S. Otsenka effektivnosti i rezul'tativnosti gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) zakupok [Evaluating the Efficiency and Effectiveness of State (Municipal) Procurement], *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2018, vol. 24, no. 3 (771), pp. 505–521. <https://doi.org/10.24891/fc.24.3.505>
6. Mel'nikov V.V. Effektivnost' goszakupok i rol' konkurentsii [Efficient Public Procurement and the Role of Competition], *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 2022, vol. 14, no. 3, pp. 119–131. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.119-131>
7. Sheshukova T.G., Mal'tseva A.A. Metodika otsenki effektivnosti gosudarstvennykh zakupok v natsional'nykh issledovatel'skikh universitetakh [Methodology for Assessing the Efficiency of Public Procurement in National Research Universities], *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Science and Experience], 2015, no. 13 (247), pp. 2–9.
8. Berezova T.G. Metodika otsenki veroyatnosti nadlezhashchego ispolneniya obyazatel'stv podryadchikami v dorozhnom stroitel'stve [Methodology for Assessing the Probability of Proper Fulfillment of Obligations by Contractors in Road Construction], *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2025, no. 1, pp. 82–99.
9. Savitskaya G.V. *Analiz effektivnosti i riskov predprinimatel'skoy deyatel'no-sti: metodologicheskie aspekty* [Analysis of Efficiency and Risks of Entrepreneurial Activity: Methodological Aspects] : monogr. Moscow : INFRA-M, 2022, 291 p.
10. Glinskiy V.V., Serga L.K., Ryzhkov O.Yu., Alekseev M.A., Zaykov K.A. *Statisticheskie metody podderzhki upravlencheskikh resheniy* [Statistical Methods of Management Decision Support]. Novosibirsk : NGUEU, 2021, 448 p.
11. Glinskiy V.V., Grishakova A.A., Serga L.K. Tekhnologii klassifikatsii dannykh v otsenke urovnya ustoychivogo razvitiya territoriy [Data Classification Technologies in Assessing the Level of Sustainable Development of Territories], *Voprosy statistiki*, 2023, no. 5, pp. 11–27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-5-11-27>
12. Glinskiy V.V., Gusev Yu.V., Zolotareno S.G., Serga L.K. Portfel'nyy analiz v tipologii dannykh: metodologiya i primeneniya v podderzhke upravlencheskikh resheniy [The Portfolio Analysis in the Data Typology: Methodology and Applications in the Managerial Decisions Support], *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2012, no. 1, pp. 25–53.
13. Serga L.K., Nikiforova M.I., Rumynskaya E.S., Khvan M.S. Prikladnoe ispol'zovanie metodov portfel'nogo analiza [Applied Use of Portfolio Analysis Methods], *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2012, no. 3, pp. 146–158.

Информация об авторе

Березова Татьяна Георгиевна — аспирант кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: berezova_t@mail.ru

Information about the author

Tatyana G. Berezova — Postgraduate Student of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: berezova_t@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2025. № 2. С. 50—59.
Territory Development. 2025;(2):50—59.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья

УДК 316.614-32:378

DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-50-59

EDN ILHGMP

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Илья Анатольевич Чернышев

Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация, ia_cher@bk.ru

Аннотация. Опираясь на концептуальные разработки ведущих отечественных ученых, в том числе на результаты исследований российских вузов автор анализирует переход политической социализации молодежи в высшей школе от традиционного институционального подхода к сетевому. Этот переход обусловлен процессами глобализации и развития информационных технологий. Делается вывод о необходимости расширения пула основных акторов, участвующих в процессе политической социализации, а также о важности выстраивания новых каналов коммуникации и совершенствовании языка общения со студенческой молодежью для эффективного доведения до нее наиболее значимой общественно-политической информации.

Ключевые слова: политическая социализация, воспитание, сетевое общество, высшая школа

Для цитирования: Чернышев И. А. Особенности политической социализации в высшей школе в контексте развития сетевого общества // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 50—59. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-50-59. EDN ILHGMP.

State and civil society, ideology and politics

Original article

FEATURES OF POLITICAL SOCIALIZATION IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A NETWORK SOCIETY

Ilya A. Chernyshev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ia_cher@bk.ru

Abstract. Based on the conceptual developments of leading domestic scientists, including the results of research by Russian universities, the author analyzes the transition of political socialization of young people in higher education from a traditional institutional approach to a network approach. This transition is due to the processes of globalization and the development of information technologies. The conclusion is drawn about the need to expand the pool of key actors involved in the process of political socialization, as well as about the importance of building new communication channels and improving the language of communication with students in order to effectively convey the most significant socio-political information to them.

Keywords: political socialization, upbringing, network society, higher education

For citation: Chernyshev I.A. Features of Political Socialization in Higher Education in the Context of the Development of a Network Society. *Territory Development*. 2025;(2):50—59. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-50-59>. <https://elibrary.ru/ilhgmp>.

© Чернышев И. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Вопросы политической социализации студенческой молодежи и воспитания ее в духе традиционных ценностей являются актуальными многие десятилетия. Студенты как значимый фактор общественно-политических преобразований проявили себя во второй половине XIX — начале XX в. в России, затем в конце 60-х гг. XX в. во Франции, а XXI в. в результате стремительного развития процессов глобализации они показали себя внушительной силой во многих регионах мира, в том числе на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. И не всегда участие молодежи в политике носило позитивный характер: представители подрастающего поколения выступали агентами общественно-политических изменений под воздействием иных внутренних и внешних политических сил. Так, попытки использовать студенческий фактор активно предпринимались представителями несистемной оппозиции в России и Белоруссии в середине 2010-х и начале 2020-х гг.

Таким образом, процессы, развивающиеся в студенческой среде, часто играют заметную роль в сохранении общественно-политической стабильности, укреплении или, напротив, ослаблении национального суверенитета. В этой связи наиболее заинтересованным субъектом эффективной политической социализации студентов должно выступать государство. Как ни странно, до последнего времени широко был распространен тезис о недопустимости государственного вмешательства в процессы политической социализации. В российской науке сложился стереотип, что в демократическом обществе государство не должно оказывать значимого влияния на процессы политической социализации граждан, что это традиция исключительно тоталитарных государств. Вместе с тем практика политического образования в зарубежных странах показывает обратное [1, с. 216].

Обзор литературы

Проблематика, связанная с различными теоретическими и практическими аспектами политической социализации студенческой молодежи, выстраиванием эффективных механизмов социализации в высшей школе, уже не раз становилась объектом изучения в политической науке.

Так, А. И. Щербинин и Н. Г. Щербинина развивали коммуникативно-сетевой подход к политической социализации в студенче-

ском городе, рассматривая ее в контексте политического образования и политической культуры [2—5]. Исследователи Я. Ю. Шашкова, Т. А. Асеева и О. С. Киреева в своих работах сделали акцент на изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи, изменение пула агентов политической социализации и их значимость для молодежи [1 ; 6 ; 7]. В работах Р. Ю. Зуляр, А. И. Ковалевой, Л. Г. Пак описывалась классическая организация деятельности по политической социализации и воспитанию в вузе и рассматривались факторы цифровизации общества, влияющие на процесс политической социализации [8—11]. В зоне научного интереса таких авторов, как С. В. Володенков, А. А. Малькевич, Б. Г. Златанов, были новые медиа- и социальные сети, а также их растущее влияние на политическую социализацию студенчества [12—14]. Исследователи В. В. Бондаренко, М. А. Танина, В. А. Юдина, О. А. Зябликова большое внимание уделяли эффективной коммуникации с подрастающим поколением как важной составляющей процесса политической социализации, а также измерению доверия обучающихся вузов социализирующим агентам и институтам [15]. В исследованиях И. М. Ильинского, С. О. Елишева и других авторов рассматривались риски, связанные с неконтролируемым процессом политической социализации студенческой молодежи [16 ; 17].

Представляется, что актуальность исследований различных аспектов политической социализации в высшей школе, ввиду перманентных изменений в общественно-политической, культурной, международной, информационной, технологической, демографической и других сферах, будет только расти.

Результаты исследования

По данным Российского союза ректоров, в 2023 г. численность студенческой молодежи в стране составила более 4,3 млн человек [18]. Представляется, что численность студентов в стране будет и дальше увеличиваться, за четыре года доля респондентов из числа молодежи 18—24 лет, согласных с утверждением о высокой роли образования как социального лифта, выросла на 7 п. п. и составила 84 % [19]. Наибольшая доля студенческой молодежи, по данным НИУ «Высшая школа экономики», наблюдается в структуре населения Москвы и Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Воронежской, Курской, Ленинградской, Московской, Новосибир-

ской, Орловской, Омской, Томской и Тюменской областей [20]. Более половины студенческой молодежи в России — приезжие: переезжают в другой регион с целью обучения в вузе 23 %, продолжают обучение в вузе в другом муниципалитете того же региона еще 29 % [21]. Современное студенчество неоднородно, молодые люди проходят обучение по разным формам (очной, вечерней и заочной), представлены несколькими поколениями («беби-бумеры», X, Y, Z) и имеют различные ценностные установки [13, с. 29].

В период поступления и обучения в вузе происходит слом привычных схем социализации, включение в новые сообщества и коммуникации, освоение новых ценностей, нравственных ориентиров и видов активности. Так, А. И. Ковалева считает, что «обретение индивидом статуса студента сказывается на изменении прежней иерархии его институтов и агентов социализации, снижении роли родительской семьи и прежних групп сверстников в его личностном развитии, расширении многообразия индивидуальных социализационных практик, обновлении адаптационных и интериоризационных процессов» [10, с. 38].

Характеризуя современное студенчество, Л. Г. Пак отмечает, что «студенты цифрового общества, с одной стороны, демонстрируют окружающему миру такие положительные качества, как информированность, всесторонняя креативность, рискогенность, инновационность, многозадачность... коммуникабельность... умение обращаться с техникой и т. д. С другой, под влиянием глобального информационного поля, виртуальной реальности, рекламы... процесс социализации современных обучающихся вуза далеко не всегда характеризуется положительными влияниями» [11, с. 68]. Данное обстоятельство подробно проанализировано и А. И. Щербининым, который еще в начале 2000-х гг. с сожалением отметил, что в вузы «приходят выпускники средних учебных заведений, не обладающие даже самыми минимальными представлениями о гражданственности и правах человека... дефицит гражданских (политических) знаний и навыков из современной общеобразовательной школы переносится в университеты» [4, с. 11]. Он же позднее обратил внимание на транзитность, неукорененность приехавших в университетский город студентов, их исключение из локальной и региональной политической практики, отстраненность от политических проблем города, региона, страны,

а также угрозы, связанные с различными „оттенками” неуправляемой политической социализации — от радикализма и экстремизма до современного феномена „негражданской культуры”» [1, с. 450].

Последние несколько десятилетий в стране уделялось недостаточное внимание вопросам политической социализации и воспитания молодых людей, в том числе в высшей школе. В результате, как отмечают многие исследователи, «...процесс перестал быть целенаправленным и планомерным, управляемым и координируемым... воспитание обрело характер неконтролируемого сегмента социализации с проблемным вектором ее траектории. Социализационный процесс осуществлялся без определенной ценностно-нормативной программы, без четких морально-нравственных установок и оказывался более приближенным к новым реалиям социальной жизни, которые удалены от актуальных стандартов и декларируемых прежде моральных кодексов» [10, с. 38]. Процесс социализации уже не выглядит как культурное наследование, и даже сама необходимость преемственности ставится под вопрос [9, с. 91].

Определенный идеологический вакуум актуализировал риски негативного влияния на российское общество, в первую очередь на молодежь, с целью размывания ценностных ориентиров и норм. Профессор МГУ С. О. Елишев выделил семь субъектов — акторов процесса манипулятивного воздействия на современную российскую молодежь. В их числе: отдельные личности; различные олигархические группы, «мировая закулиса», тайные структуры и общества; политические партии и движения, иные некоммерческие общественные объединения или организации; экстремистские и террористические организации; религиозные секты и деструктивные культы; средства массовой информации и коммуникаций; иностранные государства в лице своих спецслужб и связанных с ними структур — международных организаций, НКО, СМИ и т. д. [16, с. 4]

Указанные риски зафиксированы в ряде доктринальных документов в сфере национальной и информационной безопасности, образовательной и молодежной политики, межнациональных отношений и др. Как отмечал один из основоположников российских исследований молодежи И. М. Ильинский, «„социальный код” нации... передается (или разрушается) не враз, а в ходе длительной эволюции, от поколения к поколению

через посредство воспитания и обучение в самом широком смысле этих понятий... передается (или разрушается) не только стихийно, но также осознанно, целенаправленно, последовательными усилиями» [17, с. 6].

Рискогенным ситуациям, а также негативным, разрушающим целостность сознания медиавоздействиям, трансформирующим общепризнанные культурные смыслы и коды в размытые образы, замещающие собой критическое мышление обучающихся, должны противопоставляться принципиальные изменения ценностно-смысловых основ содержания технологий качества социализации студентов [11, с. 69].

Система высшего образования по праву является одним из основных современных институтов политической социализации и завершает первичный ее этап. Именно в период обучения в вузе закладывается более или менее стройное понимание устройства мира, выстраивается система ценностей и моделей поведения, соотнесение себя с теми или иными профессиональными и общественно-политическими сообществами. «Особенно глубокие изменения в представлении политической картины мира происходят у личности в период получения ею высшего образования и ближайшие несколько лет после этого, когда восприятие социальной жизни по инерции осуществляется на основе сформированных в вузе стереотипов» [8, с. 15].

Многие ученые с сожалением констатируют, что практика управления высшей школой последних лет закрепила стереотип о том, что главное предназначение университета — это только подготовка профессиональных кадров. Функция воспитания и социализации личности студента подразумевалась, однако в законодательные акты, образовательные стандарты и другие регулирующие жизнедеятельность вуза документы, как правило, включена не была. «Учебно-воспитательный процесс российского вуза в основном сориентирован на формирование профессиональных качеств будущих специалистов и не способствует в полной мере воспитанию у них гражданского долга, гражданской позиции, патриотизма в целом. Передача культуры, функции формирования мировоззрения и продуцирования культурных ценностей... является одной из главных задач университета, которая на сегодняшний день практически утрачена» [8, с. 25].

Изменения последних лет во внутренней политике страны, обусловленные в том числе и обстановкой за ее границами, повлекли из-

менения в законодательстве об образовании. В систему образования, в том числе и высшего, вернулся воспитательный компонент. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ по вопросам воспитания обучающихся» было уточнено понятие воспитания, закреплена его тесная связь с системой традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Кроме того, отныне в образовательные программы общего и профессионального образования включены рабочие программы воспитания и календарные планы воспитательной работы. В законе также установлены общие требования к организации воспитания обучающихся, определены основные субъекты, государственные и общественные, отвечающие за это важное направление деятельности.

Несмотря на большое количество научных статей, посвященных проблематике политической социализации и различным аспектам гражданского и патриотического воспитания в вузе, сейчас трудно найти издание, более или менее полно описывающее этот вопрос. Наиболее системно, с поправкой на слабую изученность на тот момент фактора сетевого общества, классическая организация (структура) процесса политической социализации в вузе описана Р. Ю. Зуляр. Автор указывает на то, что в образовательной реальности действуют четыре субъекта со своими статусами, интересами и идеалами, чьи сферы деятельности, потребности и идеалы никогда полностью не совпадают: государственная бюрократия, вузовская администрация, преподаватели, а также студенты [8 ; 9]. В работе [9] описан процесс политической социализации студентов в ходе учебного процесса и во внеучебное время с позиции заместителя декана факультета по воспитательной работе. Автор подробно анализирует социализирующую работу кафедр, кураторов учебных групп, отдельных преподавателей, отмечает отличия в требованиях к воспитательной деятельности в отношении студентов различных курсов, с учетом возрастных особенностей, а также опыта, полученного в ходе обучения и отдельной от родителей жизни.

Соглашаясь в целом с позицией автора, отметим, что система воспитания в высшей школе описана как система закрытого типа, «вещь в себе». Кроме нарастающего влияния СМИ и социальных сетей не в полной мере отражен потенциал органов самоуправления, других студенческих объединений, научных

обществ, клубов по интересам, внутренней жизни студенческих общежитий, общероссийских молодежных объединений и движений, а также региональных и местных органов власти, иных общественно-политических субъектов. Возможно, такой подход обусловлен спецификой организации воспитательной работы в тех вузах, которые были знакомы автору.

Как было отмечено, одним из основных направлений политической социализации в вузе является сам учебный процесс, ряд исследователей применяет термин «воспитывающее обучение». Так, А. И. Ковалева считает, что «реализация воспитывающего обучения в академической среде студентов, уже практически сформировавшихся как личность, требует особых усилий... предполагает достижение органической взаимосвязи профессиональной подготовки, приобретения обучающимися знаний, умений, навыков с их воспитанием, формированием ценностного отношения к окружающей действительности» [10, с. 41].

В процессе «воспитывающего обучения» особое место занимают учебные дисциплины общественно-политической направленности. Один из основоположников исследования проблематики политического образования в России А. И. Щербинин писал, что «изучение политических наук ставит своей главной целью не профессиональную подготовку... а политическую грамотность, то есть умение самостоятельно ориентироваться в мире политики и успешно действовать в нем...» [4, с. 12]. Он же видел в политической социализации «важную часть политического образования, которая поддерживает традицию (и политическую культуру) в новых поколениях» [4, с. 31]. Следует отметить, что в настоящее время определенные положительные шаги в этом направлении предпринимаются: в вузы вернулся углубленный курс российской истории, внедряются принципиально новые учебные дисциплины и модули, такие как «Основы российской государственности», «Обучение служением» и др.

Однако никакой, даже самый гениальный учебный курс не будет успешен в социализирующем аспекте без заинтересованного и ответственного участия преподавателя (здесь мы возвращаемся к дискуссии о целесообразности замены очного общения с педагогом онлайн-форматом обучения). Преподаватель вуза должен быть не только источником профессиональной информации, но и посредником между студентом и куль-

турой, в том числе политической. Как отмечает профессор А. И. Ковалева, «огромная роль в воспитании студентов принадлежит профессиональной культуре вуза как совокупности результатов деятельности всего вузовского персонала по реализации миссии образовательной организации, а также совокупности норм и ценностей, составляющих основу ее деятельности» [10, с. 42]. Часто преподаватель выполняет роль ретранслятора социально-политических представлений, формируемых СМИ и социальными сетями, не принимая на себя роль наставника, воспитателя, носителя норм и ценностей. Вместе с тем, как отмечают исследователи Алтайского государственного университета, «прослеживаются четкие маркеры референтных лиц [для студенческой молодежи] в осмыслении политического процесса: компетентность, обладание научными знаниями, неангажированность. В таком случае учитель как агент политической социализации мог бы стать таким признаваемым носителем информации» [6, с. 62].

Важной составляющей процесса политической социализации в высшей школе является и внеучебная работа со студентами. В ситуации нарастания цифровизации, когда любая информация по любому учебному предмету является доступной в любое время суток, преподаватель вынужден конкурировать со всем массивом информации сети Интернет (Википедия, блогеры, видеокурсы по различным темам, чаты профессиональных сообществ и др.). В этой ситуации внеучебная составляющая может выйти на первый план, так как личный опыт обсуждения и прямая коммуникация с экспертом являются уникальными и не могут быть заменены ничем. Те, «кто имеет опыт обсуждения политической проблематики с педагогами, отмечают, что „с преподавателями обсуждать намного интереснее, потому что они раскрывают какие-то позиции, которые не видны глазу обычного человека“» [6, с. 62].

В последнее время активизированы исследования роли иных, внешних по отношению к вузу, субъектов политической социализации. Изучается потенциал влияния на политический процесс органов власти различного уровня, общественных и политических объединений, политических партий, студенческих и молодежных НКО, традиционных СМИ и новых медиа.

Исследования социологов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и политологов Алтайского госу-

дарственного университета [7, с. 362; 15, с. 197], проведенные независимо друг от друга, включают в число субъектов, пользующихся наибольшим доверием со стороны студенческой молодежи, Президента Российской Федерации, судебные органы, федеральные правоохранительные и силовые структуры, региональные органы по делам молодежи (им доверяют от 64 до 89 % респондентов). Однако уровень доверия местным органам власти, преподавателям, молодежным объединениям и представителям конфессий оказался в несколько раз ниже. Так, о доверии различным молодежным НКО заявило от 7,6 до 13,4 % опрошиваемых, причем наиболее востребованными оказались региональные, а не общероссийские общественные объединения. К причинам, оказывающим влияние на степень доверия, был отнесен уровень информированности о деятельности соответствующих институтов и класс профессионализма, а также скорость обратной связи на запросы и обращения.

Эффективность и скорость обмена информацией, возможность быть участником, а не потребителем в процессе коммуникации являются значимыми для молодежи факторами политической социализации. Исследователи в последние годы четко фиксируют приоритетную ценность для современных молодых людей информации как таковой («цель коммуникации — не консенсус мнений, а сам факт коммуникации, который приносит удовольствие») и умения работать с ней, применять современные медиасредства и информационно-коммуникационные технологии [5, с. 452; 11, с. 71]. Также ученые отмечают выраженный запрос на создание системы двусторонней коммуникации, в том числе через прямое общение посредством социальных сетей, через формат «диалог на равных», создание инструментов обратной связи, таких как чат-боты и др. [13, с. 29]

При этом потребление информации и взаимодействие в социальных сетях оказывают политически социализирующее воздействие [14, с. 91]. Формирование политического мировоззрения студентов происходит в новых ценностных и технологических условиях. В научном дискурсе появляется понятие цифровой социализации, успешность которой во многом определяется уровнем цифровой инклюзии [6, с. 58]. Делается справедливый вывод о том, что «сегодня коммуникации преобладают над институтами в современном процессе политической социализации... сама сеть становится главным социа-

лизатором... заполняя „пустые ячейки” политического знания, навязывая ценности, позицию, призывая к действию» [2, с. 451].

А. И. Щербинин писал о том, что «центр политики смещается от традиционно институционального... к сетевому и к тому, что сегодня называется „неполитической политикой”» [3, с. 211]. В понятие «неполитическая политика» ученый включил такие виды политического участия, как волонтерское движение, подписание электронных обращений, участие в НКО, распространение в социальных сетях информации о политике. Отсюда логично вытекает вывод о доминирующем превосходстве современных медиатехнологий над средствами нецифровой коммуникации по объему воспроизводства и трансляции студентам норм, установок и смыслов, по степени влияния на формирование жизненных приоритетов, моральных ценностей и моделей поведения, по разнообразию каналов и агентов социализации.

Несмотря на фиксацию того факта, что новые сетевые агенты политической социализации играют все более доминирующую роль в молодежной среде как источники получения общественно-политической информации, исследователи ставят вопрос об уровне доверия как к самой интернет-коммуникации (с учетом интуитивно ощущаемого рукотворного, сконструированного характера медиареальности) [5, с. 452], так и к лицам, ее презентующим. С одной стороны, в ситуации несформированной картины мира и дефицита критического мышления студенческая молодежь демонстрирует «всеядность» при информационном потреблении, приоритет отдается источникам, не требующим от молодого человека усилий для получения информации. С другой стороны, имеет место интуитивное недоверие незнакомым, часто анонимным интернет-источникам, стремление получить однозначную и правдивую интерпретацию общественно-политической информации у лиц, обладающих компетенцией и доверием.

Российские исследователи в области медиapotребления вузовской молодежи подтверждают указанные тезисы. Так, основными источниками информации о политических событиях для студенческой молодежи являются современные медиа (социальные сети, телеграм-каналы, мессенджеры). Из традиционных источников молодежь выделяет только друзей, знакомых и родственников. Роль традиционных СМИ, политиков и общественных деятелей, считающихся в моло-

дежной среде ангажированными и продажными, минимальна. При обсуждении общественных проблем молодые люди доверяют мнению родителей, родственников и друзей, а блогерам, традиционным СМИ и политикам молодежь доверяет в два раза меньше.

При этом значимое влияние на уровень потребления общественно-политического медиаконтента и его усвоение оказывает формат с особыми требованиями к изложению информации. Наиболее востребованными являются тексты, написанные «простым языком», сопровождаемые инструментами для упрощения восприятия (мемы, видеоролики, гипертекстовые ссылки и др.), а также подкрепленные многочисленными оценками пользователей (лайки, ретвиты, репосты, комментарии) [6 ; 12].

Важной особенностью коммуникации со студенческой молодежью является нативность информации, которая позволит молодому человеку самостоятельно сформировать ответ и сохранить уверенность в том, что ответ является личным решением, а не мнением человека со стороны [22]. Молодежь часто плохо воспринимает официальные источники информации, потому что они написаны «чужим», «сухим», «сложным» языком. Содержание этих сообщений апеллирует к общему, а не личному. Многие молодые люди считают, что тезисы, выдвигаемые представителями официальной информации про молодежь, к ней не относятся и вообще ее не касаются. Молодежь говорит по-другому. И все фразы официальных представителей берутся откуда-то из прошлого. В этой связи наиболее эффективной видится коммуникация в формате «равный-равному», при котором наиболее значимым агентом политической социализации становится сам студент, а наиболее важный общественно-политический медиаконтент распространяется по горизонтали [22].

Заключение

Анализ исследования позволил сделать следующие выводы.

Органы государственной власти сегодня лучше осознают важность процессов поли-

тической социализации на площадке высшей школы, а также риски стихийной социализации студенческой молодежи.

Высшая школа по-прежнему остается одним из основных и наиболее эффективных агентов политической социализации студенческой молодежи, работа в отношении которой должна учитывать многочисленные изменения, связанные со стремительным развитием сетевого общества и информационных технологий.

К особенностям, требующим корректировки подходов к политической социализации в высшей школе, относятся: большая значимость для молодежи информации и умения работать с ней, а также с социальными сетями, обеспечивающими возможность открытого двустороннего обмена информацией (цель коммуникации — не консенсус мнений, а общение как таковое); различный уровень доверия студенческой молодежи к тем или иным агентам политической социализации, обусловленный информированностью о их деятельности, оценкой уровня профессионализма, скоростью реакции на запросы и обращения. Немаловажным условием для молодежи является неангажированность другой стороны коммуникации; возможность включения в программы и проекты воспитательной направленности субъектов, внешних по отношению к высшей школе (органы власти, НКО, эксперты, лидеры общественного мнения и др.), мнение которых является наиболее значимым и понятным и которые готовы вести диалог в формате «равный-равному»; наличие определенных требований к информации общественно-политической направленности по форматам подачи (нативность), качеству (не только текст, но и аудио- и видеоэффекты) и языку, который должен быть простым, и апеллировать к личному, чувствам.

Новые подходы к работе по политической социализации студенчества в современных условиях еще только нарабатываются, но, как представляется, будут способствовать решению задачи по дальнейшему укреплению уровня национального суверенитета России.

Список источников

1. Асеева Т. А. Роль государства в политической социализации граждан современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). С. 215—220.
2. Щербинин А. И. Коммуникативно-сетевой подход к политической социализации в университетском городе // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы Всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2019. С. 450—451.

3. Щербинин А. И. Особенности политической социализации молодежи в университетском городе // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 205—214.
4. Щербинин А. И. Политическое образование. Томск, 2003. 426 с.
5. Щербинина Н. Г. Медиареальность как феномен политико-коммуникативной сферы // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы Всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2019. С. 451—452.
6. Асеева Т. А., Киреева О. С. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодежи регионов РФ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 57—64.
7. Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 357—372.
8. Зуляр Р. Ю. Высшая школа как инструмент политической социализации современного студенчества : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 113 с.
9. Зуляр Р. Ю. Проблемы политической социализации студентов в Байкальском регионе на рубеже XX—XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 91—98.
10. Ковалева А. И. Динамика воспитательной функции высшей школы в России // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 33—47.
11. Пак Л. Г. Социализация студентов вуза в эпоху цифрового общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 5 (228). С. 66—72.
12. Володенков С. В., Белоконов С. Ю., Сулова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 31—46.
13. Златанов Б. Г. Воспитание студентов в контексте ценностей и установок современной российской молодежи // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 1. С. 28—32.
14. Малькевич А. А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 6. С. 88—97.
15. Оценка уровня институционального доверия студенческой молодежи в современном российском обществе в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций / М. А. Танина, В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, О. А. Зябликова // Вестник университета. 2024. № 1. С. 192—203.
16. Елишев С. О. Субъекты процесса манипулятивного воздействия на современную российскую молодежь // Социология. 2017. № 4. С. 3—14.
17. Ильинский И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 5—17.
18. Российский союз ректоров. В российских вузах увеличилось число студентов. URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/6/4/v-rossijskih-vuzah-uvlechilos-chislo-studentov> (дата обращения: 29.11.2024).
19. ВЦИОМ. Высшее образование — сегодня в России. Через призму опросов общественного мнения 2020—2024 годов. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4783> (дата обращения: 08.11.2024).
20. Абитуриентов утягивает к знаниям. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4102670> (дата обращения: 29.11.2024).
21. ВЦИОМ. Креативные индустрии в жизни молодежи (результаты Всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник» 15 марта 2024 г.). URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/kreativnyue-industrii-v-zhizni-molodezhi> (дата обращения: 08.11.2024).
22. ВЦИОМ. «Трудные вопросы» студенческой молодежи 17—25 лет: ключевые проблемные зоны в течение марта 2022 года. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4749> (дата обращения: 08.11.2024).

References

1. Aseeva T.A. Rol' gosudarstva v politicheskoy sotsializatsii grazhdan sovremennoy Rossii [The Role of the State in Political Socialization of Citizens in Modern Russia], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2015, no. 2 (86), pp. 215—220.
2. Shcherbinin A.I. Kommunikativno-setevoy podkhod k politicheskoy sotsializatsii v universitetskom gorode [A Communicative-Network Approach to Political Socialisation in a University Town], *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory : materialy Vseros. nauch. konf. RAPN s mezhdunar. uchastiem* [Trajectories of Political Development of Russia: Institutions, Projects, Actors : Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Association of Political Science with International Participation]. Moscow : Mosk. ped. gos. un-t, 2019, pp. 450—451.
3. Shcherbinin A. I. Osobennosti politicheskoy sotsializatsii molodezhi v universitetskom gorode [Features of Political Socialization of Youth in a University City], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filo-sofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2019, no. 51, pp. 205—214.

4. Shcherbinin A.I. *Politicheskoe obrazovanie* [Political Education]. Tomsk, 2003, 426 p.
5. Shcherbinina N.G. Mediareal'nost' kak fenomen politiko-kommunikativnoy sfery [Media Reality as a Phenomenon of Political and Communication Sphere], *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory : materialy Vseros. nauch. konf. RAPN s mezhdunar. uchastiem* [Trajectories of Political Development of Russia: Institutions, Projects, Actors : Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Association of Political Science with International Participation]. Moscow : Mosk. ped. gos. un-t, 2019, pp. 451–452.
6. Aseeva T.A., Kireeva O.S. Novye VS traditsionnye agenty politicheskoy sotsializatsii v usloviyakh digital-kommunikatsii molodezhi regionov RF [New Vs Traditional Agents of Political Socialization of Youth of the Regions of the Russian Federation in Digital Communication Environment], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2022, no. 2 (71), pp. 57–64.
7. Shashkova Ya.Yu., Kazantsev D.A. Dinamika tsennostnykh prioritetov rossiyskoy molodezhi v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh [Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2024, vol. 26, no. 2, pp. 357–372.
8. Zulyar R.Yu. *Vyssshaya shkola kak instrument politicheskoy sotsializatsii sovre-mennogo studenchestva* [Higher School as an Instrument of Political Socialisation of Modern Students] : ucheb. posobie. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2014, 113 p.
9. Zulyar R.Yu. Problemy politicheskoy sotsializatsii studentov v Baykal'skom regione na rubezhe XX–XXI vv. [Problems of Political Socialization of Students in the Baikal Region at the Turn of 20th–21st Centuries], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science And Religion Studies»], 2009, no. 1 (3), pp. 91–98.
10. Kovaleva A.I. Dinamika vospitatel'noy funktsii vysshey shkoly v Rossii [The Dynamics of the Upbringing Function of Russian Higher Education], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2021, no. 4, pp. 33–47.
11. Pak L.G. Sotsializatsiya studentov vuza v epokhu tsifrovogo obshchestva [Socialization of University Students in the Era of Digital Society], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2020, no. 5 (228), pp. 66–72.
12. Volodenkov S.V., Belokonev S.Yu., Suslova A.A. Osobennosti struktury informatsionnogo potrebleniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi na materialakh issledovaniya sredi studentov-politologov Finansovogo universiteta [How Russian Youth Consume Information: Case Study of the Political Science Students of the Financial University], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2021, vol. 23, no. 1, pp. 31–46.
13. Zlatanov B.G. Vospitanie studentov v kontekste tsennostey i ustanovok sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Education of Students in the Context of Values and Attitudes of Modern Russian Youth], *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Papers of Moscow Humanitarian University], 2023, no. 1, pp. 28–32.
14. Mal'kevich A.A. Sotsial'nye seti kak faktor politicheskoy sotsializatsii molodezhi: ot ierarkhii k setevoy modeli [Social Media as a Factor in The Political Socialization of Young People: From Hierarchy to a Network Model], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2019, no. 6, pp. 88–97.
15. Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Zyablikova O.A. Otsenka urovnya institutsional'nogo doveriya studencheskoy molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve v usloviyakh global'nykh kul'turologicheskikh i tsifrovyykh transformatsiy [Assessment of the Level of Institutional Trust of Student Youth in Modern Russian Society in the Context of Global Cultural and Digital Transformations], *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2024, no. 1, pp. 192–203.
16. Elishev S.O. Sub"ekty protsessa manipulyativnogo vozdeystviya na sovremennuyu rossiyskuyu molodezh' [Subjects of the Process of Manipulative Influence on Modern Russian Youth], *Sotsiologiya* [Sociology], 2017, no. 4, pp. 3–14.
17. Il'inskiy I.M. Molodezh' kak budushchee Rossii v kategoriyakh voyny [Youth as the Future of Russia in the Categories of War], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2005, no. 3, pp. 5–17.
18. *Rossiyskiy soyuz rektorov. V rossiyskikh vuzakh uvelichilos' chislo studentov* [Russian Union of Rectors. The number of students in Russian universities has increased]. Available at: <https://rsr-online.ru/news/2024/6/4/v-rossijskih-vuzah-uvelichilos-chislo-studentov> (accessed: 29.11.2024).
19. *VTsIOM. Vysshee obrazovanie – segodnya v Rossii. Cherez prizmu oprosov obshchestvennogo mneniya 2020–2024 godov* [All-Russian Sociological Survey Centre. Higher education - today in Russia. Through the prism of public opinion polls 2020–2024]. Available at: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4783> (accessed: 08.11.2024).
20. *Abiturientov utyagivaet k znaniyam* [University applicants are drawn to knowledge]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4102670> (accessed: 29.11.2024).
21. *VTsIOM. Kreativnye industrii v zhizni molodezhi (rezul'taty Vserossiyskogo telefonnogo oprosa «VTsIOM-Sputnik» 15 March 2024 g.)* [All-Russian Sociological Survey Centre. Creative industries in the life of young people (results of the All-Russian tele-phone survey ‘VCIOM-Sputnik’ 15 March 2024)]. Available at: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/kreativnye-industrii-v-zhizni-molodezhi> (accessed: 08.11.2024).

22. VTsIOM. «Trudnye voprosy» *studencheskoy molodezhi 17–25 let: klyuchevye problemnye zony v techenie marta 2022 goda* [All-Russian Sociological Survey Centre. ‘Difficult issues’ of student youth 17–25 years old: key problem areas during March 2022]. Available at: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4749> (accessed: 08.11.2024).

Информация об авторе

Чернышев Илья Анатольевич — соискатель, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация. E-mail: ia_cher@bk.ru

Information about the author

Ilya A. Chernyshev — Applicant, Faculty of History and Political Sciences, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: ia_cher@bk.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.

Развитие территорий. 2025. № 2. С. 60—69.
Territory Development. 2025;(2):60—69.

Экономические исследования

Научная статья
УДК 519.17 338.2
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-60-69
EDN LNQGLT

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПАТТЕРНОВ В ИССЛЕДОВАНИИ СТРУКТУРЫ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНА

Алексей Николаевич Кисляков

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация, ankislyakov@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена актуальной задаче исследования деловой активности бизнеса на отдельно взятой территории. В ней рассматриваются изменения результативности ведения бизнеса в определенном регионе в зависимости от времени, местоположения и экономических условий ведения хозяйственной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Сформулирован методологический подход, который позволяет анализировать и выявлять закономерности в распределении результативности по сферам деятельности субъектов с учетом пространственных и временных аспектов. Для выявления общих закономерностей и факторов, влияющих на экономическое развитие, а также для разработки рекомендаций по оптимизации бизнес-процессов и улучшению условий предпринимательской деятельности на региональном уровне используются методы кластерного анализа. Показана эффективность решения поставленной задачи при анализе сложных высокоразмерных данных с применением нелинейных методов уменьшения размерности. Результаты исследований показали, что деловая активность в регионе зависит не только от экономических факторов, наблюдаемых в динамике, но и от пространственного размещения субъектов хозяйствования, кластеризация которых выполняется с использованием специализированных метрик, что позволяет адаптировать универсальный алгоритм уменьшения размерности пространства признаков UMAP под конкретные задачи и типы данных. Полученные выводы могут быть полезны для предпринимателей, органов власти и бизнес-сообществ, стремящихся оптимизировать меры по поддержке бизнеса и улучшить условия для его ведения.

Ключевые слова: стратегическое планирование, кластерный анализ, теория графов, экономическая география, временные ряды, анализ пространственных данных

Для цитирования: Кисляков А. Н. Кластерный анализ пространственно-временных паттернов в исследовании структуры деловой активности региона // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 60—69. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-60-69. EDN LNQGLT.

Economic research

Original article

CLUSTER ANALYSIS OF SPATIO-TEMPORAL PATTERNS IN THE STUDY OF THE STRUCTURE OF BUSINESS ACTIVITY IN THE REGION

Alexey N. Kislyakov

Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation, ankislyakov@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the urgent task of studying the business activity of business in a particular territory. It examines changes in the effectiveness of doing business in a certain region depending on the time,

© Кисляков А. Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

location, and economic conditions of conducting business activities of small and medium-sized enterprises. A formulated methodological approach allows analyzing and identifying patterns in the distribution of performance across areas of activity of entities, taking into account spatial and temporal aspects. Cluster analysis methods are used to identify general patterns and factors affecting economic development, as well as to develop recommendations for optimizing business processes and improving the conditions for entrepreneurial activity at the regional level. The effectiveness of solving the set task in the analysis of complex high-dimensional data using nonlinear methods of dimensionality reduction is shown. The results of the research showed that business activity in the region depends not only on economic factors observed in dynamics, but also on the spatial location of economic entities, the clustering of which is performed using specialized metrics, which allows adapting the universal UMAP feature space dimensionality reduction algorithm to specific tasks and data types. The findings may be useful for entrepreneurs, authorities, and business communities seeking to optimize business support measures and improve conditions for doing business.

Keywords: strategic planning, cluster analysis, graph theory, economic geography, time series, spatial data analysis

For citation: Kislyakov A.N. Cluster Analysis of Spatio-Temporal Patterns in the Study of the Structure of Business Activity in the Region. *Territory Development*. 2025;(2):60—69. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-60-69>. <https://elibrary.ru/lnqgl>.

Введение

Пространственно-временные шаблоны изменчивости (паттерны) представляют собой типовые закономерности, которые проявляются в данных, характеризующих социально-экономические объекты, имеющие как пространственные, так и временные признаки [1]. Эти паттерны носят интегральный характер и помогают анализировать определенные закономерности, например, как различные явления изменяются во времени и пространстве и как в целом они могут применяться в анализе сложных систем: от изучения изменений в экосистемах, в зависимости от времени года и географического положения до анализа городской инфраструктуры, например, автомобильного трафика в городе в зависимости от времени суток и дня недели.

С точки зрения анализа социально-экономических систем пространственно-временные данные требуются для исследования деловой активности бизнеса на отдельно взятой территории, например, для изучения того, как изменяется результативность ведения бизнеса в определенном регионе в зависимости от времени, местоположения и экономических условий ведения хозяйственной деятельности субъектов. Анализ пространственно-временных паттернов может быть полезен для задач геомаркетинга [1 ; 2] и принятия обоснованных решений в бизнесе и управлении, разработки эффективных стратегий для городского планирования и развития инфраструктуры, оценки воздействия различных видов бизнеса на социально-экономическую систему региона. Таким образом, изучение пространственно-временных паттернов позволяет глубже понять динамику различных процессов и явлений, что способствует более эффективному управлению ресурсами и региональному стратегическому планированию.

Среди типового перечня задач для проведения подобных исследований, включая сбор данных и их предварительную обработку, необходимо отметить, что выявление пространственно-временных паттернов должно базироваться на методах многомерного анализа данных и иметь высокую степень универсальности при работе с различным количеством признаков, чаще всего представленных первичными показателями, которые характеризуют результативность ведения бизнеса на уровне субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) и выражены в форме временных рядов с географической привязкой к их месторасположению. В этой связи для выявления групп предприятий с похожими характеристиками деловой активности наиболее удобным является применение методов кластерного анализа [3 ; 4].

Изучение подобных закономерностей бизнес-среды региона включает и анализ ведения хозяйственной деятельности крупных предприятий, особенно в сфере промышленного производства и добычи полезных ископаемых. Однако на размещение крупного бизнеса и его стратегическое развитие оказывают влияние факторы близости ресурсной базы, торговый профиль внешнеэкономической деятельности региона [5] и внешнеполитические факторы. Кроме того, крупный бизнес часто подвержен более строгому регулированию и контролю со стороны государственных органов и рассматривается уже на макрорегиональном уровне.

При этом малый и средний бизнес обладает более высокой степенью гибкости, адаптации и может быстро реагировать как на изменения в потребительских предпочтениях, так и рыночную среду. Поэтому изучение динамики изменчивости и локаций размещения субъектов малого и среднего бизнеса явля-

ется актуальной задачей для построения экономического профиля региона [6 ; 7].

Цель работы — сформулировать подходы к изучению пространственно-временных паттернов деловой активности в регионе для выявления общих закономерностей и факторов, влияющих на экономическое развитие, а также для разработки рекомендаций по оптимизации бизнес-процессов и улучшению условий для предпринимательства на региональном уровне.

Методы исследования

Применительно к указанным задачам метод кластерного анализа используется для выявления групп объектов с похожими про-

странственно-временными характеристиками. Но с методологической точки зрения формирование и обобщение самих пространственно-временных характеристик (признаков) требует упорядочения.

Пространственные характеристики относятся к географическому расположению субъектов МСП с учетом характеризующих их экономических показателей и могут включать координаты, наименования муниципалитетов, населенных пунктов или других географических единиц. Пространственные паттерны могут быть изучены с помощью методов геостатистики, картографии и геоинформационных систем (ГИС) (рис. 1а).

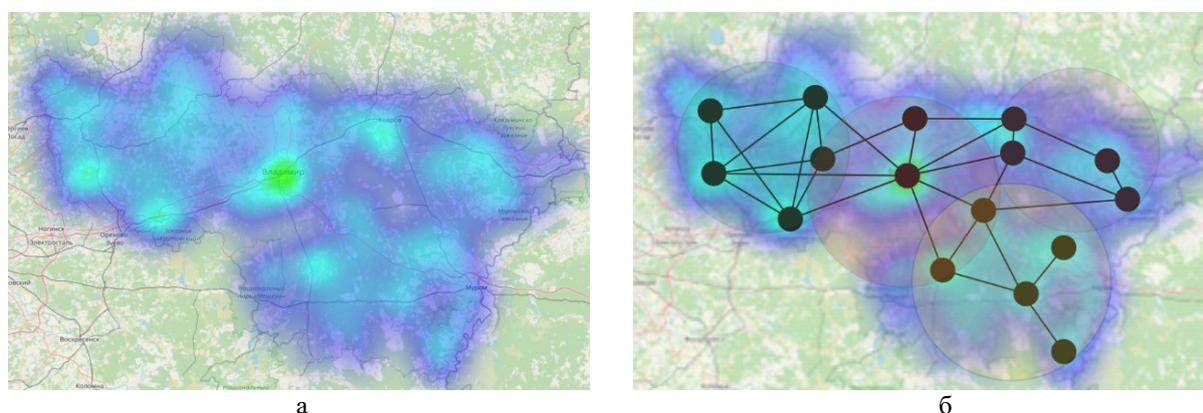

Рис. 1. Тепловая карта плотности размещения объектов МСП на территории Владимирской области (а) и графовая модель анализа пространственных объектов (б)
Heat map of the density of SMEs on the territory of the Vladimir region (a) and a graph model for the analysis of spatial objects (b)

Некоторые исследователи [8—10] в контексте анализа пространственных объектов для выявления перспективных направлений изменчивости сетевой структуры используют теорию графов, которые устанавливают отношения и взаимосвязи между объектами (рис. 1б). В качестве объектов могут выступать промышленные предприятия, субъекты МСП, крестьянско-фермерские и другие хозяйства, в зависимости от отрасли и сферы интереса. Описание структуры взаимосвязей с помощью графовых моделей делает данный подход не только универсальным, но и легко масштабируемым.

Временные характеристики, в свою очередь, относятся к происходящим с течением времени изменениям социально-экономических показателей, представленных в форме временных рядов, включая сезонные колебания, тренды, циклы, аномалии и т. д. Однако процесс кластеризации на основе подобных характеристик начинается с определения меры сходства между объектами для пред-

ставления их в многомерном пространстве признаков.

Временные паттерны могут быть проанализированы с помощью моделей предиктивной аналитики с применением как классических статистических методов, так и методов глубокого обучения [11 ; 12]. Для кластеризации объектов, представленных в форме временных рядов, часто используется алгоритм динамической трансформации временной шкалы DTW (Dynamic Time Warping) [13] с одноименной метрикой для оценки степени сходства между двумя временными рядами, которые могут быть сдвинуты по времени и иметь разные длины. DTW находит оптимальное выравнивание между двумя последовательностями, минимизируя расстояние между ними, что делает его особенно полезным в задачах, где временные ряды могут иметь различные масштабы времени.

Для пространственных паттернов часто выбираются как классические меры расстояния между координатами точек (например,

Евклидово расстояние), так и специализированные (например, локальный индекс Морана I — показатель кластеризации пространственных данных, определяющий, есть ли у значений переменных тенденция к кластеризации в пространстве). Индекс Морана I принимает значения от -1 до 1 [14; 15].

После выбора метрик применяются алгоритмы кластеризации, такие как K-средних (K-means) и иерархическая кластеризация, базирующиеся на основе метрик расстояний или DBSCAN, которые позволяют сформировать кластеры на основе плотности точек в многомерном пространстве признаков [16]. Но использование указанных метрик и алгоритмов вводит определенные ограничения на форматы представления векторов атрибутов. Поэтому стоит рассмотреть альтернативные методы оценки метрических расстояний между объектами не только в геометрическом, но и в признаковом пространстве. Так, индекс Морана I и метрика DTW обладают следующими недостатками для пространственно-временной кластеризации:

- индекс Морана I измеряет пространственную автокорреляцию, но он не всегда учитывает сложные нелинейные зависимости в данных. Это может привести к неправильной интерпретации пространственных паттернов;

- индекс Морана I чувствителен к выбросам, что может исказить результаты анализа и привести к неверным выводам о пространственной структуре данных;

- индекс Морана I фокусируется на пространственной автокорреляции и не учитывает временные изменения, что может быть критично для пространственно-временных данных;

- метрика DTW может быть вычислительно затратной при расчете, особенно для длинных временных рядов, а также она имеет высокую чувствительность к шумам в данных, что может привести к неправильной кластеризации, особенно если временные ряды содержат много случайных вариаций;

- результаты кластеризации с использованием DTW могут быть не всегда интуитивно понятны, особенно если временные ряды имеют разные масштабы или частоты;

- метрика DTW фокусируется на временной области представления данных и не учитывает их пространственные аспекты, что может быть критично для пространственно-временного анализа.

В качестве альтернативного инструмента при кластеризации пространственно-времен-

ных данных предлагается использовать алгоритм UMAP (Uniform Manifold Approximation and Projection) [17] для уменьшения размерности и визуализации данных.

UMAP хорошо сохраняет как локальную, так и глобальную структуру данных, что позволяет лучше выявлять кластеры и работать с различными типами данных и метриками расстояний, включая метрику косинусного расстояния [17; 18], которая также используется для оценки расстояний в графовых моделях. Исследования показывают, что при работе с высокоразмерными данными, где важно учитывать относительные различия между объектами, косинусное расстояние, которое не зависит от норм векторов, может быть более информативным, чем другие известные метрики [18].

Первый этап работы алгоритма заключается в построении нечетких топологических представлений на основе примитивов — геометрических симплексов [17], формирующих граф, в котором каждая точка данных соединена с ее ближайшими соседями. При этом с помощью выбранной метрики (косинусного расстояния) вычисляется расстояние между всеми точками в высокоразмерном пространстве.

Для каждой точки x_i UMAP создает вероятностное распределение (p_{ij}) , которое описывает, насколько вероятно другая точка x_j является ее соседом:

$$p_{ij} = \frac{\exp\left(-\frac{d(x_i, x_j)^2}{\sigma_i^2}\right)}{\sum_{k \in N_i} \exp\left(-\frac{d(x_i, x_k)^2}{\sigma_i^2}\right)}, \quad (1)$$

где $d(x_i, x_j)$ — расстояние между точками x_i и x_j ;

σ_i^2 — дисперсия гауссовского распределения для точки x_i ;

N_i — множество ближайших соседей точки x_i .

Вероятности нормируются так, чтобы сумма вероятностей для всех точек x_j была равна единице:

$$p_i = \sum_j p_{ij}. \quad (2)$$

После построения графа и вычисления вероятностей UMAP проецирует данные в пространство меньшей размерности (обычно $2D$

или $3D$). Для этого используется аналогичное вероятностное распределение (q_{ij}) , но в низкоразмерном пространстве:

$$q_{ij} = \frac{(1 + d(y_i, y_j))^{-1}}{\sum_{k \neq l} (1 + d(y_i, y_k))^{-1}}, \quad (3)$$

где y_i и y_j — проекции точек в низкоразмерном пространстве.

UMAP минимизирует разницу между распределениями вероятностей в высокоразмерном и низкоразмерном пространствах. Это достигается с помощью функции потерь, которая обычно представляет собой дивергенцию Кульбака — Лейблера (D_{KL}):

$$D_{KL} = \sum_i \sum_j p_{ij} \log \left(\frac{p_{ij}}{d_{ij}} \right). \quad (4)$$

Для минимизации функции потерь используется метод градиентного спуска. Алгоритм обновляет координаты точек в низкоразмерном

пространстве, чтобы минимизировать разницу между вероятностными распределениями.

Работа алгоритма UMAP иллюстрирована на схеме (рис. 2), где объекты, отображенные в системе координат двух главных компонент ($c_1; c_2$), показаны в виде точек в многомерном пространстве. Если представить, что каждая из этих точек соединена с остальными воображаемыми «пружинами», то нормировка распределений вероятностей для расстояний между точками позволяет регулировать «жесткость» этих «пружин». Когда точки находятся близко друг к другу, то «пружины» между ними становятся более «мягкими», что позволяет им легче «сжиматься» и сохранять близость. В то же время, если одна из точек удалена от остальных, «пружина» между ней и ближайшим соседом становится более «жесткой», что создает дополнительное сопротивление при попытке сблизить точки. Такой подход делает UMAP значительно более эффективным при работе с разнородными данными, такими как наборы данных с пространственно-временными признаками.

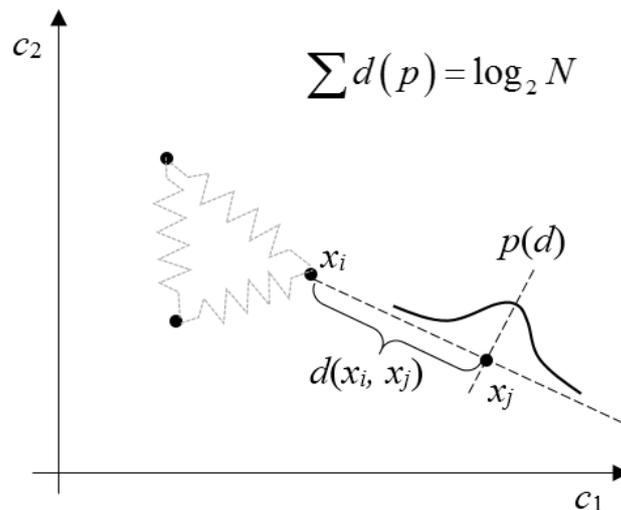

Рис. 2. Нормировка расстояний между точками UMAP
Normalization of distances between UMAP points

Таким образом, UMAP может адаптировать свои связи в зависимости от структуры данных, что позволяет более точно отражать как локальные, так и глобальные отношения между объектами.

На финальной стадии, после уменьшения размерности с использованием UMAP, необходимо применить алгоритмы кластеризации, такие как K-means, DBSCAN или другие им подобные, для выявления различных пространственно-временных паттернов и решения задачи оценки экономического потенци-

ала региона путем анализа полученных кластеров [19].

Результаты и обсуждение

Апробация указанных положений была выполнена на основе набора данных, содержащего информацию из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, дополненного сведениями о доходах, расходах, среднесписочной численности работников, а также географическими координатами населенных пунктов, где зарегистрированы

субъекты малого и среднего предпринимательства. Набор данных сформирован на базе выгрузок реестра МСП и других открытых данных Федеральной налоговой службы России. Обработка данных выполнялась с применением специализированных программных пакетов на языке программирования Python.

В качестве примера рассматривается кластеризация субъектов малого и среднего предпринимательства для Владимирской области. К признакам, характеризующим субъекты малого и среднего предпринимательства, относятся основной код ОКВЭД (четыре знака), год, категория субъекта МСП, геокоординаты (широта и долгота), среднесписочная численность работников за год, доходы и расходы организации в рублях за год (всего 88 716 уникальных строк). Предварительный анализ данных потребовал частотного кодирования категорий субъекта МСП относительными частотами ввиду дисбаланса их количества: микропредприятия составляют 87,3 %, малые предприятия — 11,7 %, средние предприятия — около 1 % наблюдаемых объектов.

Временная динамика показана укрупненно за шесть лет (с 2018 по 2023 г.) без разбивки по кварталам и месяцам. Объектами кластеризации являются сферы деятельности субъектов по основному ОКВЭД — всего порядка 600 наименований видов деятельности.

Однако для упрощения анализа и наглядности представления полученных кластеров была выполнена фильтрация по суммарным доходам за весь период по каждому виду деятельности (пороговое значение 100 млн руб. за весь период), что сократило количество наблюдаемых объектов (видов деятельности МСП) до 342. Именно этот список самых результативных видов деятельности в дальнейшем использовался для построения вторичного набора данных и анализа, включающего суммарные значения среднесписочной численности работников, доходов и расходов организации за год, а также усредненные значения геокоординат (широта и долгота), характеризующих размещение субъектов МСП и их категорию по каждому из укрупненных временных периодов — по годам, что позволило получить датасет, содержащий шесть обособленных признаков за шесть периодов (всего 36 столбцов и 342 строки для ОКВЭД). Кроме того, все данные были стандартизованы, чтобы устранить смещение в данных при приведении их к общему масштабу.

Так как основной задачей в работе является обоснование выбора алгоритма UMAP, используемого для уменьшения размерности и представления данных в сокращенном пространстве признаков с сохранением их информативности, то покажем отличия по результатам кластеризации объектов на примере алгоритма K-means для вторичного набора данных без применения алгоритма UMAP и после его использования.

После выбора количества кластеров на основе алгоритма K-means путем оценки внутрикластерного разнообразия и межкластерных расстояний было определено оптимальное разбиение видов деятельности на четыре кластера, которые содержат 318, 16, 5 и 3 вида деятельности соответственно. Разумеется, самый большой кластер является вовсе неинформативным и не позволяет сделать однозначные выводы о причинах группировки объектов, что делает указанный подход слабо пригодным для практического применения.

Представим результаты кластеризации в пространстве трех главных компонент (рис. 3).

Характеристики трех небольших кластеров позволили сделать следующие выводы:

- кластер с условным номером 2 (16 объектов): это предприятия с видами деятельности 41.XX, 45.XX—47.XX — подавляющее большинство предприятий относятся к сектору оптовой и розничной торговли;

- кластер с условным номером 3 (5 объектов): эти виды деятельности можно отнести к «вымирающим». В них динамика всех основных показателей идет на спад. Это в основном предприятия по производству ручных инструментов, спортивных товаров из стали и ферросплавов;

- кластер с условным номером 3 (3 объекта): это «растущие» отрасли, сюда можно отнести производство офисной техники и оборудования, производство велосипедов, обработку цветных металлов.

Однако большинство сфер деятельности объединено в один большой кластер, что не позволяет выполнить качественную интерпретацию результатов разбиения.

На рис. 3б показано применение алгоритмов на основе оценки плотности точек с учетом нелинейного уменьшения размерности по алгоритму t-SNE (t-Distributed Stochastic Neighbor Embedding) [17], который использует вероятностные модели для оценки расстояний между точками.

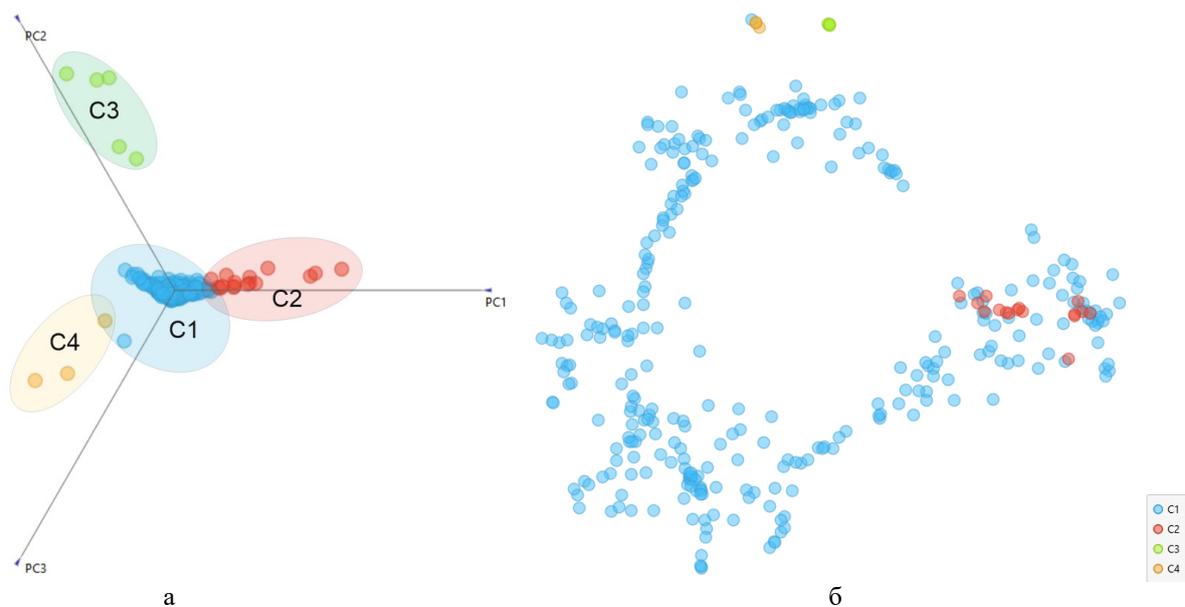

Рис. 3. Результаты кластеризации в пространстве трех главных компонент для субъектов МСП по методу K-means на основе метрики Евклида (а) и методу t-SNE на основе косинусного расстояния (б)
Clustering results in the space of three main components for SMEs using the K-means method based on the Euclidean metric (a) and the t-SNE method based on the cosine distance (b)

Далее рассмотрим, как реализуется разбиение с применением алгоритма UMAP, который является, по сути, модификацией t-SNE и использует графы для представления данных, что позволяет лучше сохранять как локальную, так и глобальную структуру.

Для этого вначале рассмотрим результаты представления данных в пространстве трех

главных компонент (без указания осей) с применением алгоритма UMAP на основе косинусного расстояния и обозначим на них ранее выявленные кластеры (рис. 4а). При этом можно наблюдать частичное несоответствие выявленных объектов, особенно по кластеру с условным номером 2.

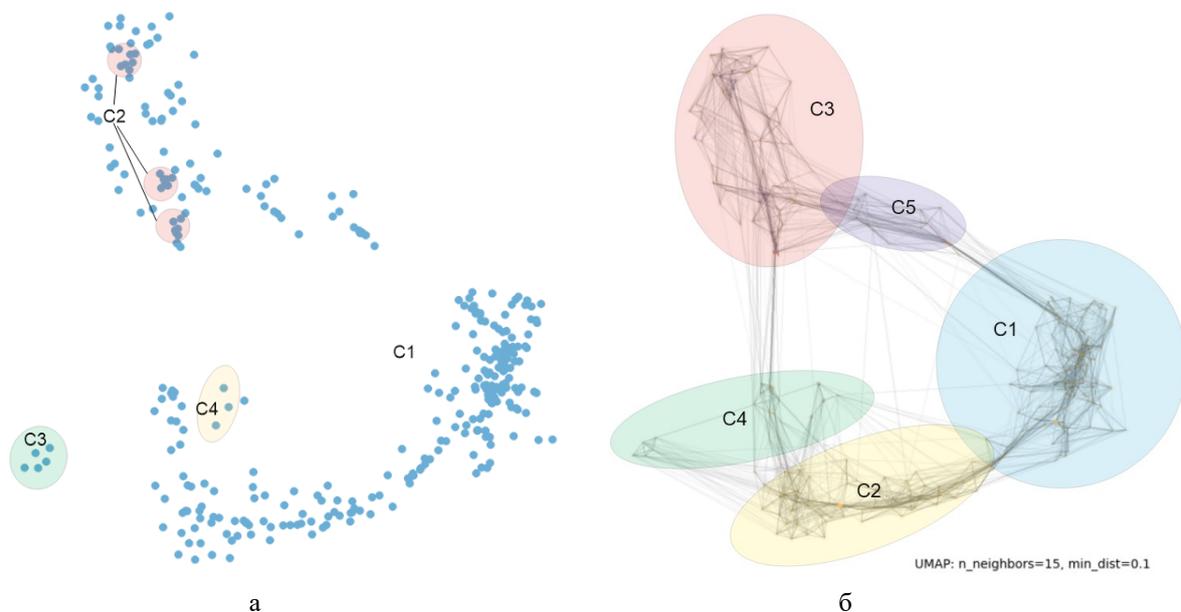

Рис. 4. Результаты кластеризации в пространстве двух главных компонент для субъектов МСП с применением алгоритма UMAP на основе косинусного расстояния (а) и взвешенного графа UMAP (б)
Clustering results in the space of two main components for SMEs using the UMAP algorithm based on the cosine distance (a) and a weighted UMAP graph (b)

Основная ценность алгоритма UMAP состоит в том, что он дает возможность перейти от представления объектов в многомерном пространстве признаков к их сопоставлению в виде сетевой структуры — графа связности (рис. 4б), который также позволяет выделить сообщества вершин в графе. Для этого можно использовать и алгоритм K-means. В этом случае оптимальным является разбиение уже на пять более сбалансированных по количеству точек кластеров, которые можно интерпретировать следующим образом:

— кластер 1 (113 точек): обрабатывающие производства, строительство, оптовая и розничная торговля объединяются больше по пространственному принципу и имеют схожие географические координаты, совпадающие с координатами областного центра (г. Владимир) и его окрестностей;

— кластер 2 (88 точек): обрабатывающие производства (60 %) с положительной динамикой и высокими экономическими показателями. Это преимущественно малые предприятия, расположенные на территории всего региона, с различными локациями;

— кластер 3 (74 точек): обрабатывающие производства (30 %), торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (30 %). Это в основном средние предприятия, расположенные на территории всего региона. Сюда вошли 16 ранее выявленных субъектов;

— кластер 4 (48 точек): обрабатывающие производства (50 %) и предприятия с динамикой снижения среднесписочной численности сотрудников в год, но со стабильными показателями годовой доходности. Сюда вошли предприятия ранее указанного «вымирающего» кластера;

— кластер 5 (19 точек): субъекты МСП разнообразных сфер деятельности с положительной динамикой среднесписочной численности сотрудников в год и растущими показателями доходности. Имеет частичную связь с кластерами С2, С3 и С1 (см. рис. 4б).

Результаты исследования и интерпретации пространственно-временных паттернов структуры деловой активности в регионе позволяют сформировать картину изменчивости и локализации факторов, описывающих экономическое развитие региона. Применение методов кластерного анализа, уменьшение размерности пространства при-

знаков и графовых моделей позволяют глубже понять взаимосвязи между характеристиками различных субъектов бизнеса и выявить ключевые тренды.

Алгоритм UMAP показал свою эффективность при решении поставленной задачи при анализе сложных высокоразмерных данных, что делает его полезным инструментом для пространственно-временной кластеризации. Перспектива использования различных метрик расстояния, включая стандартные метрики, такие как евклидово и манхэттенское расстояние, а также возможность применения пользовательских метрик для специфических задач позволяют адаптировать UMAP под конкретные задачи и типы данных, что увеличивает его применимость в реальных сценариях.

Заключение

В ходе исследования пространственно-временных паттернов деловой активности в регионе были выявлены ключевые закономерности, формирующие структуру социально-экономического развития региона. Использование методов кластерного анализа и графовых моделей позволило глубже понять структуру взаимосвязей между различными субъектами малого и среднего предпринимательства, обобщенными по видам деятельности.

Результаты исследований показали, что деловая активность в регионе зависит не только от экономических факторов, наблюдаемых в динамике, но и от пространственного размещения субъектов хозяйствования. Это подчеркивает важность комплексного подхода к исследованию, который учитывает множество взаимосвязанных факторов.

Полученные выводы могут быть полезны для предпринимателей, органов власти и бизнес-сообществ, стремящихся оптимизировать меры по поддержке и улучшить условия для ведения бизнеса. Дальнейшее изучение пространственно-временных паттернов с использованием более детализированных данных и современных аналитических инструментов позволит углубить понимание динамики деловой активности и разработать эффективные стратегии для ее стимулирования, способствующие более устойчивому и сбалансированному развитию регионов.

Список источников

1. Грекусис Д. Методы и практика пространственного анализа. Описание, исследование и объяснение с использованием ГИС / пер. с англ. А. Н. Киселева. М. : ДМК Пресс, 2021. 500 с.
2. Окунев И. Ю. Основы пространственного анализа : моногр. М. : Аспект Пресс, 2020. 255 с.
3. Kuk G., Marijn J. The Business Models and Information Architectures of Smart Cities // *Journal of Urban Technology*. 2011. Vol. 18 (2). P. 39—52.
4. Павлов Ю. В. Фракталы как инструмент территориального планирования агломерационных систем // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10. С. 2242—2248.
5. Кисляков А. Н. Графовые методы описания торгового профиля региона // *Управленческое консультирование*. 2022. № 2. С. 70—80.
6. Петимко А. М., Козлова Н. В., Дадалова М. В. Региональный АПК как точка роста стратегии развития экономики территории // *Направления повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., Алчевск, 15 дек. 2022 г. Алчевск : Луган. гос. ун-т им. Владимира Даля, 2023. 163 с.*
7. Корчагина И. В., Пытченко К. В. Социально-экономическая система регионального предпринимательства как объект стратегирования // *Экономика промышленности*. 2023. № 16 (4). С. 361—371.
8. Garlaschelli D., Ruzzenenti F., Basosi R. Complex Networks and Symmetry I // *A Review. Symmetry*. 2010. No. 2. P. 1—27.
9. Efficient Regionalization Techniques for Socio-economic Geographical Units Using Minimum Spanning Trees / R. M. Assunção, M. C. Neves, G. Câmara, C. Da Costa Freitas // *International Journal of Geographical Information Science*. 2006. Vol. 20 (7). P. 797—811.
10. Benassi F., Deva M., Zindato D. Graph Regionalization with Clustering and Partitioning: An Application for Daily Commuting Flows in Albania (September 25, 2015) // *Regional Statistics*. 2015. Vol. 5, no. 1. P. 25—43.
11. Openshaw S., Alvanides S. Designing zoning systems for representation of socio-economic data // *In Time and Motion of Socio-Economic Units ; A. Frank, J. Raper and J. Cheylan (Eds)*. 2001. P. 281—300.
12. Franklin J. The elements of statistical learning: data mining, inference and prediction // *The Mathematical Intelligencer*. 2003. No. 27. P. 83—85.
13. Giorgino T. Computing and Visualizing Dynamic Time Warping Alignments in R: The Dtw Package // *Journal of Statistical Software*. 2009. No. 31 (7). P. 1—24.
14. Renato M. Assuncao and Edna A. Reis. A new proposal to adjust Moran's I for population density // *Statistics in Medicine*. 1999. No. 18 (16). P. 2147—2162.
15. Haining R., Wise S., Ma J. Designing and implementing software for spatial statistical analysis in a GIS environment // *Journal of Geographical Systems*. 2000. No. 2. P. 257—286.
16. Generalizations of the clustering coefficient to weighted complex networks, / J. Saramaki, M. Kivel, J.-P. Onnela, K. Kaski, J. Kertesz // *Physical Review E*. 2007. Vol. 75(2). DOI:10.1103/PhysRevE.75.
17. McInnes L., Healy J., Melville J. UMAP: Uniform manifold aProximation and projection for dimension reduction, 2018. arXiv preprint arXiv:1802.03426.
18. Dimensionality reduction for visualizing single-cell data using UMAP / E. Becht et al. // *Nature biotechnology*. 2019. Vol. 37, no. 1. P. 38—44.
19. Медведева О. А. Оценка экономического потенциала региона для развития кластеров // *Развитие территорий*. 2023. № 3. С. 25—31.

References

1. Grekusion D. *Metody i praktika prostranstvennogo analiza. Opisanie, issledovanie i ob'yasnenie s ispol'zovaniem GIS* [Spatial Analysis Methods and Practice], per. s angl. A.N. Kiseleva. Moscow : DMK Press, 2021, 500 p.
2. Okunev I.Yu. *Osnovy prostranstvennogo analiza* [Fundamentals of Spatial Analysis] : monogr. Moscow : Aspekt Press, 2020, 255 p.
3. Kuk G., Marijn J. The Business Models and Information Architectures of Smart Cities, *Journal of Urban Technology*, 2011, vol. 18 (2), pp. 39–52.
4. Pavlov Yu.V. Fraktaly kak instrument territorial'nogo planirovaniya aglomeratsionnykh sistem [Fractals as a Tool for Territorial Planning of Agglomeration Systems], *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2013, no. 10, pp. 2242–2248.
5. Kislyakov A.N. Grafovye metody opisaniya torgovogo profilya regiona [Graph Methods for Describing the Trade Profile of a Region], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2022, no. 2, pp. 70–80.
6. Petimko A.M., Kozlova N.V., Dadalova M.V. Regional'nyy APK kak tochka rosta strategii razvitiya ekonomiki territorii [Regional Agro-Industrial Complex as a Growth Point in the Strategy of Development of the Territory's Economy], *Napravleniya povysheniya effektivnosti upravlencheskoy deyatelnosti organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya : sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Directions of increasing the efficiency of management activity of state authorities and local self-government : proceedings of the V International scientific-practical conference], Alchevsk, 15 December 2022 g. Alchevsk : Lugan. gos. un-t im. Vladimira Dallya, 2023, 163 p.

7. Korchagina I.V., Pytchenko K.V. Sotsial'no-ekonomicheskaya sistema regional'nogo predprinimatel'stva kak ob"ekt strategirovaniya [Social and Economic System of Regional Entrepreneurship as the Object of Strategizing], *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2023, no. 16 (4), pp. 361–371.
8. Garlaschelli D., Ruzzenenti F., Basosi R. Complex Networks and Symmetry I, *A Review. Symmetry*, 2010, no. 2, pp. 1–27.
9. Assunção R.M., Neves M.C., Câmara G., Da Costa Freitas C. Efficient Regionalization Techniques for Socio-economic Geographical Units Using Minimum Spanning Trees, *International Journal of Geographical Information Science*, 2006, vol. 20 (7), pp. 797–811.
10. Benassi F., Deva M., Zindato D. Graph Regionalization with Clustering and Partitioning: An Application for Daily Commuting Flows in Albania (September 25, 2015), *Regional Statistics*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 25–43.
11. Openshaw S., Albanides S. Designing zoning systems for representation of socio-economic data, *In Time and Motion of Socio-Economic Units*, 2001, pp. 281–300.
12. Franklin J. The elements of statistical learning: data mining, inference and prediction, *The Mathematical Intelligencer*, 2003, no. 27, pp. 83–85.
13. Giorgino T. Computing and Visualizing Dynamic Time Warping Alignments in R: The Dtw Package, *Journal of Statistical Software*, 2009, no. 31 (7), pp. 1–24.
14. Assuncao R.M., Reis E.A. A new proposal to adjust Moran's I for population density, *Statistics in Medicine*, 1999, no. 18 (16), pp. 2147–2162.
15. Haining R., Wise S., Ma J. Designing and implementing software for spatial statistical analysis in a GIS environment, *Journal of Geographical Systems*, 2000, no. 2, pp. 257–286.
16. Saramaki J., Kivel M., Onnela J.-P., Kaski K., Kertesz J. Generalizations of the clustering coefficient to weighted complex networks, *Physical Review E*, 2007, vol. 75(2). DOI:10.1103/PhysRevE.75.027105
17. McInnes L., Healy J., Melville J. *UMAP: Uniform manifold aProximation and projection for dimension reduction*, 2018. ArXiv preprint arXiv:1802.03426.
18. Becht E. et al. Dimensionality reduction for visualizing single-cell data using UMAP, *Nature biotechnology*, 2019, vol. 37, no. 1, pp. 38–44.
19. Medvedeva O.A. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala regiona dlya razvitiya klasterov [Assessment of the Region's Economic Potential for Cluster Development], *Razvitie territoriy* [Territory Development], 2023, no. 3, pp. 25–31.

Информация об авторе

Кисляков Алексей Николаевич — профессор кафедры информационных технологий, доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Information about the author

Alexey N. Kislyakov — Professor of the Department of Information Technologies, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.

Научная статья
УДК 316.334+332.87
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-70-76
EDN NNAEEN

РАВНОЕ УЧАСТИЕ СОБСТВЕННИКОВ В ФИНАНСОВОМ УПРАВЛЕНИИ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Алексей Геннадьевич Баталов^{1✉}, Ольга Борисовна Дигилина²

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Алексей Геннадьевич Баталов, batalov.alexey@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу управления финансовыми вопросами в многоквартирных домах на основе коллективного подхода. Рассматриваются основные проблемы, такие как неравномерное распределение финансовой нагрузки и ограничение прав собственников. Предлагаются экономические и управленческие решения для повышения эффективности управления (расширение прав собственников, внедрение инструментов финансового планирования и привлечение внешних экспертов). Особое внимание уделяется разработке механизмов коллективного участия, направленных на экономическую устойчивость многоквартирных домов и повышение качества жизни жильцов.

Ключевые слова: многоквартирные дома, коллективное управление, финансовые вопросы, экономическая эффективность, права собственников, тарифы

Для цитирования: Баталов А. Г., Дигилина О. Б. Равное участие собственников в финансовом управлении многоквартирными домами // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 70—76. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-70-76. EDN NNAEEN.

Economic research

Original article

EQUAL PARTICIPATION OF OWNERS IN FINANCIAL MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS

Alexey G. Batalov^{1✉}, Olga B. Digilina²

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation

Corresponding author: Alexey G. Batalov, batalov.alexey@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of financial management in apartment buildings based on a collective approach. The main problems are considered, such as uneven distribution of the financial burden and restriction of the rights of owners. Economic and managerial solutions are proposed to improve management efficiency (expanding the rights of owners, introducing financial planning tools and attracting external experts). Special attention is paid to the development of collective participation mechanisms aimed at the economic sustainability of apartment buildings and improving the quality of life of residents.

Keywords: apartment buildings, collective management, financial issues, economic efficiency, owners' rights, tariffs

For citation: Batalov A.G., Digilina O.B. Equal Participation of Owners in Financial Management of Apartment Buildings. *Territory Development*. 2025;(2):70—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-70-76>. <https://elibrary.ru/nnaeen>.

Введение

Одной из ключевых задач в России является обеспечение комфортной и безопасной среды проживания для населения. На этом фоне особенно актуальной становится тема жи-

лично-коммунального хозяйства (ЖКХ), которое регулярно подвергается критике со стороны потребителей. Основное внимание граждан сосредоточено на качестве предоставляемых услуг по содержанию и ремонту

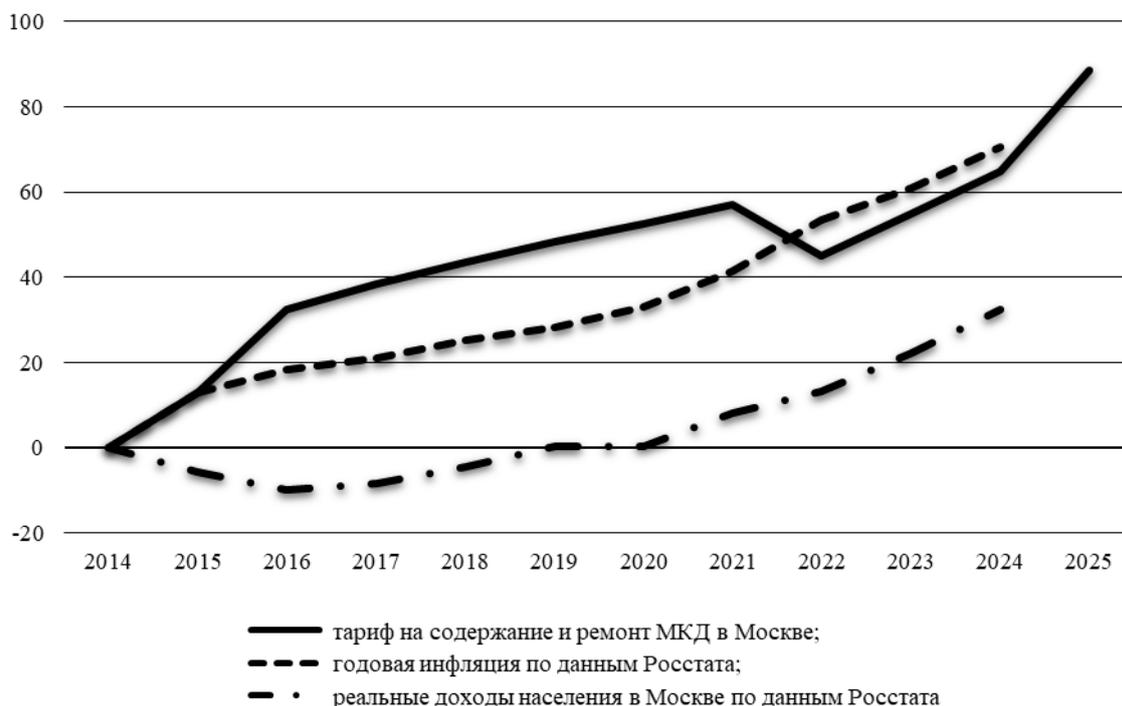
общедомового имущества многоквартирных домов (МКД), а также на уровне тарифов за эти услуги [1].

Материалы и методы исследования

В исследовании использовался анализ научно-практической литературы, а также синтез мнений, обобщение, общие и частные методики познания.

Цель статьи — внести вклад в теоретическое и практическое обоснование применения коллективного подхода в управлении МКД для повышения эффективности и прозрачности системы ЖКХ.

Особое значение в контексте управления многоквартирными домами приобретают финансовые аспекты, включая динамику изменения тарифов на содержание и ремонт МКД, уровень инфляции и реальные доходы населения. Эти показатели являются индикаторами устойчивости экономики ЖКХ и уровня жизни граждан. На основании данных Росстата и постановлений правительства Москвы был проведен анализ изменений с 2014 по 2025 г. За базовую точку был принят 2014 г. (0 %). Результаты анализа определили дисбаланс между ростом тарифов и финансовыми возможностями населения (рисунок).

Динамика изменения тарифов на содержание и ремонт МКД, инфляции и реальных доходов населения в Москве (2014—2025 гг.)

Dynamics of changes in tariffs for the maintenance and repair of apartment buildings, inflation and real incomes of the population in Moscow (2014—2025)

Тарифы на содержание и ремонт многоквартирных домов в Москве демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. В 2015 г. тарифы увеличились на 12,98 % относительно 2014 г., далее рост продолжился, достигнув 64,95 % к 2024 г. и 88,61 % к 2025 г. Основным фактором такого роста является увеличение затрат на обслуживание и ремонт, обусловленных инфляцией и удорожанием строительных материалов, что создает дополнительные финансовые нагрузки на собственников жилья, особенно в условиях ограниченного роста их доходов.

По данным Росстата, инфляция значительно ускорилась после 2020 г. Если в 2015 г.

ее уровень составил 12,9 %, то с 2014 по 2024 г. он достиг 70,46 %. Инфляция оказывает прямое воздействие на себестоимость услуг ЖКХ, усиливая финансовое давление на население на фоне снижения реальных доходов [2].

Реальные доходы населения Москвы демонстрируют разнонаправленную динамику. В 2015—2020 гг. доходы москвичей снижались, достигнув минимума в 2016 г. (–9,9 %). Это совпало с началом активного роста тарифов, что ухудшило доступность жилищных услуг. С 2021 г. доходы населения начали расти, однако их темпы роста остаются ниже темпов увеличения тарифов и инфляции [3].

Сравнение параметров за период 2014—2025 гг. показывает значительный разрыв между ростом тарифов, инфляции и доходов населения. Например, тарифы увеличились на 64,95 % к 2024 г., в то время как реальные доходы населения выросли только на 32,5 %. Это указывает на снижение покупательной способности и увеличение финансового бремени на граждан.

Дисбаланс между ростом тарифов и доходов населения становится источником социальных и экономических проблем. Постоянное опережение роста тарифов над доходами вызывает недовольство граждан, что увеличивает риск неплатежей за жилищные и коммунальные услуги. Инфляция, усиливая себестоимость услуг и расходы населения, усугубляет эту проблему. Финансовая недоступность услуг ЖКХ для значительной части населения может негативно сказаться на состоянии многоквартирных домов и уровне жизни в целом [4].

Анализ данных демонстрирует необходимость комплексного подхода к управлению многоквартирными домами, особенно в области финансового менеджмента.

Для достижения устойчивого развития ЖКХ необходимы комплексные изменения, включая пересмотр тарифной политики, внедрение прозрачных механизмов расчета и контроля, а также использование современных технологий для мониторинга и управления ресурсами [5].

Рассмотренные меры не только способствуют укреплению финансовой стабильности, но и повышают доверие граждан к системе ЖКХ. Важной составляющей этой системы являются финансовые вопросы, напрямую связанные с обеспечением качественного содержания общего имущества МКД, уровнем предоставляемых услуг и объемом расходов, возложенных на собственников, к которым относятся:

- утверждение смет доходов и расходов, которые формируют основу для текущего и долгосрочного планирования, включая проведение ремонтов и модернизацию инфраструктуры дома;

- определение размеров обязательных взносов, способствующих равномерному распределению финансовой нагрузки и снижению риска образования задолженностей;

- установление контроля за целевым использованием средств для предотвращения их нецелевого расходования, которое укрепляет доверие собственников и стимулирует их активное участие в управлении.

Указанные вопросы напрямую влияют на экономическую эффективность управления, уровень доверия собственников и их активность в принятии решений. Финансовые вопросы (утверждение смет и взносов) требуют равного участия всех заинтересованных сторон.

В данной статье анализируются инновационные подходы, которые направлены на повышение вовлеченности и улучшение качества управления общим имуществом многоквартирных домов с позиции менеджмента и экономики.

Финансовый менеджмент — это область управления, направленная на планирование, организацию, контроль и анализ финансовых ресурсов предприятия или организации с целью их эффективного использования.

Он включает в себя разработку финансовой стратегии, управление денежными потоками, оптимизацию расходов, оценку рисков и принятие решений, которые обеспечивают достижение поставленных целей и максимизацию экономической эффективности.

Финансовый менеджмент многоквартирных домов невозможен без эффективного коллективного управления. Совместное принятие решений о размере тарифов и распределении расходов позволяет избежать перерасхода средств, минимизировать конфликты и обеспечить долгосрочную финансовую стабильность.

Исследователь И. В. Генцлер в своей работе указывает на то, что коллективное управление многоквартирными домами является неотъемлемой частью финансового менеджмента, поскольку оно обеспечивает прозрачность распределения ресурсов, учет интересов собственников и принятие решений, направленных на повышение экономической устойчивости МКД [6].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Элинор Остром доказала, что коллективное управление ресурсами в большинстве случаев оказывается более эффективным, чем предполагают стандартные экономические теории. Она отметила, что сообщества пользователей ресурсов, таких как земля, вода или общая инфраструктура, обычно вырабатывают собственные механизмы принятия решений и разрешения конфликтов. Эти механизмы позволяют участникам достигать оптимального использования ресурсов без необходимости централизованного контроля [7].

Применение идей Э. Остром к управлению многоквартирными домами показывает, что коллективное владение общим имуществом

и совместное участие собственников в управлении им способствуют снижению транзакционных издержек, улучшению взаимодействия между участниками и повышению качества принимаемых решений. Такие механизмы позволяют справедливо распределять финансовую нагрузку и предотвращать конфликты, что благотворно влияет на общее экономическое состояние дома [8].

Экономическая теория управления коллективной собственностью подчеркивает важность следующих принципов:

— прозрачность — финансовая информация должна быть доступной для анализа всеми собственниками помещений МКД, а также включать регулярные отчеты о доходах и расходах, сметах и прогнозах. Прозрачность снижает риск финансовых злоупотреблений, укрепляет доверие собственников и обеспечивает качественное принятие решений;

— равенство — обеспечение равного участия всех собственников в голосовании по финансовым вопросам, что гарантирует справедливое распределение обязательств и учет интересов всех групп собственников независимо от их членства в организациях, управляющих МКД. Такой подход способствует предотвращению дискриминации и установлению справедливого финансового баланса;

— экономическая ответственность — стимулирование собственников к активному участию в принятии коллективных управленческих решений через осознание влияния их вклада на общее финансовое состояние дома. Данный принцип включает рациональное использование общих средств, полученных от собственников, и повышение уровня контроля за выполнением принятых решений.

Согласно Жилищному кодексу Российской Федерации, размер платы за содержание жилого помещения в МКД определяется в зависимости от выбранного способа управления домом. Закон устанавливает три ключевых подхода к формированию данных платежей.

Так, в домах, где не созданы ни товарищества собственников жилья (ТСЖ), ни жилищный кооператив (ЖСК) или какой-либо иной специализированный потребительский кооператив, размер платы за содержание жилого помещения определяется на общем собрании собственников. Проведение общего собрания требует участия большинства собственников и подразумевает коллективное принятие решений по распределению расходов на содержание и ремонт общего имущества.

В случаях, когда собственники не приняли решение о выборе способа управления МКД,

размер платы за содержание жилого помещения устанавливается органами местного самоуправления. Такой подход позволяет регулировать финансовые вопросы для домов с отсутствием структуры управления, однако ограничивает собственников в возможности влияния на формирование тарифов.

Для домов, где созданы ТСЖ и ЖСК, размер обязательных платежей и взносов определяется только их членами, что исключает значительную часть собственников, не входящих в эти организации, из процесса утверждения годовых смет и размеров взносов. В результате ключевые финансовые решения, затрагивающие интересы всех собственников МКД, принимаются ограниченной группой лиц. Из-за отсутствия финансового контроля решения, принимаемые узким кругом лиц, часто оказываются экономически неоправданными, что увеличивает риск перерасхода бюджета и возникновения дефицита. Как отметил Н. С. Смирнягин, недостаточная вовлеченность собственников снижает общий уровень финансовой дисциплины, что приводит к задержкам в оплате взносов и увеличению долговой нагрузки [9].

В соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации утверждение смет осуществляется простым большинством голосов от числа участников собрания. На практике это может привести к тому, что решения принимаются при участии только небольшой части собственников. Если членами ТСЖ являются 51 % собственников дома, кворум может быть достигнут при участии чуть более 50 % членов товарищества ($\approx 25,1$ % всех собственников). Для утверждения сметы доходов и расходов требуется простое большинство от участвующих ($\approx 12,6$ % от всех собственников МКД). Таким образом, указанные нормы законодательства противоречат принципам коллективного управления и эффективного менеджмента.

В ЖСК ситуация может быть еще более сложной. Согласно действующему законодательству, количество членов ЖСК не может быть менее пяти, но не должно превышать количества жилых помещений в МКД. Финансовые решения в таких кооперативах часто принимаются только членами ЖСК, что исключает значительную часть собственников из процесса управления. Кроме того, собственники, не являющиеся членами ЖСК, лишены доступа к важной информации и не могут участвовать в выборах органов управления. Например, в одном из ЖСК Санкт-

Петербурга все ключевые решения принимаются лишь пятью членами кооператива; в другом случае из собственников 320 квартир членами ЖСК являются только 90 человек, а остальных собственников правление кооператива не принимает в члены, что позволяет узкому кругу лиц утверждать ключевые финансовые решения без участия большинства. В подобных ситуациях расходы и тарифы устанавливаются без широкого обсуждения, что приводит к усилению конфликтов и снижению доверия между собственниками.

Имеющиеся проблемы подчеркивают необходимость равного участия всех собственников помещений в принятии финансовых решений по управлению МКД.

Практика управления, реализуемая в садоводческих и огороднических некоммерческих товариществах (СНТ и ОНТ), демонстрирует, что вовлечение всех собственников в процесс принятия финансовых решений значительно снижает уровень конфликтов и укрепляет доверие между участниками. Одним из ключевых аспектов этих моделей является равноправное участие как членов СНТ или ОНТ, так и собственников, не состоящих в данных организациях, в обсуждении и утверждении финансовых вопросов, включая сметы и взносы. Такой подход способствует справедливому распределению финансовой нагрузки, предотвращению перерасходов и повышению экономической устойчивости. Опыт СНТ и ОНТ может быть успешно адаптирован для ТСЖ и ЖСК и других форм управления многоквартирными домами, что позволит улучшить эффективность управления общим имуществом.

Унифицированный подход к управлению, основанный на равноправии, обладает рядом преимуществ. Всеобщее участие собственников в принятии решений помогает избежать накопления долгов и делает процесс принятия решений более открытым. Все это минимизирует конфликты и способствует созданию благоприятного климата в коллективе.

С учетом изложенного предлагаются следующие экономические и управленческие решения:

— расширение прав собственников. Все собственники многоквартирных домов должны иметь равные права на участие в принятии ключевых финансовых решений: утверждении смет доходов и расходов, установлении размеров обязательных взносов, выборе подрядчиков и контроле за выполнением решений. Предоставление права голоса всем

собственникам, включая тех, кто не является членом ТСЖ или ЖСК, исключает дискриминацию и создает условия для справедливого распределения финансовой нагрузки. Это позволяет избежать ситуации, когда узкий круг лиц принимает решения, затрагивающие интересы всех. Повышение вовлеченности собственников создает стимулы для коллективного управления, что улучшает общий финансовый баланс дома и снижает уровень задолженностей;

— финансовое планирование и прогнозирование. Разработка многолетних финансовых планов включает прогнозирование доходов и расходов с учетом текущего состояния инфраструктуры дома и перспектив ее модернизации. Данное решение создает основу для устойчивого управления и минимизирует риски непредвиденных затрат. Прогнозирование помогает равномерно распределить финансовую нагрузку, избегая резкого увеличения взносов для собственников, а также снизить зависимость от кредитов или привлеченных инвестиций.

Грамотно составленные планы позволяют уменьшить издержки, улучшить управление денежными потоками и обеспечить надежную инфраструктуру дома. Финансовые планы управления МКД должны учитывать обязательные расходы (например, на содержание общего имущества, текущий ремонт); планируемые капитальные вложения (модернизация, энергоэффективные проекты); резервный фонд для непредвиденных ситуаций;

— привлечение внешних экспертов. Для анализа и утверждения крупных финансовых решений, связанных с модернизацией, энергоэффективностью или капитальным ремонтом, рекомендуется привлекать специалистов в области экономики и управления на основании решения общего собрания собственников МКД. Результаты их работы должны быть доступны для оценки всем собственникам. Внешние эксперты оценивают экономическую эффективность предлагаемых решений, проводят сравнительный анализ рыночных предложений, разрабатывают стратегии по снижению затрат и оптимизации расходов. Кроме того, привлечение экспертов минимизирует вероятность финансовых ошибок, повышает доверие собственников и способствует рациональному использованию средств.

Реализация представленных решений на основе системного подхода обеспечит эффективное управление МКД и повысит качество жизни жильцов.

Заключение

Равное участие собственников в принятии финансовых решений является важным инструментом повышения эффективности управления многоквартирными домами. Представленные в статье экономические и управленческие подходы направлены на устранение системных недостатков, таких как неравномерное распределение финансовой нагрузки, отсутствие контроля за расходами и низкая вовлеченность собственников. Развитие системы равного голосования и привлечение внешних экспертов помогут повысить доверие к органам управления, оптимизировать расходы и создать устойчивую

экономическую базу для дома. Опыт СНТ и ОНТ демонстрирует успешность подходов, основанных на вовлечении всех участников процесса управления. Их адаптация для ТСЖ и ЖСК, в сочетании с унифицированным подходом, обеспечит долгосрочную устойчивость управления и улучшит качество жизни жильцов.

Таким образом, внедрение предложенных решений требует системного подхода, законодательной поддержки и активной работы с собственниками для формирования ответственности и доверия в коллективном управлении многоквартирными домами.

Список источников

1. Гирченко М. А., Баяндурова А. А. Опыт, проблемы и предпосылки повышения эффективности управления общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 10—1. С. 278—299.
2. Росстат. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 28.12.2024).
3. Росстат. Реальные денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации, в процентах к соответствующему периоду прошлого года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 28.12.2024).
4. Сухарев А. Н., Голубев А. А., Карасева Л. А. О финансовом положении и финансовых результатах деятельности управляющих компаний в сфере ЖКХ в современной России // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 8. С. 1799—1813.
5. Лукинов В. А., Маликова И. П. Предложения по планированию статей расходов на содержание и ремонт общего имущества в МКД // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 3. С. 40—43.
6. Генцлер И. В. Управление многоквартирными домами: возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 5 (224). С. 20—24.
7. Ершова Т. В., Крейчман Ф. С. Проблемы коллективного управления ресурсом совместного пользования (по работам Нобелевского лауреата 2009 г. Э. Остром) // Экономика в промышленности. 2010. № 4. С. 8—13.
8. Белова Е. В. Современные потребности в обеспечении взаимодействия в системе управления общим имуществом МКД // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2024. № 3 (90). С. 1-5.
9. Смирнягин Н. С. Формирование эффективного собственника: на пути к становлению // Modern Economy Success. 2023. № 4. С. 116—121.

References

1. Girchenko M.A., Bayandurova A.A. Opyt, problemy i predposylki povysheniya effektivnosti upravleniya obshchim imushchestvom sobstvennikov pomeshcheniy mnogokvartirnogo doma [Experience, Problems and Prerequisites for Improving the Efficiency of the Management of the Common Property of the Owners of the Premises of an Apartment Building], *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 2022, vol. 12, no. 10–1, pp. 278–299.
2. Rosstat. *Indeksy potrebitel'skikh tsen na tovary i uslugi po Rossiyskoy Federatsii, mesyatsy (s 1991 g.)* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Consumer Price Indices for Goods and Services in the Russian Federation, Months]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (accessed: 28.12.2024).
3. Rosstat. *Real'nye denezhnye dokhody naseleniya po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii, v protsentakh k sootvetstvuyushchemu periodu proshlogo goda* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Real Monetary Income of the Population by Constituent Entities of the Russian Federation, in per cent of the Corresponding Period of the Previous year]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (accessed: 28.12.2024).
4. Sukharev A.N., Golubev A.A., Karaseva L.A. O finansovom polozhenii i finansovykh rezul'tatakh deyatelnosti upravlyayushchikh kompaniy v sfere ZhKKh v sovremennoy Rossii [On the Financial Standing and Financial Performance of the Housing Services and Utilities Property Management Companies in Modern Russia], *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2018, vol. 24, no. 8, pp. 1799–1813.
5. Lukinov V.A., Malikova I.P. Predlozheniya po planirovaniyu statey raskhodov na sodержanie i remont obshchego imushchestva v MKD [Proposals for the Planning of Items of Expenditure for the Maintenance and Re-

pair of Common Property in Apartment Buildings], *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie* [Real estate: economics, management], 2018, no. 3, pp. 40–43.

6. Gentsler I.V. Upravlenie mnogokvartirnymi domami: vozmozhnoe budushchee [Management of Apartment Building], *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2020, no. 5 (224), pp. 20–24.

7. Ershova T.V., Kreychman F.S. Problemy kollektivnogo upravleniya resursom sovместnogo pol'zovaniya (po rabotam Nobelevskogo laureata 2009 g. E. Ostrom) [Problems of Team Management of a Shared Resource (based on the work of E. Ostrom, Nobel Prize winner in 2009)], *Ekonomika v promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2010, no. 4, pp. 8–13.

8. Belova E. V. Sovremennye potrebnosti v obespechenii vzaimodeystviya v sisteme upravleniya obshchim imushchestvom MKD [Modern Needs in Ensuring Interaction in the System of Management of the Common Property of Apartment Building], *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v pedagogicheskom obrazovanii* [Information and Communication Technologies in Teacher Education], 2024, no. 3 (90), pp. 1–5.

9. Smirnyagin N.S. Formirovanie effektivnogo sobstvennika: na puti k stanovleniyu [The Formation of an Effective Owner: On the Way to Becoming], *Modern Economy Success*, 2023, no. 4, pp. 116–121.

Информация об авторах

Баталов Алексей Геннадьевич — соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация. E-mail: batalov.alexey@bk.ru

Дигилина Ольга Борисовна — доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация. E-mail: o.b.digilina@mail.ru

Information about the authors

Alexey G. Batalov — Applicant for a Scientific Degree of Candidate of Economic Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation. E-mail: batalov.alexey@bk.ru

Olga B. Digilina — Doctor of Economic Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation. E-mail: o.b.digilina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.

Научная статья
УДК 332.1
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-77-85
EDN RHYUDM

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ТРИЗ

Цянь Синь¹, Юрий Александрович Саликов²

^{1,2} Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Российская Федерация

¹ wzymcbymb2022@gmail.com

² saural@rambler.ru

Аннотация. Ускорение процесса урбанизации способствует развитию современных агропромышленных технологий и научных методов управления, но неизбежно приводит к миграции сельского населения в города и сокращению площади пахотных земель, что усложняет производство продовольствия. Для балансирования темпов городского развития и обеспечения продовольственной безопасности при работе с ключевыми факторами (земля и труд), рационального использования ресурсов и обеспечения стабильных поставок продовольствия рекомендуется использовать инструментарий теории решения изобретательских задач.

Ключевые слова: урбанизация, продовольственная безопасность, разрешение противоречий, инструментарий ТРИЗ

Для цитирования: Цянь Синь, Саликов Ю. А. Решение проблем обеспечения продовольственной безопасности в процессе урбанизации с помощью инструментария ТРИЗ // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 77—85. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-77-85. EDN RHYUDM.

Economic research

Original article

SOLVING THE PROBLEMS OF ENSURING FOOD SECURITY IN THE PROCESS OF URBANIZATION USING THE TOOLS OF TRIZ

Qian Xinyi¹, Yuri A. Salikov²

^{1,2} Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation

¹ wzymcbymb2022@gmail.com

² saural@rambler.ru

Abstract. The acceleration of urbanization contributes to the development of modern agro-industrial technologies and scientific management methods, but inevitably leads to the migration of the rural population to cities and a reduction in the area of arable land, which complicates food production. It is recommended to use the tools of the theory of inventive problem solving to balance the pace of urban development and ensure food security when working with key factors (land and labor), rational use of resources and ensuring stable food supplies.

Keywords: urbanization, food security, resolution of contradictions, TRIZ tools

For citation: Qian Xinyi, Salikov Y.A. Solving the Problems of Ensuring Food Security in the Process of Urbanization Using the Tools of Triz. *Territory Development*. 2025;(2):77—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-77-85>. <https://elibrary.ru/rhyudm>.

Введение

Урбанизация является важным двигателем современного экономического развития, обеспечивающим более 80 % мирового ВВП [1]. С ускорением урбанизации повышается и без

того приоритетная роль городов в стимулировании экономического роста стран. В частности, в городах концентрируется экономическая активность, разнообразные и многочисленные трудовые ресурсы, а связи

между отраслями становятся гораздо теснее, что позволяет предприятиям работать более эффективно и быстрее реагировать на запросы рынка. Города также предоставляют больше возможностей для разделения труда, что способствует специализации и повышению производительности. Например, отдельные города Шэньчжэнь (Китай) и Цюрих (Швейцария), хотя их население составляет всего 1—4 % от населения страны, в которой они находятся, обеспечивают до 20 % ВВП страны, что демонстрирует высокую экономическую мощь этих городов [2].

Развитие урбанизации зависит от стабильного обеспечения ключевыми природными ресурсами, в том числе топливом, пресной водой и продовольствием [3], при этом наиболее важным и базовым ресурсом является земля. Вместе с тем постоянное сокращение площади пахотных земель в процессе урбанизации становится все более заметным и тревожным трендом. Исследования ООН показывают, что к 2030 г. глобальная урбанизация может привести к сокращению пахотных земель на 1,8—2,4 %, а также к снижению урожайности на 3—4 %, что может стать серьезной угрозой для глобальной продовольственной безопасности [4]. Согласно оценкам Максима Тореро и его коллег, снижение урожайности на 1 % может привести к увеличению мировых цен на продовольствие примерно на 4—5 %, а однопроцентное повышение цен приводит, в свою очередь, к росту численности бедных на 10 млн человек [5].

Вода и пища также относятся к наиболее ценным ресурсам, необходимым для поддержания жизни. Например, в Пекине и Мехико, несмотря на быстрый экономический рост, существует серьезная проблема нехватки воды [6]. При этом ежедневное потребление воды в Пекине составляет около 3,5 млн м³. В сельских районах Лагоса, расположенного в Африке, средний уровень потребления воды составляет всего 40—60 л на одного человека в день. Согласно исследованиям Всемирного банка, в развивающихся странах городские жители потребляют в три раза больше воды, чем сельские жители [7].

Кроме нехватки продовольственных ресурсов, урбанизация оказывает негативное воздействие на окружающую среду: в частности, она вызывает утрату биоразнообразия и способствует разрушению экосистем. Расширение городов не только приводит к захвату значительных сельскохозяйственных

площадей, но и оказывает огромное давление на природные экосистемы, увеличивает загрязнение воздуха и водных ресурсов. Загрязнение воздуха является одной из самых серьезных угроз здоровью во всем мире, особенно в регионах с быстрыми темпами урбанизации. Так, по оценкам Всемирной организации здравоохранения, 86 % городов по всему миру имеют уровни загрязнения воздуха, превышающие безопасные нормы, а к 2050 г., согласно прогнозам, загрязнение воздуха станет основной причиной преждевременной смертности среди городских жителей [1].

Таким образом, процесс урбанизации не только открывает возможности для экономического и социального развития, но и приносит множество сложных и непримиримых противоречий, которые носят многоуровневый характер и затрагивают как качество жизни отдельных граждан, так и социальную стабильность и сбалансированное экономическое развитие регионов самых разных государств. В конечном итоге регионы связаны со стратегическим планированием развития всей страны. Как правильно разрешить эти противоречия и сбалансировать интересы всех действующих сторон, одновременно продвигая процесс урбанизации и используя его сопутствующие преимущества? Так, успешное разрешение этой проблемы позволит создать условия для национального процветания и благосостояния людей.

Цель данной работы — выявить и проанализировать основные приоритетные факторы влияния урбанизации на продовольственную безопасность, используя инновационные подходы и принципы известной теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) для выработки программных мер, которые позволят урбанизации и продовольственной безопасности эволюционировать совместно и результативно.

Основные результаты

Характер влияния урбанизации на продовольственную безопасность является весьма дискуссионным и неоднозначным по целому ряду причин. В частности, суть урбанизации заключается в перемещении людей из сельских районов в города. Ее влияние на сельскохозяйственную рабочую силу двояко: урбанизация способствует быстрому росту обрабатывающей промышленности и сферы услуг, а города предоставляют больше возможностей для трудоустройства. Более высокие ожидаемые доходы заставляют сель-

скохозийственную рабочую силу перемещаться в города и находить себе применение во вторичных и третичных отраслях [8]. Поскольку большинство мигрирующего населения обладает высоким человеческим капиталом, это приводит к сокращению сельского населения и нарушению демографической структуры сельского сообщества, что, в свою очередь, негативно сказывается на продовольственной безопасности.

Кроме того, высокой актуальностью и противоречивостью обладает проблема, связанная с сельскохозяйственными пахотными землями. В научной сфере широко распространено мнение, что урбанизация является одной из важных причин сокращения пахотных земель [8 ; 9], сопровождающегося превращением значительных площадей пахотных земель (особенно высококачественных в пригородных зонах) в промышленные, инфраструктурные и жилые зоны. С одной стороны, общественная инфраструктура города значительно улучшается, а качество жизни горожан существенно повышается, с другой стороны, из-за нехватки пахотных земель сокращается производство продуктов питания и проблема продовольственной безопасности становится все более острой.

Таким образом, наличие множества сложных противоречий, характерных для процесса урбанизации, обуславливает необходимость применения соответствующих методических подходов для их разрешения. По нашему мнению, одним из таких подходов, позволяющих наиболее точно выявлять, формулировать, идентифицировать и разрешать сложные проблемы, является применение теории решения изобретательских задач, известной в литературе уже около полувека [10 ; 11], но не получившей до сих пор всеобщего признания в качестве универсального (междисциплинарного) инструментария к поиску креативных решений трудно решаемых проблем.

Изначально данная теория была разработана Г. С. Альтшуллером как система полезных методов для решения проблем в технических системах [10 ; 11], однако впоследствии благодаря своей универсальности и эффективности получила достаточно широкое распространение не только в разных областях инженерных знаний, но и во многих нетехнических сферах, включая медицину, бизнес, маркетинг, педагогику и др. В настоящее время ТРИЗ, сохраняя свое первоначальное

название, превратилась в системную методологию целенаправленного поиска и принятия решений относительно сложных проблем, связанных с развитием технических, социальных, экономических, биологических и других систем, в силу чего, на наш взгляд, может быть успешно использована и для решения проблем, связанных с урбанизационными процессами.

Одним из наиболее известных и применяемых инструментов ТРИЗ является группа универсальных приемов, включающая 40 инновационных принципов разрешения системного противоречия. Подбор наиболее подходящего приема (или нескольких приемов) осуществляется с помощью симметричной матрицы конфликтов по 39 наиболее характерным параметрам (факторам), связанным с развитием и функционированием объекта анализа (системы). Системное противоречие возникает тогда, когда попытки улучшить один важный фактор анализируемой системы приводят к ухудшению другого альтернативного фактора. Комбинация этих двух альтернативных факторов образует матрицу конфликтов.

Рассмотрим фрагмент такой матрицы: абсцисса — представляет собой параметр улучшения, а ордината — параметр ухудшения. Пересечение соответствующих позиций по осям абсциссы и ординаты указывает на рекомендуемый для решения конкретный прием (рис. 1).

Автор, используя методологические основы ТРИЗ и опираясь на опыт, накопленный в области теории и практики менеджмента, разработал дихотомическую модель разрешения системных противоречий. Согласно этой модели, процесс разрешения противоречия включает: описание исходной проблемной ситуации; разработку дихотомической мини-модели проблемной ситуации, определение системно-параметрического противоречия; построение мини-модели процедуры формулирования задачи; разработку мини-модели формулирования идеального конечного результата развития системы; анализ имеющихся ресурсов решения задачи; разработку амбивалентной мини-модели задачи и определение системно-функционального противоречия; разрешение системно-функционального противоречия; формирование вариантов практических решений, их оценку и определение приоритетности [12].

Параметры ухудшаемые		Параметры улучшаемые			
		Вес подвижного объекта	Вес неподвижного объекта	Длина подвижного объекта	...
		01	02	03	...
01	Вес подвижного объекта		—	Принцип антивеса Принцип динамичности Принцип использования пневмо/гидроконструкций Принцип отброса и регенерации частей	...
02	Вес неподвижного объекта	—		—	...
03	Длина подвижного объекта	Принцип антивеса Принцип динамичности Принцип использования пневмо/гидроконструкций	—		...
...

Рис. 1. Фрагмент матрицы разрешения противоречий (составлено авторами по: [10 ; 11])
A fragment of the matrix of resolving contradictions (compiled by the authors according to: [10 ; 11])

Применительно к анализируемой проблеме дихотомическая модель включает конфликтующую пару альтернативных факторов, характеризующихся соответствующими параметрами, гармонизация которых с помощью рекомендованных приемов ТРИЗ приводит к получению требуемых решений (принципов, рекомендаций). На наш взгляд, среди целого ряда выявленных параметров противоречий наиболее проблемными являются два противоречия: «урбанизация — пахотная земля» и «урбанизация — сельскохозяйственная рабочая сила».

В первую очередь рассмотрим противоречие «урбанизация — пахотная земля». Урбанизация привела к сокращению пахотных земель в результате их преобразования в промышленные, инфраструктурные и жилые. Сокращение высококачественных пахотных земель способствовало к снижению производства продуктов питания и повышению риска их недопоставок. При этом городская инфраструктура значительно улучшилась, расширив жилое пространство для горожан, а благодаря развитию различных видов транспорта и транспортных сетей существенно улучшилось логистическое обеспечение (рис. 2).

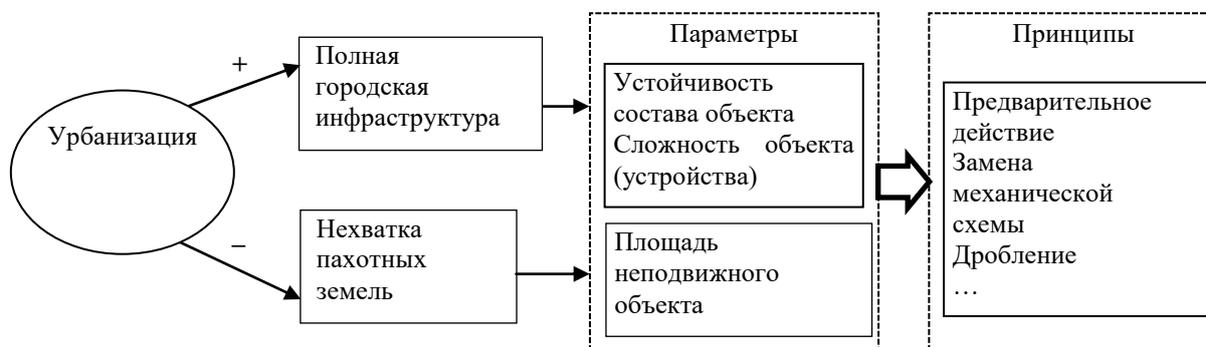

Рис. 2. Дихотомическая модель разрешения противоречия «полная городская инфраструктура — нехватка пахотных земель»: «+» — знак, обозначающий намерение существенным образом улучшить основной параметр системы; «-» — знак, обозначающий неизменное (закономерное) ухудшение одного параметра системы при существенном улучшении другого (составлено авторами по: [10 ; 11])

*Dichotomous model for resolving the contradiction «complete urban infrastructure - shortage of arable land»:
 «+» — a sign indicating the intention to significantly improve the main parameter of the system;
 «-» — a sign indicating the unchanged (natural) deterioration of one parameter of the system with a significant improvement in another (compiled by the authors according to: [10 ; 11])*

Для того чтобы качественно оценить параметр «полная городская инфраструктура», среди характерных параметров ТРИЗ был выбран параметр «устойчивость состава объекта», соответствующий эффективности функционирования города, и параметр «сложность объекта (устройства)», относящийся к городской системе, состоящей из ряда сложных систем, таких как транспортная система, система электроснабжения, система связи, система водоснабжения и очистки сточных вод. Для оценки параметра «нехватка пахотных земель» был выбран параметр «площадь недвижимого объекта» (величина изменения площади пахотных земель).

Объединив параметры «полная городская инфраструктура» и «нехватка пахотных земель», можно, согласно матрице противоречий ТРИЗ, найти соответствующее пересечение этих параметров.

Приведем некоторые инновационные принципы (приемы), которые могут быть применены в данной ситуации:

— предварительное действие (заблаговременное принятие мер по снижению риска снижения производства продовольствия);

— замена механической схемы (использование автоматизированного оборудования и технологий для снижения потребности в земле);

— дробление (разделение крупных участков земли на более мелкие и применение различных технологий для их эффективного использования);

— динамичность (использование динамического и регулируемого оборудования для оптимизации использования земли);

— изменение физико-химических параметров объекта (т. е. изменение параметров землепользования: например, вертикальное земледелие, земледелие на крышах и т. д.).

Комплексное применение этих ТРИЗ-решений позволяет сбалансировать противоречие между параметрами «полная городская инфраструктура» и «нехватка пахотных земель» в процессе урбанизации. Конкретные меры включают:

— продвижение новых сельскохозяйственных моделей, таких как вертикальное фермерство и фермерство на крышах, для увеличения производства продуктов питания на единицу площади;

— использование мобильных сельскохозяйственных объектов и интеллектуального сельскохозяйственного оборудования для повышения эффективности использования земли и производительности;

— применение гидропоники, аэропоники и точного земледелия для снижения зависимости от традиционных пахотных земель и повышения эффективности использования ресурсов;

— резервирование сельскохозяйственной земли в городском планировании для уменьшения негативного влияния урбанизации на сельское хозяйство путем заблаговременного планирования и управления рисками [12 ; 13].

Далее рассмотрим противоречие параметров «урбанизация» и «сельскохозяйственная рабочая сила». По мере урбанизации растет спрос на вторичные (промышленные) и третичные (сервисные) отрасли, что создает большое количество рабочих мест, а более высокие ожидаемые доходы привлекают сельское население к миграции в города, повышая эффективность производства и обслуживания в этих отраслях. Нехватка сельской рабочей силы приводит к ограничению численности населения, занятого в структурах сельскохозяйственного труда, и недостаточному количеству труда, направленного на производство продовольствия (рис. 3).

Для того чтобы выявить и качественно оценить варианты разрешения противоречия параметра «рабочие места — более высокие ожидаемые доходы», среди параметров характеристики ТРИЗ были выбраны параметры «производительность» (производительность во вторичном и третичном секторах) и «мощность» (рассматривается высокий ожидаемый заработок как важный стимул). Для качественной оценки параметра «ограничения на количество и структуру сельскохозяйственной рабочей силы» был выбран параметр «сила» (имеется в виду число людей, занятых в сельском хозяйстве).

Путем соединения параметров «рабочие места — более высокие ожидаемые доходы» и «ограниченное количество и структура сельскохозяйственного труда» находится соответствующее их пересечение согласно матрице противоречий ТРИЗ.

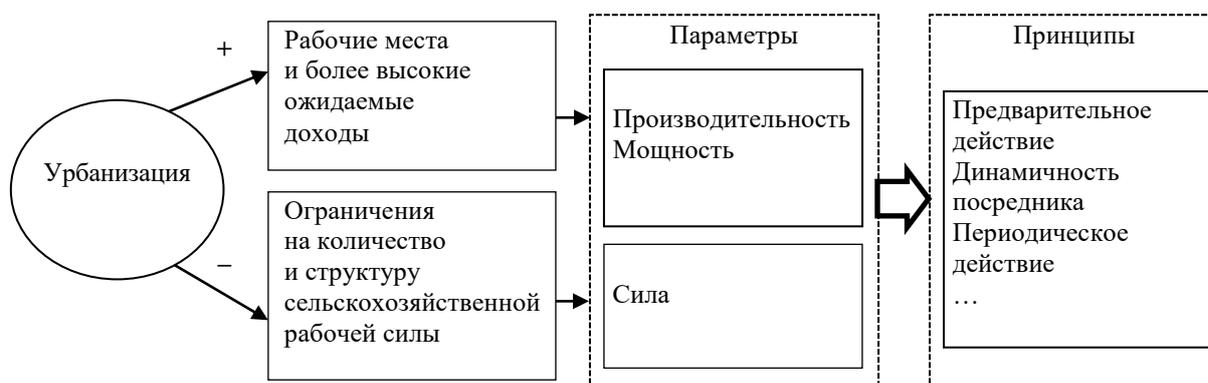

Рис. 3. Дихотомическая модель разрешения противоречий «рабочие места и более высокие ожидаемые доходы» и «ограничения на количество и структуру сельскохозяйственной рабочей силы»: «+» — знак, обозначающий намерение существенным образом улучшить основной параметр системы; «-» — знак, обозначающий неизменное (закономерное) ухудшение одного из параметров системы при существенном улучшении другого (составлено авторами по: [10 ; 11])

Dichotomous model for resolving the contradictions «jobs and higher expected incomes» and «restrictions on the number and structure of the agricultural workforce»: «+» — a sign indicating the intention to significantly improve the main parameter of the system; «-» — a sign indicating the unchanged (natural) deterioration of one of the parameters of the system with a significant improvement in another (compiled by the authors according to: [10 ; 11])

Приведем некоторые инновационные принципы (приемы), которые могут быть использованы в данной ситуации:

— предварительное действие (заблаговременное принятие мер по предотвращению нехватки рабочей силы);

— динамичность (использование гибкого распределения труда и динамических методов управления);

— посредник (привлечение сторонних ресурсов, таких как машины и автоматизированное оборудование, чтобы снизить зависимость человека от труда);

— периодическое действие (использование циклического графика работы для повышения эффективности труда);

— непрерывность полезного действия (улучшение использования рабочей силы благодаря непрерывной работе);

— замена механической схемы (снижение потребности в рабочей силе за счет механизации и автоматизации).

Совместное применение может способствовать балансу между параметрами «рабочие места — более высокие ожидаемые доходы» и «ограничения на количество и структуру сельскохозяйственной рабочей силы». Предлагаемые конкретные меры включают:

— обучение и образование (повышение технического и управленческого потенциала сельского населения в сельском хозяйстве и снижение влияния нехватки рабочей силы);

— политическую поддержку (привлечение рабочей силы в сельское хозяйство с помощью государственной поддержки);

— гибкое управление рабочей силой (создание механизма гибкого развертывания

рабочей силы, который регулирует распределение в зависимости от спроса);

— применение машин и автоматизированного оборудования (внедрение и продвижение сельскохозяйственной техники и автоматизированного оборудования для снижения зависимости от ручного труда);

— привлечение кооперативов и аутсорсинговых услуг (предоставление специализированной сельскохозяйственной техники и технической поддержки через кооперативы или аутсорсинговые услуги);

— применение системы севооборота и круглогодичных систем возделывания (повышение эффективности использования земли и введение непрерывного производства, а также снижение потребности в сезонной рабочей силе) [13 ; 14].

Таким образом, разработка и реализация на практике предложенного комплекса мер направлена на обеспечение согласованности и гармонизации противоречивых направлений (параметров) функционирования и развития сложных социально-экономических систем в современных динамичных условиях на примере решения проблемы продовольственной безопасности в рамках активного процесса урбанизации.

Заключение

Рост влияния урбанизации на продовольственную безопасность стал предметом пристального внимания многих научных исследований. С ускорением темпов глобальной урбанизации все больше сельских земель осваивается под городское строительство, сельскохозяйственная рабочая сила переме-

щается в города, обостряется конкуренция за водные ресурсы, и все это в совокупности создает серьезные проблемы для продовольственной безопасности.

Для углубленного анализа этих факторов в данной работе предложена аналитическая схема приоритетных факторов урбанизации с целью поиска решений, прежде всего в сфере обеспечения продовольственной безопасности. В качестве объекта анализа взяты ключевые промежуточные факторы процесса урбанизации, а для анализа противоречий между развитием урбанизации и продовольственной безопасностью использована матрица конфликтов как один из наиболее распространенных инструментов ТРИЗ. На основе углубленного анализа этих противоречий разработан и описан ряд инновационных предложений по обеспечению продовольственной безопасности в процессе развития урбанизации.

В частности, к таким предложениям относятся рекомендации по интенсивному использованию земли. В процессе урбанизации конкуренция за земельные ресурсы становится все более острой, в результате чего большие площади высококачественных пахотных земель оказываются занятыми под городское строительство, что ставит под угрозу продовольственную безопасность населения. В этой связи необходимо принять меры по сохранению и интенсификации использования земельных ресурсов. Эрозия пахотных земель должна быть максимально сокращена за счет оптимизации городского планирования и проведения грамотной политики землепользования. Чтобы полностью использовать городское пространство для производства продовольствия и ослабить давление, вызванное сокращением пахотных земель, следует продвигать новые сельскохозяйственные модели, такие как трехмерное сельское хозяйство и городское сельское хозяйство.

К приоритетным предложениям необходимо отнести и повышение качества сельскохозяйственной рабочей силы. По мере развития процесса урбанизации миграция из сельской местности в города становится неизбежной тенденцией, что приводит к нехватке сельскохозяйственной рабочей силы в сельских районах. Для того чтобы справиться с этой проблемой, оставшуюся в сельской местности рабочую силу необходимо обучить и переквалифицировать в профессиональных фермеров, повысить их сельскохозяйственные навыки и производительность труда. Чтобы уменьшить зависимость от человеческого труда и повысить уровень автоматизации сельскохозяйственного производства, можно внедрить механизацию сельского хозяйства и использовать интеллектуальное оборудование, тем самым компенсируя нехватку и недостаточную компетентность рабочей силы.

Результаты исследования также позволяют сделать ряд комплексных рекомендаций социально-политического характера, направленных на поддержку реализации указанных мер. Так, со стороны государства необходимо осуществлять усиленную ресурсную (в том числе финансовую) поддержку сельскохозяйственного производства, предоставлять специальные фонды и налоговые льготы, стимулировать социальный капитал к инвестированию в сельскохозяйственное производство и технологические инновации. В то же время государство должно совершенствовать экологическую политику, разрабатывать проекты и нормативно-правовые акты для защиты ресурсов пахотных земель, обеспечения потребности сельского хозяйства в воде и содействия устойчивому развитию аграрной сферы и концентрировать внимание на более успешной практической реализации ранее принятых программ, проектов, правовых актов и методических разработок.

Список источников

1. *Unlocking the Potential of Cities: Financing Sustainable Urban Development* / United Nations Human Settlements Programme. Nairobi, Kenya : UN-Habitat, 2023. 101 p. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/11/unlocking_the_potential_of_cities_-_financing_sustainable_urban_development_-_06-min.pdf (дата обращения: 01.12.2024).
2. *Pancakes to pyramids: City form to promote sustainable growth* / S. Lall et al. // World Bank, 2021.
3. *Hanson D. M.* World Resources: A guide to the global environment // Electronic Green Journal. 1995. Vol. 1, no. 3.
4. *Clark H., Wu H.* The sustainable development goals: 17 goals to transform our world. Furthering the work of the United Nations. 2016. P. 36—54.
5. *Kalkuhl M., Von Braun J., Torero M.* Food price volatility and its implications for food security and policy. Springer Nature, 2016. P. 626.

6. Li E., Endter-Wada J., Li S. Characterizing and contextualizing the water challenges of megacities // JAWRA — Journal of the American Water Resources. 2015. Vol. 51, no. 3.
7. Meroz A. A quantitative analysis of urban water demand in developing countries. International Bank for Reconstruction and Development, 1968.
8. Zhong F., Xiang J. The impact of urbanization on grain demand-an empirical analysis from the perspective of calorie consumption // Journal of Agrotechnical Economics. 2012. No. 1. P. 4—10.
9. Urban land expansion and arable land loss in China a case study of Beijing ;Tianjin-Hebei region / M. Tan, X. Li, H. Xie, C. Lu // Land use policy. 2005. Vol. 22, no. 3. P. 187—196.
10. Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука. М. : Сов. радио, 1979. 184 с.
11. Альтшуллер Г. С. Найти идею: Введение в теорию решения изобретательских задач. Новосибирск : Наука, 1986. 209 с.
12. Саликов Ю. А. Системно-функциональные факторы развития современного менеджмента и его инструментария : моногр. Воронеж : Науч. кн., 2008. 324 с.
13. Буторина Д. А., Ахтямов И. И. Объект городского фермерства как новое общественное пространство в современной России // Известия КазГАСУ. 2022. № 4 (62).
14. Оборин М. С. Повышение эффективности управления сельскохозяйственными услугами на основе внедрения цифровых технологий // Ars Administrandi. 2019. № 2.

References

1. Unlocking the Potential of Cities: Financing Sustainable Urban Development / United Nations Human Settlements Programme. Nairobi, Kenya : UN-Habitat, 2023, 101 p. Available at: https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/11/unlocking_the_potential_of_cities_-_financing_sustainable_urban_development_-_06-min.pdf (accessed: 01.12.2024).
2. Lall S. et al. Pancakes to pyramids: City form to promote sustainable growth, *World Bank*, 2021.
3. Hanson D.M. World Resources: A guide to the global environment, *Electronic Green Journal*, 1995, vol. 1, no. 3.
4. Clark H., Wu H. *The sustainable development goals: 17 goals to transform our world. Furthering the work of the United Nations*, 2016, pp. 36–54.
5. Kalkuhl M., Von Braun J., Torero M. *Food price volatility and its implications for food security and policy*. Springer Nature, 2016, pp. 626.
6. Li E., Endter-Wada J., Li S. Characterizing and contextualizing the water challenges of megacities, *JAWRA—Journal of the American Water Resources*. 2015, vol. 51, no. 3.
7. Meroz A. *A quantitative analysis of urban water demand in developing countries*. International Bank for Reconstruction and Development, 1968.
8. Zhong F., Xiang J. The impact of urbanization on grain demandan empirical analysis from the perspective of calorie consumption, *Journal of Agrotechnical Economics*, 2012, no. 1, pp. 4–10.
9. Tan M., Li X., Xie H., Lu C. Urban land expansion and arable land loss in China a case study of Beijing; Tianjin-Hebei region, *Land use policy*, 2005, vol. 22, no. 3, pp. 187–196.
10. Al'tshuller G.S. *Tvorchestvo kak tochnaya nauka* [Creativity as an Exact Science]. Moscow : Sov. radio, 1979, 184 p.
11. Al'tshuller G.S. *Nayti ideyu: Vvedenie v teoriyu resheniya izobretatel'skikh zadach* [Find an idea: Introduction to the Theory of Inventive Problem Solving]. Novosibirsk : Nauka, 1986, 209 p.
12. Salikov Yu. A. *Sistemno-funktional'nye faktory razvitiya sovremennogo menedzhmenta i ego instrumentariya* [System-Functional Factors of Development of Modern Management and its Instrumentation] : monogr. Voronezh : Nauch. kn., 2008, 324 p.
13. Butorina D.A., Akhtyamov I.I. Ob"ekt gorodskogo fermerstva kak novoe obshchestvennoe prostranstvo v sovremennoy Rossii [Urban Farming Facility as a New Public Space in Modern Russia], *Izvestiya KazGASU* [News of the Kazan State University of Architecture and Engineering], 2022, no. 4 (62).
14. Oborin M.S. Povyshenie effektivnosti upravleniya sel'skokhozyaystvennymi uslugami na osnove vnedreniya tsifrovoykh tekhnologiy [Improving the Agricultural Services Management Efficiency Through Digital], *Ars Administrandi*, 2019, no. 2.

Информация об авторах

Цянь Синь — соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Российская Федерация. E-mail: wzymcbymb2022@gmail.com

Саликов Юрий Александрович — доктор экономических наук, профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Российская Федерация. E-mail: saural@rambler.ru

Information about the authors

Qian Xinyi — Applicant for a Scientific Degree of Candidate of Economic Sciences, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation. E-mail: wzymcbymb2022@gmail.com

Yuri A. Salikov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation. E-mail: saural@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 09.02.2025; accepted for publication 02.04.2025.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

PAGES OF HISTORY

Развитие территорий. 2025. № 2. С. 86—101.
Territory Development. 2025;(2):86—101.

Страницы истории

Научная статья
УДК 330.8
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-86-101
EDN ZQOVDS

ПОЭЗИЯ РОССИЙСКОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЖИЗНИ И РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА СВЯТЛОВСКОГО

Михаил Львович Пятов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
mlpyatov@yandex.ru

Аннотация. Основываясь на концепции роли социально-психологического «портрета» ученого, выдвинутой известным ученым-экономистом Н. Д. Кондратьевым (1892—1938), в предлагаемой статье рассматриваются основные этапы жизненного пути выдающегося отечественного экономиста, одного из основателей профсоюзного движения в России — Владимира Владимировича Святловского (1871—1927); раскрывается становление Святловского как российского поэта серебряного века, подвергнутого довольно жесткой критике А. Блока. В статье дается описание участия В. В. Святловского в рабочем движении до и после революции 1905 г., раскрывается его роль в становлении российского профсоюзного движения, показывается развитие в его трудах проблематики неприглядного повседневного быта широких народных масс и их материального состояния как центральной темы политэкономических работ ученого, а также освещается «поэтическая» составляющая социально-экономических тезисов Святловского-марксиста.

Ключевые слова: экономика, профсоюзы, поэзия, квартирный вопрос, бытовая повседневность, идеализм, марксизм, социализм, вера

Для цитирования: Пятов М. Л. Поэзия российского профсоюзного движения в жизни и работах Владимира Владимировича Святловского // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 86—101. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-86-101. EDN ZQOVDS.

Pages of history

Original article

POETRY OF THE RUSSIAN TRADE UNION MOVEMENT IN THE LIFE AND WORKS OF VLADIMIR VLADIMIROVICH SVYATLOVSKY

Mikhail L. Pyatov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, mlpyatov@yandex.ru

Abstract. Based on the concept of the role of the socio-psychological “portrait” of a scientist, put forward by the well-known economist N.D. Kondratiev (1892—1938), the proposed article examines the main stages of the life path of the outstanding Russian economist, one of the founders of the trade union movement in Russia — Vladimir Vladimirovich Svyatlovsky (1871—1927); reveals the formation of Svyatlovsky as a Russian poet of the Silver Age, who was subjected to rather harsh criticism by A. Blok. The article describes V.V. Svyatlovsky’s

© Пятов М. Л., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

participation in the labor movement before and after the revolution of 1905, reveals his role in the formation of the Russian trade union movement, shows the development in his works of the problems of the unattractive everyday life of the broad masses and their material condition as the central theme of the political economic works of the scientist, and also highlights the “poetic” component of the socio-economic theses of Svyatlovsky-Marxist.

Keywords: economics, trade unions, poetry, housing issue, everyday life, idealism, Marxism, socialism, faith

For citation: Pyatov M.L. Poetry of the Russian Trade Union Movement in the Life and Works of Vladimir Vladimirovich Svyatlovsky. *Territory Development*. 2025;(2):86—00. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-86-00>. <https://elibrary.ru/zqovds>.

Вместо предисловия

Сложно переоценить ту роль, которую сыграла в XX в. в жизни нашего Отечества деятельность профсоюзов. Исходя из этого, представлен анализ работ одного из основоположников профсоюзного движения в России — Владимира Владимировича Святловского (1871—1927). Этот анализ важен для объективного понимания развития хозяйственной жизни страны и эволюции российской экономической мысли.

Как не устал повторять замечательный российский экономист Н. Д. Кондратьев, «каждая человеческая личность представляет из себя своеобразное единство. Каждая человеческая личность, впитывая в себя на протяжении своей жизни культурные влияния общественной среды, имеет ту или иную объективную общественную „стоимость”. Поскольку же она, претворяя в себе эти влияния и своеобразно комбинируя их, вместе с тем обогащает общество, увеличивает сумму общественных идей и переживаний своим творчеством, — она имеет ту или иную объективную общественную „ценность”» [1, с. 8].

Николай Дмитриевич подчеркивал, что «мы не можем понять, а следовательно, не должны и рассматривать человеческую личность, как бы она ни была велика, вне общественной среды, в которой сложилась и действовала эта личность. Процессы общественной жизни всегда находят то или иное отражение в переживаниях, идеях и судьбах личности. Эти процессы общественной жизни мы можем, конечно, рассматривать, и наука фактически рассматривает их, как таковые, как явления массовой, обезличенной общественной жизни. Но мы можем рассматривать их и сквозь призму той или иной личности, сквозь призму темперамента этой личности. И если, рассматривая процессы общественной жизни, как таковые, мы постигаем лишь механику средних, типизированных социальных величин и явлений, по существу чуждую конкретности и драматизма, то, рассматривая их сквозь призму личности, мы

уясняем их в конкретном воплощении, под вуалью непосредственных чувств, радостей и разочарований человека; мы можем если не понять, то почувствовать их драматизм» [1, с. 9—10].

Кондратьев также утверждает, что «живя и действуя десятилетия, в течение этого времени формируясь под влиянием общественной среды и оказывая влияние на эту среду, личность как бы связывает собой отдельные исторические эпохи, иногда очень отдаленные; связывает различные поколения, принимает „меч” от предшественников и передает „его” преемникам. И если, рассматривая общественные процессы и явления, как таковые, мы в состоянии понять формирование и смену средних и типичных культурных напластований и влияний, то, рассматривая их сквозь призму личности, мы можем уяснить конкретные формы и пути такого формирования и смены культурных явлений, конкретные каналы социальных влияний и идейных скрещиваний» [1, с. 10—11].

Далее он пишет: «Это с одной стороны. С другой стороны, рассматривая общественные процессы сквозь призму темперамента личности, мы, в силу своеобразия каждой личности и вытекающих отсюда особенностей преломления общественных явлений в личных переживаниях и действиях, получаем в результате более многогранное и глубокое представление об этих процессах. И та, и другая отмеченная сторона содержания нашего интереса, с которым мы обращаемся к жизни выдающейся личности, с очевидностью показывает, что, идя таким путем, мы обогащаем, расширяем и углубляем наше понимание общественных явлений» [1, с. 11].

В данной статье мы, исходя из концепции роли социально-психологического «портрета» ученого, как его понимал Н. Д. Кондратьев, предлагаем обратиться к работам В. В. Святловского, в которых экономист описывал ту социальную среду, которая во многом и позволила сформироваться его взглядам.

Мечты и их воплощение

Иногда бывает так, что мечтает человек об одном, а сбывается в его жизни совсем другое, но проходит после этого некоторое время, и все понимают, что сбылось именно то, чему сбыться и было суждено, и это всегда к лучшему.

Так случилось с жизнью и мечтами замечательного русского экономиста Владимира Владимировича Святловского.

Владимиру Владимировичу выпало жить во времена серебряного века — периода расцвета русской литературы и искусства, с его символизмом, декадентством, метаниями душ, трагедиями революций, мечтами футуризма и т. д. Это были времена беспредельно поэтичные. И, конечно, Владимир Святловский — юный российский интеллигент, выходец из обеспеченной и прогрессивной семьи, московский гимназист и мюнхенский студент ну просто не мог не мечтать быть Поэтом. И мечтал он не просто «писать стихи», как это делало большинство его сверстников, но быть Поэтом, повелителем душ и обитателем мечтаний. И он будет писать стихи. Его кумиром станет Бальмонт. Стихи он будет писать всю жизнь, но по робости и застенчивости своей только дважды, в 1916 г. и 1917 г., наконец, решится и издать их в Петрограде в двух поэтических сборниках.

Для первого сборника стихов требовалось оригинальное, запоминающееся, чрезвычайно символическое название, и Владимир Святловский назовет его «Янтари» [2]. В библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) бережно хранится экземпляр этого издания с дарственной надписью от автора профессору Ивану Ивановичу Лапшину¹.

¹ Вот, что рассказывает о И. И. Лапшине «Биографика» СПбГУ: «Лапшин Иван Иванович (1870—1952) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1893). С 1900 г. вел занятия по логике в Александровском лицее. Читал лекции по психологии на Высших женских курсах. После революции был выслан из РСФСР на „философском пароходе“. С 1922 г. до самой смерти являлся профессором Русского юридического факультета в Праге. <...> С 1923 по 1925 г. Лапшин был участником „Збраславских пятниц“, встреч русских ученых-эмигрантов в пригороде Праги Збраславе. Возглавлял действовавшее при Русском народном университете философское общество, руководил кружком по изучению психологии творчества. Известно, что после войны предпринимал попытки возвращения в Советский Союз. Входил в кружок молодых людей, собиравшихся вокруг Н. А. Римского-Корсакова. Л. являлся активным членом философского общества при Петербургском университете. Также был действительным членом Психологического общества при Московском университете. <...> Признанный специалист по теории творчества и истории философии. Развивал критическую философию И. Канта. Стре-

Название, в лучших традициях поэтических сборников, должно было быть соответствующим образом объяснено. Так появляется пролог:

Гонит светоч зари —
Тени мгlistые,
Спрятан стих в янтари
Золотистые

Затонувшей сосны,
Слезы смольные —
Превращаются в сны,
В песни вольные.

Ими ныне, как встарь,
Я, взволнованный,
Воспеваю янтарь
Зачарованный [2, с. 7].

Поэту эпохи декадентства, конечно, полагается быть отвергнутым. Так перед нами возникает стихотворение «Прочь янтари!»:

Капризница не любит янтарей, —
Мерцанье их ее не привлекает, —
Слезами северных морей
Ее запястье не играет.

Темнеющий лазурностью глубин
Ее сапфир — заметнее и строже.
Кровавый мстительный рубин
Ей скромных янтарей дороже.

Жеманною и тонкою рукой
Жемчужины не сменит на опалы,
И, сторонясь от колец с бирюзой,
Презрительно смеется на кораллы [2, с. 8].

И что остается отвергнутому поэту? Конечно же «Образ Прекрасной Дамы», почти бестелесный, почти бескровный, Прекрасной Дамы, которая никогда не отодвинула бы от себя «янтарей», но которая, конечно же, в силу злого рока укрытая за древними мшистыми стенами монастыря, доступна лишь только умственному взору Поэта. Ну и в руках у нее, конечно же, с 1914 г. не может быть

мился обосновать невозможность метафизики как науки. Размышления над проблемой солипсизма привели Л. к мысли о невозможности непосредственного восприятия чужого „Я“ и невозможности доказательства его трансцендентальной реальности. Важен вклад Л. в теорию и историю культуры, а также в анализ философского наследия таких писателей, как А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский». См.: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/420-lapshin-ivan-ivanovich.html>

ничего иного, кроме... «четок» (!), ну и, конечно же, в данном случае — янтарных:

В глуши, в обители, за мшистыми
стенами, —
Широк и светел немощный двор.
Струится ладан древними волнами
И строен радостный девичий хор.

Икона темная у ветхого порога,
Созвездья куполов уходят в небеса.
Из-под платка, повязанного строго,
Глядят в упор суровые глаза.

Всегда смиренные ее движенья —
кротки,
Прозрачна белизна ее бескровных рук.
В руках янтарные не дрогнут четки
И сдвинутых бровей не дрогнет круг [2, с. 9].

Как можно предположить, Святловский, воодушевленный успехом у благодарных одаренных сборником читателей, на следующий год выпускает новый сборник своих стихов, назвав его «Седые города», среди которых, конечно же, любимый Петербург:

...Колдунья-ночь несет похмелье
Несбыточных неясных снов,
Рассыпанное ожерелье
Давно померкших жемчугов.
Немые дали — акварелью
Покрыты в нежный полутон.
Нева гранитной колыбелью
Качает отблески колонн...¹

И тут, на беду, сборник попадает А. Блоку, который, не сдержавшись, дает на них вот такой отзыв: «В стихах Святловского нет оригинальности, нет и свежести; они детски-беспомощны; много знанья внешнего, никакого опыта внутреннего: оттого — разнообразные на первый взгляд по размеру, они очень бедны ритмически. Все полно метафор, большей частью совершенно банальных: „слово — пламень, слово — лед“, „пробить ступени по террасам творчества“; „острота отравы“; недопустимые неумелости: „осыпались листья, увяли мои розы“; недопустимые шаблоны: „грёзовый туман“; старомодное декадентство („пес дерзанья“, „безбрежности нерадостный чертог“) рядом с детскими перепевами Пушкина. Перечисляя все, что он любит в городе, Святловский

в заключение аккуратно говорит: „И наконец люблю я...“ Кому придет в голову назвать церковный благовест — исканием! Одно из двух: или об этом нужно долго и натруженно думать, или — быть русским интеллигентом. Стихи Святловского — это и есть стихи русского интеллигента, то есть нечто во многих отношениях милое в домашнем обиходе (как, например, самые корявые стихи о звездах), но возмутительное, нестерпимое, если увидишь это в печати» [3, с. 79].

«Больше Владимир Владимирович своих стихов не публиковал. Но вот если нашему герою при всей поэтичности его природы так и не удалось, как его литературным кумирам, увидеть за обыденностью то, что удовлетворило бы взыскательным требованиям А. Блока, ему удалось разглядеть в этой самой обыденности то, что, может быть, с такой ясностью не видел почти никто — огромную трагедию экономического быта широких масс населения и влекомые этой трагедией более чем грозные ее развязки. Со всей страстью своей пылкой природы, со всем усердием вдохновленного идеей русского интеллигента, со всей силой своего таланта Святловский посвятил себя изучению социально-экономических проблем хозяйственного быта широких слоев общества, теории и практики „рабочих организаций“, став одним из основателей профсоюзного движения в России. Выдвинув вопрос экономики хозяйственного быта масс, Владимир Владимирович через все свои экономические работы красной нитью провел утверждение, согласно которому „экономические идеи являются продуктом среды, в которой они возникают“» [4, с. 3].

Так судьбе было угодно, что отняв у нас В. В. Святловского — поэта серебряного века, она подарила нам В. В. Святловского — выдающегося ученого-экономиста конца XIX — начала XX в.

Но, обо всем по порядку. Не одна лишь рецензия Блока, но и все обстоятельства судьбы Святловского стали творцами его как ученого-экономиста.

С народом

Интересную картину начала общественной деятельности В. В. Святловского рисует в статье, посвященной его жизненному пути, А. Г. Герваш — главный редактор журнала Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Единство» [5].

«Уроженец Петербурга, он [Святловский] закончил гимназию в Москве. Осенью

¹ Цит. по: URL: <https://web.archive.org/web/20170327060701/http://www.torgedin.ru/sviatoslavski.html>

1890 года, отвергнув мольбы родителей, двенадцатилетний Владимир уехал из московского дома семьи в Петербург, по его собственным воспоминаниям: „для работы в Публичной Библиотеке на условиях самостоятельного заработка, чего требовала выработанная мной программа практической жизни и поведения. Это была смесь ригоризма со стоицизмом, смутная ненависть к буржуазной изнеженности и извращенности и стремление к простой и трудовой жизни. Я ходил в поддевке, грубых сапогах и кожаной фуражке, старался спать без матраца на досках, есть только самое простое и необходимое. От денежной помощи матери я решительно отказался и жил на скудный заработок» [5].

Вера Карелина вспоминала: «Молоденький Святловский отличался большой простотой и очень нравился рабочим. Сам он очень нуждался и жил у рабочего в коммунальной квартире»¹ [5].

Как вспоминал сам Святловский: «Мне нашлось пристанище в д. № 7 по Рижскому проспекту, в квартире Василия Ивановича Иванова, столяра Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне „Гознак“). Иванов был добрый и вдумчивый человек, сочувствовавший движению, за него в одно время „пострадавший“. С ним я многие годы не прекращал дружбы и всегда с удовольствием слушал его ровную и обстоятельную речь, излагавшую нужды и переживания его Экспедиции.

Устроить меня на работу было очень трудно. Мастерства я никакого хорошо не знал, а близорукость, требовавшая ношения очков,

¹ Напомним, Вера Марковна Карелина (в девичестве Маркова; 1870 — после 1925) — деятель российского рабочего движения, одна из лидеров Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга, соратник Георгия Гапона — священника Русской православной церкви, политического деятеля и профсоюзного лидера, оратора и проповедника. Гапон — создатель и бессменный руководитель рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», организатор январской рабочей забастовки и массового шествия рабочих к царю с петицией, закончившегося расстрелом рабочих и положившего начало Первой русской революции 1905—1907 гг. После 9 января 1905 г. — деятель русской революционной эмиграции, организатор Женевской межпартийной конференции 1905 г., участник неудавшейся подготовки вооруженного восстания в Санкт-Петербурге с помощью оружия с парохода «Джон Графтон», основатель революционной организации «Все-российский рабочий союз». После возвращения в Россию в октябре — ноябре 1905 г. — руководитель возрожденного Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга, союзник графа Витте, сторонник реформ, провозглашенных Манифестом 17 октября. В марте 1906 г. убит в Озерках группой боевиков-эсеров по обвинению в сотрудничестве с властями и предательстве революции.

а также весь мой общий вид, мой интеллигентский образ мало изменялся и в рабочем костюме. К тому же я не хотел порывать и с работой в библиотеке. Перерядив меня в „настоящее“, мои новые товарищи долго смеялись нелепому виду моей интеллигентской беспомощности. Вопрос о заводе был временно отложен.

Через несколько дней я впервые отправился в „кружок“. Как сейчас помню плохо освещаемые улицы и какие-то проходные дворы в Коломенской части, через которые, почти крадучись, шел на квартиру рабочего Экспедиции кузнеца Егора Афанасьева, у которого должны были проходить занятия. В довольно просторной комнате — Егор в качестве кузнечного подмастерья хорошо зарабатывал и имел неплохую квартиру — собрались рабочие. Выяснилось, что естествознание в кружке несколько хромало. У рабочих было большое желание учиться, получить сведения о строении земного шара, о древности человека. Я взялся к следующему разу приготовить небольшую лекцию по геологии.

Занятия в кружке, новые знакомства и особенно жизнь на квартире столяра Иванова дали мне возможность сблизиться с рабочими, а затем и приглядеться к целому ряду кружков» [цит. по: 5].

А вот как характеризуется жизнь Святловского в те годы сотрудниками «Биографика» СПбГУ: «Активный участник революционного движения. Член группы Бруснева, одной из первых отечественных социал-демократических организаций (1889—1892 гг.), созданной группой петербургских студентов. Читал лекции в рабочих кружках. Участвовал в первых маевках в России — в Екатерингофском парке (1891 г.) и на Крестовском острове (1892 г.). Преследуемый полицией, эмигрировал в Германию, где продолжил обучение. Вернулся в Россию в 1898 г., стал участником социально-демократического движения, примыкал к меньшевикам»².

Квартирный вопрос

В 1898 г. в Санкт-Петербурге выходит монография Святловского «Квартирный вопрос», судя по обложке книги, изданная им на собственные средства. Ее выходу в свет предшествовали статья Владимира Владимировича «Введение в изучение квартирного вопроса» (Русская мысль, 1896 г., книги IV и V) и доклад, сделанный 20 января 1895 г. на заседа-

² Цит. по: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

нии Московского гигиенического общества на тему «Постановка квартирного вопроса на Западе и некоторые новейшие по нему исследования» [6, с. 7].

Святловский был активным участником революционного движения. Он всем сердцем переживал за унижительное в повседневном бытовом его содержании существование подавляющего большинства своих сограждан.

«Население больших городских центров России, — писал в предисловии к своей работе Владимир Владимирович, — очутилось в последние годы в таких тяжелых квартирных условиях, что вопрос о жилище стал одной из наиболее жгучих злоб дня повседневной практической жизни. <...> Жилище главной массы населения, приближаясь к логовищу австралийского дикаря, является чем-то невозможным с точки зрения самой снисходительной гигиены» [6, с. 1—2].

Далее он пишет: «Наши экономические пертурбации вызвали передвижение деревенского населения, крестьяне пошли в города и фабричные районы, поместное дворянство и быстро разросшаяся буржуазия переполнили городские центры. Вскоре городское население оказалось несоответствующим количеству имевшихся в наличии помещений, и не смотря на периоды строительной горячки, наши города, и без того не удовлетворявшие естественному приросту народонаселения, совершенно не справились с размещением новых масс пришлого населения. Не помогли и во множестве появившиеся меблированные комнаты и гостиницы. Недостаточная и мало зажиточная часть населения была вытеснена на 5 или 6 этажи, или в подвалы, или принуждена была совсем переселиться из центральных частей в предместья и даже более или менее отдаленные „дачные“ местности. Здесь дачи на скорую руку переделывались в „зимние“ помещения, то есть прибавлялись лишние рамы, плохенькие наматы, пара железных печей, за что спрашивалась высокая квартирная плата по контракту. И вот, изящные летние резиденции богатых горожан обратились в квазидешевые городки и убогие колонии для недостаточного населения» [6, с. 2].

Возмущаясь тяжким положением городского бедного люда, Святловский пишет: «Нечего говорить, что помимо всего иного, эти колонисты „поневоле“ расквитаются своим здоровьем за эту вынужденную экскурсию и мнимую экономию.

Подъезжая утром к нашим столицам, мне не раз, и особенно под Петербургом, прихо-

дилось видеть таких зимних дачников, спешивших по своим делам в город. При общей архаичной организации наших железных дорог, при дороговизне подгородного тарифа, при малочисленности поездов и недостаточности места в них, такие ежедневные путешествия должны быть крайне тяжки для вынужденных к тому и сопряжены, помимо значительной потери времени, с громадными культурными лишениями. Особенно страдают при таком порядке чиновники, служащие в частных предприятиях, приказчики, учащаяся молодежь, лица, живущие пенсией или небольшими сбережениями, — словом, весь тот многочисленный класс нашего городского населения, который, при известной высоте культурного развития, стоит в материальном отношении на границе между скромным достатком и хронической нуждой» [6, с. 3].

Далее Святловский продолжает: «Но, конечно, и положение тех, кто приютился в центральных частях города, отнюдь не из завидных. Крайняя дороговизна квартир поглощает львиную долю наших все еще крайне скромных заработков, и квартирная плата является, вопреки всяким логическим и экономическим требованиям, важнейшей статьей нашего бюджета. Законно обставленная и юридически оправдываемая кабала квартирантов у их домовладельцев также факт общеизвестный. Отсутствие конкуренции или невозможность обуздания господ домовладельцев делает их контракты, „заключаемые по свободному взаимному соглашению“, какой-то своеобразной кабальной запродажей себя, семьи и всей своей личной жизни. Это какой-то новый вид скрытого экономического и политического рабства, в котором ряд общественно бесполезных ограничений личной свободы играет немаловажную роль. Система штрафов за просрочку квартирной платы, взимаемой обязательно вперед, двух- и трехгодичные контракты, запрещение совместного сожительства с собаками, кошками, студентами и даже нашими детьми, всяческое переложение расходов домовладельца на его квартирантов — вот одни из главнейших перлов „свободного обоюдного соглашения сторон“» [6, с. 3—4].

С ужасом Святловский пишет: «Но, помимо отрицательных экономических и юридических мотивов, необходимо упомянуть о несоответствии квартир не только с самыми скромными требованиями гигиены и хозяйственности, но и просто здравого смысла. Квартиры „для чистых жильцов“ с одним

входом по неосвещенным лестницам, без передней и помещения для прислуги и без иных необходимых принадлежностей, комнаты без печей и окон, сырые и мрачные, — отнюдь не редкость в центрах наших больших городов. Помещения же для прислуги, дворников и швейцаров, подвальные жилища, казармы для рабочих, квартиры ремесленников и ночлежные дома — представляют из себя нечто поистине ужасное во всех смыслах» [6, с. 4].

Владимир Владимирович делает вывод о том, что «квартирные неурядицы затрагивают все слои городского населения, не исключая косвенно и самые зажиточные. Последнее потому, что комфорт и изящество изолированных богатых домов не спасает их обитателей от тех эпидемий, которые исходят из нездоровых логовищ бедноты. Они, так сказать, косвенно расквитываются за индифферентизм к окутывающему город квартирному бедствию» [6, с. 4].

Приведенные Святловским в книге данные о фактическом уровне жизни жителей российских городов производят чрезвычайно безрадостное впечатление. Так, например, Владимир Владимирович отмечал, что по данным на 1898 г., «в средней петербургской квартире живет 7 человек, на одну комнату, считая кухню и прихожую, приходится в среднем 1,6 человека. Всего теснее квартиры в подвалах, где на комнату приходится по четыре жителя. Квартир с водопроводом насчитывается в 1890 году 60 % общего числа; с ватерклозетами — 49 %, с ваннами — 10 %» [6, с. 21].

Далее Святловский пишет: «Исследования петербургских санитарных врачей, изданные в 1897 году, рисуют крайнюю неприглядность квартир недостаточного населения столицы» [6, с. 22].

Знакомясь с «Квартирным вопросом» Святловского, мы как будто вчитываемся в строки его кумира Бальмонта:

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бедные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.
<...>

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы [7, с. 108].

Интересны наблюдения Владимира Владимировича и о жилище русского крестьянина. Так, «в деревнях, — писал он, — квартирный вопрос в громадном большинстве случаев выражается в более мягкой форме, так как у самого бедного безлошадного и безземельного крестьянина есть своя изба, свой угол. Для крестьянина, таким образом, отпадают те стороны квартирного вопроса, которые связаны с созданием жилищ или высотой квартирной платы. Зато в деревне усиленно хромает санитарно-технологическая сторона дела, которая не искупается ни идиллической обстановкой, ни живописными пейзажами, ни просторами летних экскурсий для сна под стога, в овины, в светелки и пр.

Крестьянское жилище очень консервативно, из столетия в столетие наблюдается тот же тип постройки. Характер стройки также почти не меняется в различных районах нашего обширного отечества. И бревенчатая изба великорусса и обмазанная белая хата хохла — по сути одно и то же примитивное жилище далекого от культуры человека» [6, с. 64—65].

Как повествует «Библиографика» СПбГУ, «в 1901 году В. В. Святловский в качестве приват-доцента начинает читать лекции по истории политической экономии в Петербургском университете. Одновременно с началом работы в университете в 1901 г. он устраивается на службу в статистическое отделение министерства земледелия, а в 1903 г. переходит на работу в министерство финансов, где становится заведующим статистическим делопроизводством»¹.

1905 год

В своей статье А. Г. Герваш пишет, что «бурные события, развернувшиеся в 1905-м, стали поистине звездным часом для молодого и энергичного ученого. Он преподавал экономику в университете, читал лекции в Военно-медицинской академии, служил в министерстве торговли и промышленности. Но немногим было известно, что в столице России нет второго такого крупного специалиста по истории, теории и практике профессионального движения, как приват-доцент Святловский. И вдруг открылись для него еще вчера немислимые, широкие возможности легального практического участия в работе профсоюзов» [5].

¹ Цит. по: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

Напомним, Высочайший Манифест Николая II от 17 октября 1905 г., в частности, гласил:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи Нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы Нашей.

Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [8].

Естественно, что сначала В. В. Святловский становится членом союза преподавателей институтов, который был назван «академическим» [5].

В Петербурге Святловский проживал по адресу: Конногвардейский бульвар, 15¹ [9].

¹ Стоит отметить, что история названий этой улицы непосредственно связана с событиями, происходившими дома у Владимира Владимировича. В 1717 г. от земляных валов Адмиралтейства до реки Мойки был прорыт канал, который назывался Прядильным, а затем Адмиралтейским. Этот канал служил транспортной артерией между Адмиралтейством, прядильными и канатными фабриками и складами. В 1842 г. канал заключили в трубу, а на его месте устроили широкий бульвар. Недалеко от него в то время были расположены казармы, манеж и конюшни лейб-гвардии конного полка. Поэтому бульвар называли Конногвардейским. Конногвардейский бульвар 7 ноября 1918 г. был переименован в бульвар Профессиональных союзов, а в 1923 г. — в бульвар Профсоюзов. Конногвардейский бульвар выходил к Благовещенской площади, которая в 1918 г. была переименована советскими властями в площадь Труда. Находившийся на Благовещенской площади Ксенинский институт благородных девиц (закрытое женское учебное заведение Российской империи, входившее в ведомство учреждений императрицы Марии, основанное в 1894 г.) декретом Совета Народных Комиссаров, подписанным Лениным 11 декабря 1917 г., был передан как Дворец Труда Петроградскому совету профессиональных союзов «для нужд профессиональных организаций». А 4 октября 1991 г. этой столь важной в жизни Святловского улице было возвращено название — Конногвардейский бульвар (см.: [9]).

Именно у него дома впервые заседало 6/19 ноября 1905 г. Центральное бюро профессиональных рабочих союзов, объединение массовых организаций пролетариата Петербурга.

Как писал А. Г. Герваш, «из протокола заседания 6 (19) ноября известно, что организаторы ЦБ [Центрального Бюро] пригласили тогда с правом совещательного голоса трех представителей от „Союза союзов“, с которыми меньше месяца назад вместе боролись за свободу на митингах и собраниях в решающие дни октябрьской стачки. Похоже, был замысел: вовлечь в деятельность ЦБ интеллигенцию. Однако не получилось. ЦБ назвали центром „рабочих союзов“, фактически преградив путь интеллигенции. Понятно, что большинство профсоюзных лидеров тогда были социал-демократами и выступали за классовое построение профсоюзов. Принципиально никогда не состоявший ни в какой партии ученый Святловский эту точку зрения не разделял, но, как исследователь, вынужден был зафиксировать надолго установившееся идеологическое разобщение крупных отрядов профессионального движения» [5].

За 1905—1906 гг. Святловский, откликаясь на бурные события профсоюзного движения, издал ряд брошюр и монографий, в которых отражены многие интересные факты и подробности деятельности первых профсоюзов.

Среди них выделяется работа «Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах» — «компилятивный труд», выполненный Владимиром Владимировичем «по поручению отдела Промышленности» министерства финансов [10].

Как истинный ученый и романтик движения рабочих союзов, Святловский в Кратком историческом очерке развития рабочих союзов на Западе писал: «Общность занятий и совместное исполнение работы естественно приводят к единению и желанию не только обсуждать, но и общими усилиями улучшать свое положение. Такое объединение трудящихся на почве общих интересов так же старо, как и сама цивилизация. <...> Так, в египетских и греческих памятниках сохранились соответствующие указания о союзах лиц, занятых в одном и том же промысле. Многочисленные других дошли до нас сведения о Риме. Здесь существовали так называемые коллегии ремесленников — профессиональные организации по отдельным ремеслам» [10, с. 3].

Приводил Святловский и должны впечатлить читателя примеры исторической борьбы рабочих за свои права. Так, «в XIII веке, —

отмечал Владимир Владимирович, обсуждая историю рабочего движения в феодальной Европе, — гильдии размножились. Государство и церковь поддерживали устройство гильдий, так как видели в них оплот против феодализма. Члены городских гильдий содействовали королям и лично, и деньгами в их борьбе с феодализмом. Впрочем, властями поддерживались не все гильдии, а лишь те из них, в которые объединилась более зажиточная часть населения, то есть так называемые гильдии „патрициев”. Наоборот, гильдии, возникавшие в бедной среде, составлявшиеся из трудящихся, преследовались. Так, например, Фридрих II¹ запретил устройство всех гильдий, кроме гильдий монетчиков. То же происходило и в Австрии, где Уложение XIII века допускало устройство гильдий лишь условно, а в самой Вене в 1278 году было издано одно строгое запрещение устройства гильдейских собраний. К этому же XIII веку относится и известная в истории борьба гильдий „патрициев” с гильдией „ремесленников”. Борьба эта была кровава и вначале мало благоприятна для цехов. Борьба, как свидетельствует один историк, велась обеими сторонами с ужасающим ожесточением. Так, например, в Магдебурге, в 1301 году десять старшин побежденных ремесленных гильдий были заживо сожжены на рыночной площади. После известной в средневековой истории „битвы ткачей”, проигранной ремесленниками в борьбе с именитыми гражданами, в Кельне, 21 ноября 1371 года, было казнено тридцать три пленных ткача, а на следующий день были перебиты все ткачи, найденные спрятавшимися в подвалах, церквях и монастырях» [10, с. 6—7].

Далее в работе Святловского рассматривалась история становления и развития рабочих союзов в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Австрии, США, Италии, а также в Швейцарии, Голландии и Канаде; давались оценки «общим размерам профессионального движения в различных странах» [10, с. 15—116]; отдельно обсуждалось и комментировалось английское законодательство о трейд-юнионах [10, с. 139—143].

В учреждениях для рабочих, возникающих на почве рабочих союзов, Святловский по-

дробно рассматривал функционирование таких организационных инструментов защиты рабочими своих прав тех лет, как примирительные камеры; примирительно-судебные учреждения; промышленные суды; рабочие секретариаты; рабочие камеры; рабочие палаты; камеры труда; советы труда; биржи труда. Анализируя западный опыт рабочих движений, Святловский старался показать очевидную пользу этих социальных практик для развития промышленности в целом. Он писал: «Повысив заработки и сократив рабочий день, они [союзы рабочих] тем самым создали мощный и энергичный рабочий класс [английских рабочих], явившийся непобедимым на международном товарном рынке. Союзы принесли громадную пользу промышленности. И как *standart of life* английского рабочего поднялся, создатель и нравственное и общественное признание труда и личности организованного рабочего класса» [10, с. 29].

<...>

«Но что, быть может, всего интереснее, — отмечал Святловский, ссылаясь на Зомбарта, — это наблюдение, какое мы можем сделать в Англии, что значительная и притом самая значительная часть предпринимателей считает профессиональные союзы решительно благотельным учреждением. Так, в *Contemporary Review* 1892 г. некто Масер, крупный английский работодатель, высказал приблизительно следующее: английские предприниматели должны бы быть очень благодарны рабочим профессиональным союзам. Достигнутые последними преобразования пошли на пользу не одному только рабочему классу, выиграла от них и вся английская промышленность. Теперь стало общеизвестным местом, что рабочим союзам надлежит главная заслуга в процветании английского производства. Причины этого весьма понятны. Удорожание рабочей силы вынуждало к переходу к улучшенному технологическому процессу, к усовершенствованию производства. Лучше оплаченный и содержимый рабочий легко справлялся с новой техникой, создавая образцовые и дешевые товары. Постепенно английское производство стало вне конкуренции» [10, с. 29—30].

По словам А. Г. Герваша, «в феврале 1906 года к квартире на Конногвардейском, 15 было привлечено внимание всей профсоюзной общественности России. В Петербурге проходила вторая всероссийская профсоюзная конференция, и два заседания решено

¹ Фридрих II (нем. Friedrich II von Hohenstaufen, итал. Federico Ruggero Costantino di Hohenstaufen; (1194—1250), король Германии (римский король) с 5 декабря 1212 г., император Священной Римской империи с 22 ноября 1220 г., король Сицилии с 1197 г. Представитель династии Гогенштауфенов; Сын Генриха VI и Констанции Норманнской, внук Фридриха I Барбароссы и короля Сицилии Рожера II.

было провести дома у В. В. Святловского, который был избран в президиум конференции. В 1907-м Святловский выпускает в Петербурге основной труд своей жизни — монографию „Профессиональное движение в России”, без которой „сегодня невозможно представить себе изучение истории отечественных профсоюзов”» [5].

Свое взволнованное обращение к читателю Святловский начинает словами: «Профессиональное движение в опасности! В настоящий момент власть имущие, в погоне за стрелочником революции, открывают поход против наших профессиональных рабочих организаций. В них видят волшебную лампу Алладина, грядущего мстителя. Уже застрельщик реакционных мероприятий — тревожно-рептильная „Россия” беспокойно метнула взоры в сторону пролетарских союзов. К ним прислушиваются, всматриваются, косо, подозрительно... И новое завоевание рабочего класса, новое приобретение страны, залог ее успешного развития, ибо лишь хорошо сплоченный трудящийся в нормальных условиях, организованный и коллективно договаривающийся рабочий — истинный двигатель прогресса, — рабочие союзы — вносятся в списки заподозренных и им, в тиши, готовят гильотину» [11, с. VII].

Далее Владимир Владимирович продолжает: «Обвинительный акт очень краток: союзы — замаскированное гнездо социал-демократии, ее будущее орудие в политической борьбе. Цель новой и, на этот раз, обдуманной травли состоит в том, чтобы загнать союзы в историческое подполье, где, утратив равновесие, они, тем самым, станут объектами уже шаблонного искоренения.

Мы не будем, — подчеркивал Святловский, — защищать наши профессиональные союзы от этих обвинений. Факты и цифры, раскрывающие истинную природу профессиональных союзов, мы приведем в нашей работе. Мы заметим только следующее: новые экономические формы не исчезают от полицейских мероприятий и законодательных ограничений — рабочие союзы останутся тем, чем они стали, и будут тем, чем они должны быть» [11, с. VII].

Однако, как утверждает Святловский, эти рабочие союзы стали школой солидарности и развития классового самосознания, организациями борьбы рабочего класса против эксплуатации.

Далее он пишет: «Рабочие союзы всегда будут существовать, пока имеются наемные рабочие. И союзы всегда будут стремиться

к политической нейтральности, как бы ни сильно было в них влияние социалистических партий, ибо иначе они не могут успешно и независимо развиваться. И дело окончится тем, что профессиональное движение будет легализовано.

Но есть мудрецы, — иронизировал Владимир Владимирович, — которых не „запугает” и история. Они мечтают заставить и историю маршировать среди полицейских колонн. Их счастье в том, что они не знают и не понимают истории. Но история не знает преград, она если не научит, то сумеет поставить на место и наших мудрецов. Профессиональное движение в опасности!» [11, с. VIII].

<...>

Со свойственной Святловскому чрезвычайной скромностью он заявляет: «в предлагаемой работе автор ставил себе задачей осветить отдельные моменты из истории нашего профессионального движения и некоторые стороны их деятельности. Автор сознает недостатки своей работы. Смягчающим обстоятельством для автора служит прежде всего характер самого материала, его скудости и трудности его добывания. Материалы систематически уничтожались полицией. Дело доходило до того, что при обыске полиция топила печи документами профессиональных союзов, рвала их и т. д.

Кроме того, не наступило еще время для подобного рода работы. Все еще очень свежо и полное освещение событий и фактов невозможно» [11, с. V].

В действительности, книга Святловского объединила в себе совершенно уникальные материалы. Предлагаемый читателю «исторический очерк» [11, с. 28] рассматривал эволюцию касс и обществ взаимопомощи — приказчиков; горнозаводских товариществ; железнодорожных рабочих и служащих; фабрично-заводских рабочих, а также касс взаимопомощи уже профессиональных союзов. Рассматривалась новейшая история «правительственного вмешательства в рабочее движение» организаций Зубатова, Гапона и ушаковцев [11, с. 53]. Показывалась история формирования «профессионального движения» в России последних лет, в частности, стачки 1895—1904 гг. [11, с. 101]; Петербургские профессиональные организации после 9 января 1905 г.; возникновение и начало деятельности Петербургского центрального бюро; Первые шаги Московского центрального бюро; зарождение и развитие профессионального движения в других населенных пунктах России. Отдельное место

книги было посвящено статистике российского профессионального движения — по стране в целом и в разрезе отдельных городов [11, с. 168, 189]. В деталях рассматривались различные направления практической деятельности профессиональных союзов в России. Глава VIII книги содержала в себе анализ «общих условий деятельности союзов» [11, с. 324], в котором Святловский предлагал меры по обеспечению дальнейшего безопасного развития движения в условиях борьбы против союзов со стороны предпринимателей, а также со стороны всевозможных администраций. Автор разбирал законопроекты политических партий о союзах, оценивал действующее законодательство.

Путешественник

В 1907 г. происходит очередное судьбоносное и, казалось бы, ничем не предвещавшее событие в жизни В. В. Святловского. «По предложению Академии наук и университета в 1907 г. он отправляется в этнографическую экспедицию в Австралию и Океанию, в которой ему удалось собрать множество ценных материалов. Одним из пунктов экспедиции были Гавайские острова»¹. Пожалуй, не будет уж совсем необоснованным предположить, что немалую роль в принятии этого предложения Святловским сыграла его поэтическая натура, стремящаяся не только к революционным, но и внесоциально романтическим приключениям и дальним странствиям. Заметим, Владимир Владимирович отправился в это путешествие почти в одно время с Николаем Гумилевым, писавшим:

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.
Нежней цветы и звезды ярче
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой, словно ларчик
Для очарованных невест².

И вот Святловский, теперь путешественник, будет писать:

Я вижу берега алеющих в тумане
Необитаемых, песчаных островов,
И дымы черные на гаснущем вулкане
Среди пылающих пурпурных облаков.

¹ Цит. по: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

² Цит. по: URL: <https://www.culture.ru/poems/38539/priglasenie-v-puteshestvie>

Я вижу — горизонт, безбрежнее, чем горе,
Агатый простор, играющий века,
Жемчужных лебедей, летящих через море,
И зыбь дельфинных спин и даль материка.

Зловеще за кормой колышется пучина,
Грозя угрюмою седеющей волной.
За валом встанет вал. Зеркальная долина
Капризно сменится минутной горой
[2, с. 30].

За два года своего кругосветного путешествия Владимир Владимирович переслал и привез лично из Австралии и Океании почти 500 предметов (это коллекция из Новой Зеландии, с Гавайских островов, с островов Самоа и Пасхи, из Австралии, Новой Гвинеи и Меланезии). Некоторые экспонаты были им закуплены в Лондоне и Сиднее у торговцев этнографическими предметами, а основная часть получена из дублетных фондов ведущих этнографических музеев мира [5].

Несмотря на то что Владимир Владимирович не был профессиональным этнографом, со своим заданием он справился блестяще, проявив бесспорные таланты. Собранные им коллекции получили высокую оценку специалистов и заняли достойное место в постоянной экспозиции музея антропологии и этнографии в зале Австралии и Океании. Академик В. В. Радлов, директор музея, так оценил его труд: «Признавая огромные заслуги В. В. Святловского по отношению к вверенному мне музею, я покорнейше прошу Отделение не отказать ходатайствовать о награждении его не в очередь чином статского советника» [5].

Как пишет А. Я. Массов, «по сегодняшний день в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН хранится большая коллекция этнографических артефактов, привезенных из поездки 1907—1908 гг. в Австралию, Новую Зеландию и на острова Океании приват-доцентом Петербургского университета В. В. Святловским» [12].

Мысли о науке

Владимир Владимирович после возвращения из двухлетнего кругосветного путешествия по итогам поездки опубликовал ряд научных работ и был избран членом-корреспондентом Академии наук. Вскоре он занял должность профессора Психоневрологического института по кафедре политэкономии и статистики, преподавал на Бестужевских курсах (с 1910 г.). Одновременно с преподавательской деятельностью он пи-

шет ряд научных работ по истории экономических учений и экономического быта¹.

Еще за год до путешествия Святловского в Санкт-Петербургском издательстве «Начало» выходит сборник его статей «К истории политической экономии и статистики в России», прекрасно характеризующий Владимира Владимировича именно как политэконома. Здесь автор делится своими весьма грустными впечатлениями о развитии и состоянии российской экономической науки и социальных наук в России в целом: «Умственное развитие отдельных народов, как и отдельных лиц, — писал Святловский, — не всегда протекает последовательно и равномерно; невежество, косность и корысть часто затрудняют и замедляют это развитие. В истории умственной эволюции Европы встречаются и печальные страницы: целые эпохи регресса некоторых отраслей знания, особенно общественного и философского характера. Наука в такие периоды проходила по многострадальному и тернистому пути, светлый и радостный храм знания превращался в мрачную и пустынную Голгофу, а каждый шаг носителей свободной мысли был связан с кровавой борьбой, с молчаливым самопожертвованием. Не даром известный Тиссандье, издавая биографии великих ученых, дал своей книге общее печальное и вешее, как надгробная эпитафия, заглавие: „мученики науки“. В итоге, *circulum vitae* некоторых отраслей знания — это, действительно, суровый мартиролог, трагическая цепь энтузиазма и самоотречения.

Так было на Западе.

Еще меньше роз и лавров на тесном пути русской науки. История ее — история произвола и стеснений, которых не знала ни одна страна Запада. Помимо общих преград, у нас влияли еще свои, своеобразные, чтобы не сказать более, „тернии“. Вместо тупых представителей филистерской академии, душивших все новое, вместо жестокого кардинальского синклита или оппортунистического иезуитизма двора, у нас на науку и ученых остановилось леденящее и неморгающее око административного произвола; и оно, в атмосфере равнодушия и добровольного сыска, было всеильно это „око“!» [13, с. 1—2].

Далее Святловский продолжает: «вспомните сами, начиная с несчастного „доктора Леона“², замученного по методу боярина

Орши в одной из пустых башен Московского кремля, на страницах истории русской науки проходит перед вами длинная вереница засеченных, заточенных или нравственно искалеченных дарований. Заточенный влюбленный в Россию панславист Крыжанич, блестящий ученый и государствовед; замученный Волынский; нравственно затравленный Третьяковский: заключенные и сосланные Посошков, Радищев, Новиков. Минувший XIX век, эпоха развития русского общественного самосознания, не лучше. На пороге николаевской эпохи нас встречают печальные тени Бестужева, Каховского, Пестеля, Рылеева, Кюхельбекера; Николай Тургенев и Головин всю жизнь скитаются за границей; Полежаев, Пушкин, Лермонтов, Шевченко ужасно влачат и кончают свои великие жизни; Грибоедов под судом, Белинский тоже; Огарев и Герцен — изгнанники, а длинный ряд профессоров, как Арсеньев, Костомаров и др., загнанных Магницкими, Руничами, Толстыми и иными палачами бюрократического застенка. И в дальнейшем дело мало изменялось... разве, впрочем, прибавились новые „мероприятия“, вроде сдачи учащихся в солдаты. Очевидно, „общий режим“ не мог не отразиться на положении и науки, и самих ученых» [13, с. 2].

Исследователь заключает: «оглядываясь назад, мы видим, что в начале наши люди шли „по рангу“, в ногу с придворной челядью и держались для декоративного блеска. Ученые приравнялись, и даже официально, к „дирижерам и музыкантам“. Позднее, рассортированные по „классам и шитью“ бюрократической братией, должны были служить целям общего и повального лицемерия, исполняя функции фальсификаторов науки. И вот, едва терпимые, они превратились в холопов власти, делая из науки новый вид хлебной чиновничьей профессии. Не даром пронизательный и развязанооткровенный Катков, оглядываясь на прошлое русской науки, воскликнул: „Наука?! — науки не было в России: была бюрократия!“» [13, с. 2—3].

Ивана III — венецианском еврее Леоне. Наследник престола Иван Молодой мучился «камчугом» (то ли подагрой, то ли какой-то кожной болезнью). Лекарь Леон заявил, что берет на исцеление князя и ручается за его выздоровление головой. Скорее всего, он счел болезнь тридцатидвухлетнего князя неопасной. Лечил же ее прикладыванием «скляниц» с горячей водой. Но Иван Иванович умер, и голову Леону отрубили. Вполне возможно, что лекарь не нес ответственности за смерть наследника, и тот пал жертвой династической борьбы. Подробнее см.: URL: <https://diletant.media/articles/45373930/>

¹ См.: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

² Напомним, как гласят общедоступные источники, из летописей до нас дошли сведения о придворном лекаре

Далее Святловский с возмущением говорит: «Эпоха, осмеянная даже Катковым, не миновала. И поныне ни один наш „ученый“ тайный советник, своеобразной совместитель свободной кафедры и декорированного казенного виц-мундира, гордится тем, что он представитель „правительственной науки“...

Конечно, не вся русская наука глядела и смотрит через темные двери двадцатого числа. Рядом с позорной казенной наукой всегда жила тонкая, но живительная струя вольного знания. И даже в эпохе Павла и Бенкендорфа сверлящее острие критической мысли протачивало себе свои кротовые ходы. Где-то там, на задворках официальной России, всегда ютилось непризнанное „вольномыслие“, искреннее знание, невымирающая традиция истинной науки, боевая мысль и смелое слово. Носители и глашатаи правды давали в самые глухие времена лучи света, которыми только и озарялась мыслящая Россия. Позднее, непризнанная „академия улицы“, подняв высоко над головами свой факел, совершенно затмила смрадные копилки казенных фонарей. Вольная „улица“ победила и отвергла казенщину...» [13, с. 3].

Как тут не вспомнить стихотворения Святловского «Волны и мысли»:

Волны бегут на утес,
Лижут уступы, как пес,
Ярый, коварный и злой.

Мысли как волны летят,
В душу проникнуть хотят
Тесной и дружной толпой.

Бьется напрасно волна,
Смутной тревоги полна,
Ветром гонимая прочь,

Мыслью земли не объять,
Мыслью души не понять,
Горе — познанию дочь [2, с. 32].

В этой связи оправданно будет привести отрывок замечательной статьи П. Б. Струве «Русская наука в русской культуре» [14, с. 193—202]. Струве писал, что «развитие науки в России началось позже и совершалось при иных условиях, чем в странах Западной Европы. Историческое исследование с все большей ясностью раскрывает теперь, в какой мере развитие научного мышления и наук было подготовлено на Западе духовными движениями средневековья. Наука и философия нового времени вышли из

средневековой науки и философии, и первая по отношению к второй является не могильщицей, а дочерью» [14, с. 193].

Далее Струве пишет: «Этого звена в процессе духовного развития России не было — оно выпало. Конечно, в западнорусской культуре были известные зародыши его, но они были слабы: церковная и научная культура даже в Западной России никогда не могла равняться в этом отношении с культурой западных стран. В России до Петра не было науки. <...> Когда наука была перенесена в Россию, [то] начала систематически в ней насаждаться. <...> Вот почему *русская наука* с самого ее начала есть явление *светское*. <...> В нашем отечестве более чем где-либо наука развивается в теснейшей связи с национальным государством и его ростом. <...> Было бы совершенно неисторично не видеть, в какой мере в России государство было двигателем культуры и науки. <...> Рост государства и его могущества создавал и экономическую основу и широкие и все раздвигающиеся правовые и культурные рамки для научной культуры. Что это значит, позвольте иллюстрировать словами Ломоносова. На вопрос, для чего России нужны ученые люди, Ломоносов отвечал следующим перечислением надобностей: „для Сибири“, для „горных дел“, для „фабрик“, для „сохранения народа“ (то есть для народного здоровья), для „архитектуры“, для „правосудия“, для „исправления нравов“, для „купечества“ (то есть для торговли), для „единства чистой веры“, для „земледельства“ и „предзнания погоды“, для „военного дела“, наконец, для „хода севером“ (то есть для проникновения России на Крайний Север) и для „сообщения с Ориентом“ (то есть для проникновения России на Восток)» [14, с. 193—195].

Стоит обратить внимание на то, что в этом списке нет ничего похожего — «для объяснения социально-экономических явлений или «для понимания законов экономической жизни общества», или для «объяснения богатства народа и его приращения».

Струве подчеркивал, что «наука была пересажена в Россию властью как орудие осуществления практических государственных задач» [14, с. 196]. И в этой связи научный поиск неких объективно работающих экономических законов, должных определять объективное значение понятий ценности, справедливой цены, оптимума в соотношении спроса и предложения, экономических выгод, наконец, общественной, социальной справедливости — в условиях абсолютной

монархии, где любые социальные, и в том числе любые хозяйственные процессы не могут происходить никак иначе, как по воле Государя — этот поиск представляет собой занятие весьма сомнительное.

Отсюда, время до известных событий 1905 г., Струве определяет как «время в русской духовной истории, когда наука и публицистика не были отделены, когда научные достижения оценивались по их публицистической окраске и предполагаемой общественной полезности. Эта несвобода, — подчеркивал Петр Бернгардович, — особенно долго тяготела над историей и над политической экономией и вообще над всеми „социологическими“ дисциплинами» [14, с. 200—201].

Каталог утопий

Говоря о творческом пути В. В. Святловского, нельзя не обратить внимание на его интерес к тематике утопий. «После 1917 г. Святловский первым из русских ученых обратился к изучению литературной утопии, составил библиографический указатель, содержащий информацию о полутора тысячах произведений данного жанра, охватывающих период с античности до XX в.»¹

В 1923 г. свет увидела работа Владимира Владимировича «Каталог утопий» [15], в предисловии к которой он писал: «При выработке своего мировоззрения (1843—1847) Карл Маркс и Фридрих Энгельс сурово и вполне справедливо осудили утопический социализм как идеологию, совершенно чуждую им и по духу, и по задачам. Отсюда у многих марксистов установилось уже пренебрежительное отношение к утопиям и утопизму, притом, в большей степени, чем заслуживал утопизм, даже как превзойденная и изжитая ступень развития. Таким образом то, что было неизбежно и необходимо в середине 40-х годов XIX столетия, с течением времени превратилось в своего рода ошибку, заслуживающую быть отмененною. Если революционному марксизму в свое время пришлось для самоконструирования резко отмежеваться не только от современных ему родственных течений, но и от своего прошлого, то это и тогда отнюдь не обозначало, что лучшие духовные достижения двух тысячелетий, смелые социальные мечты ряда перwokлассных умов, — от великого Платона до поныне мало оцененного Фурье, от классического Томаса Мора до вдохновенного Сен-

Симона, — можно рассматривать только как социальное суеверие» [15, с. 3].

Далее Святловский развивает свою мысль следующим образом: «Как известно, последняя часть бессмертного „Коммунистического манифеста“ и блестящий памфлет Энгельса „Анти-Дюринг“ выдвигают против утопического социализма пришедший ему на смену социализм научный» [15, с. 3].

В понимании глубины этого противоречия, считал Святловский, и лежит весь смысл завоевания, сделанного марксизмом в истории развития и социалистической мысли и социального движения. «Но противоположение неопределенной беспочвенной мечтательности — вечно юной науке, противоположение неоформленным порывам интеллигентской мысли — суровой революционной требовательности пролетариата вовсе не было равносильно огульному осуждению утопий, как метода идеологического воздействия, и утопий, как хранилищ того священного идеалистического огня, которым человечество освящает и облагораживает борьбу классов в ходе истории развития» [15, с. 4].

Владимир Владимирович подчеркивал, что «материализм и научность Маркса, суровый реализм и решимость масс в эпохи и дни подъема — полны высокого гражданского пафоса, пламенный стиль и призыв к действию революционного набата — полны своего особого идеализма, не имеющего ничего общего с схоластическим идеализмом метафизиков» [15, с. 4].

И вот здесь перед нами вновь раскрывается Святловский как поэт и романтик, искренне верящий в идеалы и находящий поэтику даже в кровавой классовой борьбе за победу научного коммунизма. «Само время, — вдохновенно пишет Святловский, — является красноречивым защитником утопий. В эпоху постепенного торжества научного социализма утопии, как художественная форма и как способ пропаганды, продолжали и продолжают вновь создаваться и увлекать умы ищущих и стремящихся. И в том, что марксизм не уничтожил прекрасных цветов социальной фантастики, — а они продолжают появляться даже в суровые дни величайших потрясений, — лежит глубокий смысл. Основоположники научного социализма — и более мрачный Маркс, и более светлый Энгельс — никогда не осуждали поэзии, они ее сильно чувствовали и даже были к ней причастны. Маркс и Энгельс писали стихи и, без сомнения, никогда бы, отвергая содержание, не ополчились бы против художественной

¹ URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

формы, как способа воздействия на массы. Ни Маркс, ни Энгельс тем самым не изгоняли его (идеализм) совсем из обихода, как то делают иные вульгарные умы. И мы должны изучать утопии!» [15, с. 4].

Не расставшийся с идеалами

Можно сказать, что В. В. Святловский — это тот редкий случай среди российской дореволюционной профессуры, кто не просто уцелел после Октябрьской революции, но и был востребован в Советской России. Вероятно, это объясняется областью его научных исследований, которая активно интересовала новую власть.

Период между двумя российскими революциями Владимир Владимирович провел в Валдайском уезде Новгородской губернии, где основал Березайское общество распространения народного образования, вел культурно-просветительную и политическую работу. В 1919 г. он вернулся в Петроград, был избран в члены президиума Губполитпросвета, преподавал в Высшем партийном институте Балтфлота, в военно-морском училище, читал лекции для железнодорожного пролетариата, на судах флота и в Кронштадтском морском клубе.

А с 1920 г. Святловский работает в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, преподает в Петроградском госуниверситете, в Военно-политическом институте им. Н. Г. Толмачева, читает лекции в Коммунистическом университете им. Зиновьева, Центральных военно-морских политических курсах, в училище им. Рошаля и Морской академии. В эти годы его не раз будут вызывать в Москву для участия в работе бюджетного управления Наркомфина, Малого Совнаркома, комиссии по Госстраху и пр.

В 1923 г. выходит в свет работа Святловского «История экономических идей в связи с историей экономического быта» [4]. «Мысль, — напишет уже советский профессор Святловский, — идея, оформленное словом сознание, идеология, — представляет результат того быта и того социального уклада, где она создается и развивается. Такое понимание — важное завоевание современной науки; основное положение марксизма и материалистического понимания истории гласит, что бытие определяет сознание, его направляет и формулирует. Так было, так есть и так будет. Связь между бытием и сознанием, между бытом и идеологией можно проследить по всей социальной истории человечества. Действительно, вся история

мысли, не говоря уже о наиболее очевидной, — истории экономической идеологии, представляет собой типичное производное хозяйственного быта своего времени» [4, с. 3].

Святловский убежденно доносил до читателя мысль, что «марксизм представляет собой целостное синтетическое мировоззрение, имеющее историческое, философское и социологическое обоснование. В то же время, — писал он, почти цитируя Ленина, — марксизм является высшим объединением всего человеческого знания, всей совокупности науки с точки зрения революционного пролетариата, ставящего своей целью полное активное освобождение (экономическое, политическое и духовное) всех трудящихся, всех угнетенных классов и народов от насилия, эксплуатации, невежества и предрассудков» [4, с. 383].

Мог ли Святловский верить в то, что здесь писал? Может быть и мог. Но тогда он, при всех свойствах его горячей, романтической природы, должен был безоговорочно принять марксизм именно как новую веру нового времени. Кто знает...

Начиная с 1924 г. В. В. Святловский работает в Ленинградском губпрофсовете, читает ряд публичных лекций, по поручению профсоюзов готовит новое издание Истории профессионального движения в России.

Он ушел из жизни в 1927 г. Ему не суждено было дожить до тех воплощений мечты Революции, которые ждали страну в сталинские тридцатые. Он не увидел, как и чем укрепитя новая вера на его родине. Можно допустить, что он умер счастливым.

Владимиру Святловскому не суждено было стать поэтом российского декаданса, но было суждено стать поэтом российского профсоюзного движения, поэтом, чье слово нашло самое прямое воплощение в окружавшей его действительности:

Бог создал мир из ничего,
Учись, художник, у него, —
И, если твой талант — крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный приборй
Бежит по бездне голубой [7, с. 190].

Подводя итог его жизни и деятельности, можно добавить, что поэт профсоюзов Владимир Святловский всей жизнью воплотил завет своего кумира Константина Бальмонта.

Список источников

1. Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Петроград : Колос, 1923. 125 с.
2. Святловский В. В. Янтари. Петроград, 1916. 120 с.
3. Блок А. А. Собрание сочинений : в XII т. Т. VI. Последние дни императорской власти. Статьи. М. : Госполитиздат, 1962. 565 с.
4. Святловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. М., 1923. 393 с.
5. Герваши А. Г. Звездный час Владимира Святловского. URL: <http://www.torgedin.ru/sviatoslavski.html>
6. Святловский В. В. Квартирный вопрос. СПб., 1898. 278 с.
7. Бальмонт К. Стихотворения. М. : Профиздат, 2009. 238 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. СПб., 1908. Т. 25, № 26803. С. 754—755.
9. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы. Л. : Лениздат, 1985. 512 с.
10. Святловский В. В. Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах. СПб., 1905. 239 с.
11. Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб. : Издание М. В. Пирожкова, 1907. 406 с.
12. Массов А. Я. Русские исследования Австралии XIX — начала XX в. // Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX—XXI вв. СПб., 2020. 119 с.
13. Святловский В. В. К истории политической экономии и статистики в России. СПб. : Начало, 1906. 200 с.
14. Струве П. Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитар. института, 2000. 349 с.
15. Святловский В. В. Каталог утопий. М. ; Петроград : Государственное издательство, 1923. 99 с.

References

1. Kondrat'ev N.D. *Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovskiy* [Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovsky]. Petrograd : Kolos, 1923, 125 p.
2. Svyatlovskiy V.V. *Yantari* [Amber]. Petrograd, 1916, 120 p.
3. Blok A.A. *Sobranie sochineniy : v XII t., vol. VI. Poslednie dni imperatorskoy vlasti. Stat'i* [Collected Works : in XII vol. Vol. VI. The Last Days of Imperial Power. Articles]. Moscow : Gospolitizdat, 1962, 565 p.
4. Svyatlovskiy V.V. *Istoriya ekonomicheskikh idey v svyazi s istoriey ekonomicheskogo byta* [History of Economic Ideas Within the History of Economic Life]. Moscow, 1923, 393 p.
5. Gervash A. G. *Zvezdnyy chas Vladimira Svyatlovskogo* [Vladimir Svyatlovsky's Moment of Glory]. Available at: <http://www.torgedin.ru/sviatoslavski.html>
6. Svyatlovskiy V.V. *Kvartirnyy vopros* [Flat Matter]. St. Petersburg, 1898, 278 p.
7. Bal'mont K. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow : Profizdat, 2009, 238 p.
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], St. Petersburg, 1908, vol. 25, no. 26803, pp. 754–755.
9. Gorbachevich K.S., Khablo E.P. *Pochemu tak nazvany* [Why They are Named Like That]. Leningrad : Lenizdat, 1985, 512 p.
10. Svyatlovskiy V.V. *Polozhenie voprosa o rabochikh organizatsiyakh v inostrannykh gosudarstvakh* [Status of Workers' Organisations in Foreign Countries]. St. Petersburg, 1905, 239 p.
11. Svyatlovskiy V.V. *Professional'noe dvizhenie v Rossii* [Occupational Movement in Russia]. St. Petersburg : Izdanie M. V. Pirozhkova, 1907, 406 p.
12. Massov A.Ya. *Russkie issledovaniya Avstralii XIX – nachala XX v.* [Russian studies of Australia in the nineteenth and early twentieth centuries], *Rossiya i Okeaniya. Issledovaniya i puteshestviya rossiyan v XIX–XXI vv.* [Russia and Oceania. Explorations and journeys of Russians in XIX–XXI centuries]. St. Petersburg, 2020, 119 p.
13. Svyatlovskiy V.V. *K istorii politicheskoy ekonomii i statistiki v Rossii* [To the History of Political Economy and Statistics in Russia]. St. Petersburg : Nachalo, 1906, 200 p.
14. Struve P.B. *Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Russia. Homeland. Foreign land]. St. Petersburg : Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitar. instituta, 2000, 349 p.
15. Svyatlovskiy V.V. *Katalog utopiy* [A Catalogue of Utopias]. Moscow ; Petrograd : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923, 99 p.

Информация об авторе

Пятов Михаил Львович — доктор экономических наук, профессор кафедры статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Information about the author

Mikhail L. Pyatov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Statistics, Accounting and Auditing, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 29.12.2024; принята к публикации 02.02.2025.

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 29.12.2024; accepted for publication 02.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баталов Алексей Геннадьевич — соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация. E-mail: batalov.alexey@bk.ru

Березова Татьяна Георгиевна — аспирант кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: berezova_t@mail.ru

Дигилина Ольга Борисовна — доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация. E-mail: o.b.digilina@mail.ru

Кисляков Алексей Николаевич — профессор кафедры информационных технологий, доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Нагаева Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: espro@mail.ru

Поподько Галина Ивановна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pgi90@bk.ru

Пятов Михаил Львович — доктор экономических наук, профессор кафедры статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Саликов Юрий Александрович — доктор экономических наук, профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Российская Федерация. E-mail: saural@rambler.ru

Цянь Синь — соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Российская Федерация. E-mail: wzymcbymb2022@gmail.com

Чернышев Илья Анатольевич — соискатель, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация. E-mail: ia_cher@bk.ru

Шишацкий Николай Георгиевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: nik@ksc.krasn.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Alexey G. Batalov — Applicant for a Scientific Degree of Candidate of Economic Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation. E-mail: batalov.alexey@bk.ru

Tatyana G. Berezova — Postgraduate Student of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: berezova_t@mail.ru

Olga B. Digilina — Doctor of Economic Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation. E-mail: o.b.digilina@mail.ru

Alexey N. Kislyakov — Professor of the Department of Information Technologies, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Olga S. Nagaeva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ecpro@mail.ru

Galina I. Popodko — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pgi90@bk.ru

Mikhail L. Pyatov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Statistics, Accounting and Auditing, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Yuri A. Salikov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation. E-mail: saural@rambler.ru

Qian Xinyi — Applicant for a Scientific Degree of Candidate of Economic Sciences, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation. E-mail: wzymcbymb2022@gmail.com

Ilya A. Chernyshev — Applicant, Faculty of History and Political Sciences, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: ia_cher@bk.ru

Nikolay G. Shishatsky — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: nik@ksc.krasn.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Редакция журнала «Развитие территорий» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим направлениям:

- Актуальные вопросы государственного и муниципального управления.
- Государство и гражданское общество, идеология и политика.
- Право и юридические науки.
- Экономические исследования.
- Проблемы развития экономики и управления.
- Информационные системы и процессы.
- Бизнес-информатика.
- Территория: факты, оценки, перспективы.
- Страницы истории.
- Научный поиск и предложения.

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: rasv_ter@siu.ranepa.ru.

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен представить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

Плата за публикацию статьи, равно как иные сборы, с авторов не взимается. Гонорар за статьи не выплачивается.

2. Порядок приема и отбора рукописей

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

При поступлении статьи в редакцию проводится ее проверка на соответствие тематике журнала и требованиям к оформлению. В случае несоответствия автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

При соответствии статьи требованиям проводится ее проверка на отсутствие некорректных заимствований (плагиат).

В случае соответствия статьи всем перечисленным требованиям она направляется на научное рецензирование. Все статьи, принятые в редакцию, обязательно проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования (автор и рецензент не известны друг другу). Рецензирование статей осуществляют не только члены редакционного совета и редакционной коллегии, но и приглашенные эксперты — признанные специалисты в той научной области, которой соответствует тематика статьи. Выбор рецензента осуществляется редакционной коллегией.

Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия редакционной коллегией решения об опубликовании статьи.

Статьи, получившие отрицательную оценку рецензентов, отклоняются. Отклоненные статьи авторам не высылаются, с авторами не обсуждаются и повторно не рассматриваются.

Если редакционной коллегией принято решение «Рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков», то автору высылаются вопросы и/или предложения рецензента и устанавливается срок для устранения указанных недостатков либо аргументированного отклонения выдвинутых замечаний (в течение 10 рабочих дней). В случае возникновения серьезных противоречий

между автором и рецензентом редакционная коллегия имеет право направить статью на дополнительное рецензирование.

Срок хранения рецензий в редакции — 3 года.

Окончательное решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционно-экспертным советом журнала. Автор информируется о принятом решении.

Решение редакционной коллегии о допуске статьи или отказе в публикации направляется автору по электронной почте. В случае положительного решения в письме указываются сроки публикации.

Рукописи статей, рекомендованных к публикации, подвергаются редакционной обработке, которая включает литературное редактирование, корректуру, техническое редактирование. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. При необходимости замечания редактора согласуются с автором.

3. Требования к публикациям

Основные сведения об авторе. На русском и английском языках приводят: имя, отчество, фамилию автора (полностью). Наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна).

Также указываются электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии). Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail», после электронного адреса точку не ставят. ORCID приводят в форме электронного адреса в сети Интернет. В конце ORCID точку не ставят. Наименование организации (учреждения), ее адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Содержание статьи: оригинальность текста, актуальность проблемы, четкая формулировка темы статьи, соответствие содержания статьи заявленной в названии теме, высокий научный уровень (признанные в науке методы исследования, корректность статистического анализа, обоснованность полученных данных, аргументированные выводы, логичность и полнота раскрытия темы), научный, научно-публицистический стиль изложения, терминологическая точность.

Структура статьи: введение (обоснование актуальности исследования, постановка проблемы, обзор литературы по тематике исследования); определение целей и задач; методы (описание научного инструментария исследования); результаты (представление основных фактических данных, обсуждение, интерпретация полученных данных, предложения по практическому применению и/или дальнейшему исследованию); заключение (выводы, подведение итогов статьи без повторения уже использовавшихся формулировок).

Аннотация: объем — от 100 до 150 слов, представляется на русском и английском языках. В аннотации необходимо отразить актуальность темы исследования, постановку проблемы, основные результаты и выводы. Аннотация должна отражать логику изложения материала в статье, лаконично и точно излагать основные идеи и выводы исследования.

Ключевые слова: объем — от 6 до 12 слов, должны отражать специфику темы статьи, объекта или результатов исследования на русском и английском языках.

4. Правила оформления научной статьи

Общие требования. Рукопись статьи оформляется в редакторе Microsoft Office Word и прикрепляется в формате *.doc, *.docx. Поля сверху, снизу, слева и справа — 2 см. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный. Переносы включены.

Шрифт представляемой в редакцию статьи — Times New Roman. Размер шрифта — 14 пт. В верхнем левом углу листа должен стоять УДК. Ниже по центру полужирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи (на русском и английском языках). Далее фамилия автора, инициалы, строкой ниже — полное название организации, e-mail. Ниже через строку помещается аннотация и ключевые слова. Далее этот блок повторяется на английском языке. Еще через строку помещают основной текст статьи. (См. пример структуры статьи.)

Список источников. Размещается непосредственно после основного текста статьи. В список включают библиографические записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. При этом сначала следуют источники на русском языке, после них — на иностранном языке. В список литературы не включаются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, стандарты и др.). Идентифицирующие сведения (наименование, номер, дата и др.) о такого рода документах приводятся в тексте при их первом упоминании. Список приводят в двух вариантах: на русском языке, оформленном в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка», и в романском алфавите, оформленном в соответствии с требованиями международной библиографической и реферативной базы Scopus. Фамилии авторов статей на английском языке представляются в международной системе транслитерации Британского Института Стандартов (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI). Английские источники остаются без изме-

нений, русскоязычные источники транслитерируются с помощью программы Translit (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI) (см. пример пристатейного списка).

Дополнительные сведения. На последней странице на русском и английском языках приводятся: фамилия, полные имя и отчество (при наличии последнего), ученая степень и звание (при наличии), официальное название организации, должность, полный адрес организации (с указанием почтового индекса), служебный e-mail, номер служебного и контактного (мобильный, по возможности) телефонов.

5. Оформление отдельных элементов текста

Аббревиатуры. В тексте без расшифровки допустимо использовать только общепринятые аббревиатуры. К ним относятся пять общепринятых сокращений: *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.*, *и др.*, *и пр.*, а также *в.*, *вв.*, *г.*, *гг.* (при датах), *г.*, *д.*, *обл.*, *с.* (при географических названиях), *гл.*, *ч.*, *п.*, *подп.*, *разд.*, *рис.*, *с.*, *см.*, *ср.*, *табл.* (при ссылках и сопоставлении), *руб.* (рубль), *долл.* (доллар) и некоторые другие.

Не допускается использовать сокращения: *т. о.* — таким образом, *т. н.* — так называемый и *т. к.* — так как.

Помимо общепринятых аббревиатур в работах могут применяться авторские сокращения. При этом после их первого упоминания в тексте необходимо в скобках указать аббревиатуру, например средства вычислительной техники (СВТ).

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуючную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуючную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуючная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт, головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц — не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 170 × 170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте *после ссылки на них.*

Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смешение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 70 мм.

Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При косвенном цитировании (парафраз, или пересказ, — передача своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «По данным британских ученых...», «В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

Ссылки. На весь заимствованный материал (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.) даются ссылки на источники.

В журнале приняты затекстовые библиографические ссылки. Они входят в пристатейный список источников. Библиографические записи источников в пристатейном списке нумеруются, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка» с обязательным указанием *общего количества страниц.*

Связь между текстом и цитируемым источником устанавливается посредством отсылки, которую оформляют в виде заключенных в квадратные скобки порядкового номера источника и через запятую номера страницы. Если приводят прямую цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *конкретную страницу* цитаты. Если приводят косвенную цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *постраничную пагинацию*, в пределах которой изложен упоминаемый материал. Если в тексте речь идет в целом об издании, в отсылке указывают только порядковый номер источника. Если текст цитируется не по первоисточнику, то отсылку следует начинать словами «Цит. по:». Например: [Цит. по: 9, с. 24—25] (см. примеры оформления затекстовых ссылок).

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

В тексте отсылки оформляются следующим образом:

При прямом цитировании

Как отмечал Н. А. Бердяев, «идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции» [10, с. 222].

При парафразе, или пересказе

Так, Н. А. Бердяев раскрывает метафизическую сущность прогресса, отмечая связь идеи о прогрессе с мессианской идеей религиозных верований [10, с. 222—223].

При ссылке целиком на весь источник

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти вниманием известную работу Н. А. Бердяева [10].

При цитировании не по первоисточнику

Ж. Р. Колесникова, осмысляя свою эпоху, писал о процессе «истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни...» [Цит. по: 23, с. 75].

Описание источника в затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 269 с.
23. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 163 с.

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конеv Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браcлавец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU) [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]*. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — soveti starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser]. Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavец L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism]*, 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84.
Territory Development. 2021;(4):79—84.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

²ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Международное гуманитарное сотрудничество как фактор развития приграничных территорий // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-79-84>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF FRONTIER ZONE

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

²ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I. S., Petrov I. P. International humanitarian cooperation as a factor of development of frontier zone. *Territory Development*. 2021;(4):79—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-79-84>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2000; одобрена после рецензирования 00.00.2000; принята к публикации 00.00.2000.

The article was submitted 00.00.2000; approved after reviewing 00.00.2000; accepted for publication 00.00.2000.